

ISSN 0131-6117

РУСС-

R U S S I A N

СЛОВА

S P E E C H

РЕЧЬ

МОСКВА, 2021

МАРТ–АПРЕЛЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет

А. А. Гиппиус д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН

М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США

В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания

М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США

Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия

Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия

Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**

Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2021

ISSN 0131-6117

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

MOSCOW, 2021

**MARCH -
APRIL**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

---

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

---

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Demytyev Saratov State University, Saratov, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

---

Managing editor: **Olga V. Antonova**

Editorial staff: **Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... *И. А. Вежинова*. Публицистический стиль в современной языковой ситуации
- 20..... *А. Б. Летучий*. Я хотел весь помыться — синтаксис русских рефлексивов за пределами литературного языка
- 35..... *Т. С. Садова, Д. В. Руднев*. Деловой язык: «этакая духота»!
- 44..... *О. И. Северская, Л. В. Селезнева*. О бизнес-пунктуации: знаки препинания или преткновения?

Из истории русского языка

- 54..... *О. А. Давыдова*. Гелиотроповый... Какого цвета?
- 63..... *А. С. Котельникова*. «Свет ясный, пурпуровый...»
- 72..... *Л. И. Маршева, Е. Ю. Коротков*. Трудные места из пасхального канона на церковнославянском языке (варианты исправления на примере песни 4)
- 83..... *М. А. Пузина*. Иностранцы в России: судьбы славянских переводных стихир

Язык художественной литературы

- 100..... *К. М. Балашов-Ескин*. Стихотворные переносы как явление поэтического синтаксиса В. А. Сосноры
- 116..... *О. Л. Довгий*. Зевгма в сатирах А. Д. Кантемира

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Irina A. Veschnikova*. Journalistic Style
in the Modern Language Situation
- 20..... *Alexander B. Letuchiy*. *I Wanted to Wash Myself* — Syntax
of Russian Reflexive Verbs in Spoken Language
- 35..... *Tatiana S. Sadova, Dmitrii V. Rudnev*. Official Language: “How Stuffy!”
- 44..... *Olga I. Severskaya, Larisa V. Selezneva*. Some Notes
About Business Punctuation:
Punctuation Marks or Stumbling Blocks?

From the History of the Russian Language

- 54..... *Olga A. Davydova*. Heliotrope... What Colour Is That?
- 63..... *Anastasiia S. Kotelnikova*. “The Light Is Clear, Purpureal...”
(G. Derzhavin)
- 72..... *Larisa I. Marsheva, Egor Yu. Korotkov*. Difficult Places
from the Easter Canon in the Church-Slavic Language
(Correction Options on the Material of Song 4)
- 83..... *Maria A. Puzina*. Foreigners in Russia: the Fate of the Slavic
Translated Stichera

The Language of Fiction

- 100..... *Kirill M. Balashov-Eskin*. Poetic Enjambments as the Phenomenon
of the V. A. Sosnora’s Poetic Syntax
- 116..... *Ol’ga L. Dovgy*. Zeugma in A. Cantemir’s Satires

Публицистический стиль в современной языковой ситуации

Ирина Андреевна Вещикова, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва), irinavmgu@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170014705-4

АННОТАЦИЯ: В контексте указанной темы интерес представляет следующий круг вопросов: начало экспансии публицистического стиля; логика описания публицистического стиля, медиасталя и медиатекста в разных научных направлениях; причины перехода от традиционных терминов типа *публицистический* и *газетно-публицистический стиль* к новым номинациям с компонентом *медиа*; соотношение понятий *публицистический стиль* и *медиа речь* и их характеристика в системе координат функциональной стилистики.

Проведенное с таких позиций исследование позволяет сделать некоторые обобщения и выводы. Во-первых, представители функциональной стилистики и сторонники новых медиадисциплин по-разному видят объект и принципы его исследования. При этом именно функциональную стилистику отличает сосредоточенность не на медиа вообще, но на проблеме изучения их языкового устройства. Во-вторых, для представления стилистической ситуации советского периода (эпоха литературоцентризма) целесообразно сохранить термин *публицистический стиль*, для характеристики постсоветского (эпоха медиацентризма) логично использовать понятие *медиа речь*. В-третьих, опираясь на два типа параметров — языковые и внелингвистические, функциональная стилистика установила, что публицистический стиль и его преемник — *медиа речь* (имеется в виду узкое толкование) есть жанровый и речевой континуум, слагаемые которого — строгие и нестрогие жанры —

не тождественны по языковому оформлению. Поэтому говорить об особенностях медиаречи без учета ее внутреннего членения вряд ли правомерно. В-четвертых, отличия публицистического стиля и медиаречи объясняются переформатированием медиапространства в пользу группы нестрогих жанров, в языковом строе которых наряду с общелитературными средствами активны экспрессивно-выразительные элементы разной природы (разговорные и внелитературные), а книжно-письменные представлены незначительно.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: публицистический стиль, функциональная стилистика, медиаречь, внеязыковые параметры, лингвистические параметры, стилистическая ситуация, строгие (нестрогие) жанры

для цитирования: Вещикова И. А. Публицистический стиль в современной языковой ситуации // Русская речь. 2021. № 2. С. 7–19. DOI: 10.31857/S013161170014705-4.

Issues of Modern Russian Language

Journalistic Style in the Modern Language Situation

Irina A. Veschikova, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow), irinavmgu@gmail.com

---

ABSTRACT: In the context of our topic the following range of issues are of interest: the beginning of the journalistic style expansion; the way journalistic style must be described, media style and media text in different scientific areas; the reasons for the transition from traditional terms such as journalistic and news-writing style to new terms that have an element of media in their composition; the correlation between the concepts of the journalistic style and media speech, and their characteristics, in the system of coordinates for functional stylistics. The study which includes these aspects allows us to make some generalizations and conclusions. First, representatives of functional stylistics and proponents of new media disciplines see the object and the principles of its research differently. At the same time, functional stylistics is distinguished by the focus not on the media in general, but on

the problem of studying their language structure. Second, to paint a picture of the stylistic situation in the Soviet era (the epoch of literary centrism), it is worthwhile to keep the term journalistic style, whereas it is more logical to use the concept of media speech to characterize the post-Soviet period (an era of media centrism). Third, relying on linguistic and extralinguistic parameters, functional stylistics has established that the journalistic style and its successor, media speech (in a narrow interpretation), represent a genre-related and speech continuum whose components — strict and non-strict genres — are not identical in terms of their language constructs.

That is why speaking about the particular properties of media speech, without taking into account its inner structure, is hardly justifiable. Fourth, the differences between the journalistic style and media speech reside chiefly in the change of the media landscape in favor of a group of non-strict genres whose linguistic structure, together with common literary tools, actively uses different types of evocative and expressive components (colloquial and non-literary ones), while book-written elements have a limited representation.

KEYWORDS: journalistic style, functional stylistics, media speech, extralinguistic parameters, linguistic parameters, stylistic environment, strict (non-strict) genres

FOR CITATION: Veschikova I. A. Journalistic Style in the Modern Language Situation. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2021. No. 2. Pp. 7–19. DOI: 10.31857/S013161170014705-4.

В монографии «Литературный язык в современной коммуникации», увидевшей свет в 1978 г., был сформулирован тезис, согласно которому «для развития современных литературных языков... всё указывает на то, что постепенно ослабевает влияние языка художественных текстов на образование и на закрепление нормы и, напротив, возрастает влияние и воздействие на нее специального языка... и языка публицистики (не только письменной, но и устной)» [Едличка 1988: 74]. Четверть века спустя в статье, написанной для «Энциклопедического стилистического словаря русского языка», стилисты подтвердили, что публицистический стиль «занимает ведущее место в стилистической структуре русского литературного языка. По силе и масштабу влияния на развитие литературного языка, формирования языковых вкусов, речевых норм он

превосходит художественную речь. Особенно велика роль в этих процессах СМИ» [Солганик 2003: 314–315]. Тогда же свои наблюдения обобщили и теоретики литературного языка, акцентируя внимание на том, что обсуждаемый стиль — «это жанровый и речевой континуум» и «самая подвижная и подверженная изменениям часть литературного языка», которая «индуцирует вхождение иностранных слов, жаргонизмов и некоторых удачных выражений во всеобщее употребление. Она может сделать отдельное употребление субъективной, а затем и объективной нормой» [Лаптева 2003: 285, 186]. В этом контексте нельзя не упомянуть и общий вывод культурологов о «процессе перехода культуры от литературоцентризма к медиациентризму» [Кондаков 2016: 516], переживаемом в последние десятилетия.

Откликом на изменившуюся стилистическую ситуацию стало особое внимание специалистов разного профиля к публицистическому стилю и — шире — к массмедиа, а также развитие новых направлений, обратившихся к анализу и осмыслению таких категорий, как *медиа́текст*, *медиа́стиль*, *медиа́речь*.

Несколько замечаний о терминах и исследовательских приоритетах

Изучаемая разновидность литературного языка имеет множество имен, соотносимых с различными научными подходами. Первые работы в этой области относятся к эпохе литературоцентризма и связаны с господствующей во второй половине XX в. теорией функциональной стилистики, в рамках которой наряду с термином *публицистический стиль* (далее — ПС) использовались и иные наименования, в числе которых: *газетно-публицистический стиль*, *газетно-информационный стиль*, *газетная речь*, *публицистическая речь*, *язык публицистики*, *язык газеты*. Фиксируя утвердившуюся вариативность, ученые замечают, что «впечатление разноречия большей частью создается из-за нежелательной синонимичности терминов» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2010: 126]. Показательно и то обстоятельство, что в рассматриваемый период серьезных расхождений в понимании сущности ПС и его границ не было: его предназначение виделось в обслуживании средств массовой информации и пропаганды, которые обладают рядом функций — информационной, комментариально-оценочной, воздействия, познавательно-просветительской, гедонистической. Что касается исследовательских установок функциональной стилистики, то она с самого начала исходила из того, что находящиеся в ее ведении стили (разновидности языка) — это реальные формы существования литературного языка, общественно-коммуникативная значимость

и взаимные отношения которых исторически изменчивы. При этом каждый из стилей в этой сфере знания предлагалось рассматривать как своеобразный характер речи (лингвистические параметры), определяемый взаимодействием той или иной комбинации функций и факторов (внеязыковые параметры), которые в своей совокупности являются носителем значений *публицистический, научный* и т. п.

К внеязыковому содержанию в функциональной стилистике отнесены две группы параметров — базовые (первичные) и вторичные. В круг базовых здесь включены: **«сфера общения**, связанная с тем или иным видом деятельности, соотносительным с формой сознания (наука, искусство, политика, право, религия, обиходное сознание в бытовой сфере); **форма мышления** (логико-понятийное, образное и т. д.); **цель общения** — основная (в отличие от индивидуальной интенции конкретного речевого акта), обусловленная назначением в социуме указанных видов деятельности; **тип содержания** (различающийся обычно в разных сферах общения); **функции языка** (коммуникативная, эстетическая, экспрессивная, фатическая и др.); **типовая (базовая) ситуация общения** (официальная/неофициальная)», в круг вторичных — «условия общения и формы речи» [Кожина 2003: 624].

Для описания лингвистического содержания существенными признаками сведения не только о «внутренне объединенной совокупности приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения» [Виноградов 1955: 73], но и о том, «чего в них (функционально-стилистических разновидностях. — И. В.) не может быть из предоставляемых языком лексических и грамматических ресурсов» [Шмелев 1989: 15]. Кроме того, ученые установили, что 1) «между функциональными разновидностями... не может быть четких, тем более — непреодолимых границ», а «присутствие в сознании носителей литературного языка представления о функционально-стилевой прикрепленности различных языковых форм служит скорее своего рода “идеальным ориентиром” при использовании языка в различных целях, чем неким безусловным императивом» [Шмелев 1989: 15], и что 2) «у каждого стиля есть центр и периферия», а сами они «взаимодействуют и влияют друг на друга преимущественно в периферийной области» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2010: 125, 126].

Представители популярных сегодня медианаук предложили свой угол зрения и ввели в научный обиход новые термины. Так, медиастилисты остановились на понятии *медиастиль*, трактуя его как «отличительную особенность медиадискурса» и, более того, как феномен, обретающий статус «медийного варианта литературного языка» [Клушина 2018: 46, 65].

Медиалингвисты в качестве базовой категории избрали понятие *медиатекст*, интерпретируя его как «совокупный продукт трех глобальных

подсистем массовой коммуникации: журналистики, PR и рекламы» и как «многоуровневый знак», ведущими свойствами которого считаются «медийность (воплощение текста с помощью тех или иных медиасредств, его детерминация форматными и техническими возможностями канала), массовость (как в сфере создания, так и в сфере потребления медиа-продуктов), интегративность, или поликодовость (объединение в единое коммуникативное целое различных семиотических кодов), открытость текста» [Казак 2013: 320, 323].

Что касается термина *медиа речь*, то он, не будучи привязан к какому-либо одному подходу, оказался многозначен. При широком понимании он обозначает «совокупный продукт трех глобальных подсистем массовой коммуникации» или же феномен, объединяющий ПС и «разнообразные и многочисленные функционально-стилистические типы речи, которые сформировались вне медиасреды, но функционируют в коммуникативной среде медиа» [Коньков 2016: 58–59]. При узком толковании он синонимичен термину ПС и тем самым не выходит за рамки журналистских текстов.

Важно понимать, что сосуществующие лингвостилистические подходы имеют свои приоритеты, однако проблемы языкового устройства медиатекстов являются главенствующими лишь в функциональной стилистике, цель и смысл которой — в «изучении языка по всему разрезу его системы (всех его уровней), но с особой точки зрения» [Кожина 1992: 6]. Что касается замены традиционных терминов типа ПС понятиями с компонентом *медиа*, то чаще всего это продиктовано стремлением обозначить либо произошедшие в последние десятилетия изменения в ПС, либо расширение границ исследуемого объекта (включение в него журналистики, PR и рекламы), либо необходимость изучения «разных семиотических кодов (вербальные, невербальные, медийные)» [Казак 2013: 323], участвующих в порождении медиатекстов.

Анализ научных источников и эмпирического материала говорит о том, что для характеристики стилистической ситуации советского времени (эпоха литературоцентризма) целесообразно сохранить в качестве родового термин ПС, а для описания постсоветской (эпоха медиацентризма) логично использовать понятие *медиа речь*. Оно удобно, ибо 1) подразумевает не только письменные, но и устные тексты, тогда как определения *газетно-публицистический* и его синонимы соотносятся преимущественно с печатными СМИ, 2) легко образует словосочетания *телевизионная медиа речь*, *информационная медиа речь* и под., что позволяет конкретизировать рассматриваемый эмпирический материал, 3) а также не имеет коннотаций, нередко сопровождающих термин *стиль*.

Медиаречь в системе координат функциональной стилистики

Помня о том, что «процессом функционирования, использования языка в реальной действительности “дирижируют” законы коммуникации — цели и задачи общения в той или иной сфере и весь комплекс экстралингвистических факторов» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2010: 107], начнем обзор с внеязыкового содержания. Будучи приемницей ПС, медиаречь в ее узком толковании выполняет три функции — информативную, воздействующую и эстетическую, «обслуживая широкую область общественных отношений: политических, экономических, культурных, спортивных и др.», что порождает неограниченный тематический диапазон, «рассматриваемый, однако, сквозь призму определенных политико-идеологических установок» [Солганик 2003: 312]. Тем самым для нее как сферы бытования литературного языка характерны: публичность и незначимость ситуативного фактора; разнообразие содержания и общественно значимые темы; выражение и формирование общественного мнения, а значит, апелляция не только к рациональному началу, но и эмоциональному; обращенность к массовой аудитории и работа с аудиторией, организованной разными интересами и запросами; особый «характер публицистического субъекта», что связано со «взаимодействием двух сторон категории автора публицистического произведения (человек частный — человек социальный)» [Солганик 2003: 314]. Эти базовые факторы обуславливают принципы построения медиатекстов — сочетание экспрессии и стандарта (В. Г. Костомаров) и социальную оценочность (Г. Я. Солганик). В речевой практике они находят выражение в открытости для всех разрядов литературных средств, а в некоторых случаях и допустимости нелитературных элементов. Вторичные факторы, «хотя и характерные для того или иного функционального стиля, но не сущностные и потому встречающиеся в других стилях (обычно с модификацией)» [Кожина 2003: 624], регулируют выбор оптимальных и эффективных средств в каждом конкретном случае.

Одновременно следует иметь в виду, что и ПС советской эпохи, и медиаречь постсоветской эпохи — это «речевой континуум», **один** полюс которого занимают строгие жанры (преобладает информативная функция), тексты которых строятся по весьма жестким схемам и не оставляют публицистическому субъекту никакой или почти никакой свободы, **другой** — нестрогие (доминирует функция воздействия), где допустима определенная свобода и есть место для проявления авторского я. В языковом строе первых «преобладают книжно-письменные и общелитературные средства», серьезно ограничены устно-разговорные и тем более нелитературные, в облике вторых — «преобладают общелитературные

средства, книжно-письменные представлены незначительно, зато велика роль экспрессивно-выразительных средств разной природы (разговорные и внелитературные)» [Лаптева 2003: 189].

Попробуем рассмотреть с таких позиций информационно-аналитические, новостные и собственно публицистические тексты. Примером последних могут служить программы А. Невзорова — «Невзоровские среды» на радиостанции «Эхо Москвы» и «Паноптикум» на телеканале «Дождь», выступления А. Проханова в рубрике «Реплика» на телеканале «Россия 24» и его же публикации в газете «Завтра», программа З. Прилепина «Уроки русского» на «НТВ» и др. Каждый из авторов привлекает максимально разнообразные средства выражения — от литературных книжно-письменных и устно-разговорных элементов до жаргонных и просторечных. Кроме того, их речь экспрессивно-выразительна, индивидуализирована и узнаваема аудиторией. Подобное речевое поведение нельзя считать инновацией, хотя очевидно, что на разных исторических этапах активность таких текстов различна. Среди ярких примеров советского периода — хорошо известный текст А. Толстого «Москве угрожает враг» (1941), где наряду с оборотами типа «красный воин должен одержать победу», «за него умирают твои лучшие сыны» звучат фразы другого рода: «перед мордастым, свирепо лающим на берлинском диалекте гитлеровским охранником», «под циническую ругань белобрысой немецкой сволочи», «пьяный немецкий офицер будет мочиться на гранитный камень».

Совсем иначе бывает оформлена речь ведущих новостей. Как правило, ее отличает стандартизованность форм и соответствие принципам оформления строгих жанров, что связано с назначением информационного вещания — «передать новизну событий, жизни и идей тех, кто в этих событиях является главным действующим лицом, а не новизну журналистского экспериментаторства» [Третьяков 2015: 326]. Однако сложившиеся традиции время от времени могут нарушаться, о чем свидетельствуют выпуски программы «Время» («Первый канал»), которые ведет К. Клейменов. Приведем один (правда, не единственный!) фрагмент, наглядно демонстрирующий отступления от известных установок, согласно которым: 1) «В качестве тележурналиста, освещающего новости, вы должны быть беспристрастны. Для вашего мнения в сценарном плане нет места»; 2) «Приступая к работе над сюжетом, спросите себя: что дает эта информация зрителям? Это поможет вам сфокусировать сюжет, понять, что нужно подчеркнуть, а что можно убрать» [Кэрролл 2000: 32, 33]. «Давний друг нашей программы премьер-министр Великобритании Борис Джонсон открыл сегодня очередную главу в истории своей великой страны. Точнее, новую главу в отношении между властью и четвертой

властью. В свое время классик писал: “Кровь моя холодна. Холод ее лютей Реки, промерзшей до дна, Я не люблю людей”. Ну вот, если просто людей заменить на журналистов, то это прямо про Бориса. Увидев журналиста и услышав его вопрос, обращенный к себе, Борис мгновенно сориентировался. Зашел в холодильную камеру. Охлаждать кровь. До лютого состояния. И вот что интересно. До сих пор не вышел. А? Должна быть уже холоднее Темзы. Почему это новая страница? Потому что предшественники Бориса на этом высоком посту действовали противоположным образом. Наоборот, разогревали, а не охлаждали кровь. Вот Уинстон Черчилль, например, лидер “горячей партии”. Он вот по любому поводу разогревал. Почему Борис поступает иначе? Возможно, Бродский здесь ни при чем. Дело в том, что Бориса сегодня оскорбили. В очередной раз. Назвали патологическим вруном. Вся британская пресса сегодня приводит соответствующую цитату. И вот, возможно, Борис отчаялся и решил. Ну их, журналистов. И читателей тоже туда же. Если он не понят современниками, потомство его поймет. Лет через 50 он выйдет из холодильника. Растает. И все объяснит. Про Brexit и не только. Борис, если ты нас сейчас слышишь, открывая дверь, немедленно выходи, не занимайся ерундой, плюнь. Они, потомки, даже знать не будут кто ты такой, когда разморозят. Подумают: пингвина привезли. Королевского. Поверь, хуже будет. А ты нам не чужой все-таки. У тебя корни русские. Сам, помнишь, говорил?» (Эфир от 11.12.2019). Свой эксперимент Клейменов объясняет следующим образом: «Конечно, телевизионные выпуски новостей отличаются тем, что мы гораздо глубже перерабатываем информацию, можем дотянуться до самых разных экспертов, и зритель получает у нас ту выжимку и анализ, которые не в силах сделать самостоятельно. Но только это — уже не в состоянии удержать зрителя. Сегодня важна ярко выраженная позиция, мнение, авторский подход... Долгие годы CNN был абсолютным информационным лидером в мире. А FOX делали новости эмоциональными, когда ведущие позволяли себе четко проговаривать, как они относятся к происходящему. И это точно попало в аудиторию: зритель сегодня хочет не просто кивать головой, но и возмутиться, вступить в полемику... В общем, конфликт — скрытая движущая сила любого шоу, и пора всех встряхнуть» [Клейменов 2018]. Несмотря на то, что информационная программа — это не шоу и что в сетке вещания каждого канала широко представлены авторские программы с присущей им палитрой ресурсов, журналист отмечен специальным призом «ТЭФИ-2018» «За создание нового образа программы “Время”».

Что касается речевого поведения авторов и ведущих информационно-аналитических программ и общественно-политических ток-шоу,

то в них нет единства. В одних проектах журналисты-эксперты (например, «Вести недели» с Д. Киселевым, «Вечер с В. Соловьевым», «Право знать» с Д. Куликовым) склонны прибегать к предельно широкой палитре языковых средств и даже позволяют себе употреблять просторечную и жаргонную лексику, в других (например, «Вести в субботу» с С. Брилевым, «Постскриптум» с А. Пушкиным, «Большая игра» с В. Никоновым, Д. Саймсом, М. Ким) — авторы демонстрируют речевую сдержанность. Существующий контраст в облике подобных проектов не противоречит сложившимся правилам, согласно которым характеризующее их (программы) внеязыковое содержание оставляет выбор речевой стратегии и тактики за журналистом.

Таким образом, наблюдения за ПС / медиаречью последних десятилетий доказывают, что описываемая разновидность литературного языка предстает как сложное и многосоставное единство, гибкость и подвижность внутри которой зависит как от внеязыкового контекста, так и от свойств языковой личности.

Предварительные итоги

В силу того, что «широкий спектр публицистических произведений — от сдержанных, трезво-аналитических до эмоциональных, личностных, пристрастных» [Солганик 2003: 314] является нормой и закреплён традицией, говорить о ПС и/или медиаречи без учёта их внутреннего членения вряд ли корректно. Более того, если не игнорировать свойственную им неоднородность, легко понять причины существующего между ними зазора и тем самым объяснить их контраст. Одна причина кроется в том, что исторически активными стали нестрогие жанры и что теперь «авторское “я” стало богаче, разнообразнее, конкретнее, сменив прежнее безликое, обобщенное и унифицированное “мы”» [Солганик 2003: 314]. Вероятно, переформатирование медиаландшафта в пользу группы жанров, где индивидуальность автора не порицается, но поддерживается, нередко влечёт за собой расширение спектра привлекаемых средств, создавая впечатление радикальных изменений ПС в целом. Другая причина заключается в том, что воззрения на правила языкового оформления ПС сложились на основе анализа прежде всего строгих жанров, тогда как изучение медиаречи в значительной степени опирается на изучение свободных жанров. И это обстоятельство нельзя не учитывать. Заметную роль играют и иные моменты, связанные с тем, что в стремлении завоевать внимание аудитории популярным становится прием, называемый в науке ««сшибкой» или «стыком» стилей» [Лаптева 2003: 191], что в ряде случаев доступ к микрофону получают лица, не имеющие специальной

языковой подготовки, что сегодня институт редакторов и корректоров работает не всегда.

В заключение следует сказать о необходимости детализации картины, касающейся эволюционной динамики языкового облика ПС. Для этого нужны дополнительные исследования эмпирического материала, представляющего разные синхронные срезы и разные жанры. Не менее актуальной является задача, связанная с изучением влияния медиаречи на разновидности, формирующие современный русский литературный язык.

Литература

- Виноградов В. В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.
- Едличка А.* Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1988. С. 38–134.
- Казак М. Ю.* Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи. Медиастилистика: коллективная монография, посвященная 80-летию профессора Г. Я. Солганика. М.: Флинта: Наука. С. 320–333.
- Клейменов К.* Пора всех встряхнуть // КиноРепортер. 23.11. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://kinoreporter.ru/kirill-klejmenov-pora-vseh-vstrjahnut/>
- Клушина Н. И.* Медиастилистика: монография. М.: Флинта, 2018. 184 с.
- Кожина М. Н.* Экстралингвистические (внелингвистические) стилообразующие факторы функциональных стилей // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 626–627.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А.* Стилистика русского языка: Учебник. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2010. 464 с.
- Кожина М. Н.* Статус стилистики в современном языкознании // Статус стилистики в современном языкознании: Межвузовский сборник научных трудов / Пермь: Перм. ун-т, 1992. С. 3–26.
- Кондаков И. В.* «Зритель»: новый субъект современной культуры // Обсерватория культуры. 2016. Том 13, № 5. С. 16–525.
- Коньков В. И.* Медиаречь: содержание понятия и принципы анализа // Мир русского слова. 2016. № 3. С. 58–63.
- Кэрролл В. М.* Новости на TV (пер. с англ.). М.: Мир, 2000 (Мультимедиа для профи). 285 с.
- Лаптева О. А.* Теория современного русского литературного языка. М.: Высшая школа, 2003. 351 с.

- Солганик Г. Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 312–315.
- Третьяков В. Т. Теория телевидения: ТВ как неоязычество и как карнавал. Курс лекций. М.: Ладомир, 2015. 664 с.
- Шмелев Д. Н. Функционально-стилистика дифференциация языковых средств // Грамматические исследования. Функционально-стилистика: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1989. С. 3–32.

References

- Edlichka A. [Standard language in modern communication]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk XX. Teoriya literaturnogo yazyka v rabotakh uchenykh CHSSR* [The theory of literary language in the works of scientists from Czechoslovakia]. Moscow. Progress Publ., 1988, pp. 38–134. (In Russ.)
- Kazak M. Yu. [The specifics of current media texts]. *Lingvistika rechi. Mediastilistika: kollektivnaya monografiya, posvyashchennaya 80-letiyu prof. G. YA. Solganika* [Linguistics of speech. Mediastilistics: a collective monograph dedicated to the 80th anniversary of Prof. G. Ya. Solganik]. Moscow. Flinta: Nauka Publ., pp. 320–333. (In Russ.)
- Kehrroll, Viktoriya Makkallah. *Novosti na TV* [News on TV (Trans. from Eng.)]. Moscow, Mir Publ., 2000 (Mul'timedia dlya profi). 285 p.
- Kleimenov K. [It's time to shake everyone up!]. *KinoReporter*. 23.11. 2018 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://kinoreporter.ru/kirill-klejmenov-pora-vseh-vstrjahnut/>
- Klushina N. I. *Mediastilistika: monografiya* [Media stylistics: monograph]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 184 p.
- Kondakov I. V. ["Zrichitel (Viewreader)": a new subject of the modern culture]. *Observatoriya kul'tury*. 2016, vol. 13, no. 5, pp. 516–525. (In Russ.)
- Kon'kov V. I. [Media speech: what the concept contains and the principles for analyzing it]. *Mir russkogo slova*, 2016, no. 3, pp. 58–63. (In Russ.)
- Kozhina M. N. [Extralinguistic (nonlinguistic), style-forming factors in functional styles]. *Stilisticheskii ehntsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka (pod. red. M. N. Kozhinoi)* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language (ed. M. N. Kozhina)]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003, pp. 626–627. (In Russ.)
- Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskii V. A. *Stilistika russkogo yazyka* [Russian language stylistics: Textbook]. Uchebnik. 2-e izd. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2010. 464 p.
- Kozhina M. N. [The status of stylistics in modern language studies]. *Status stilistiki v sovremennom yazykoznanii: Mezhhuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [The status of stylistics in modern linguistics: Interuniversity collection of scientific papers]. Perm': Perm. Un-t Publ., 1992, pp. 3–26. (In Russ.)

- Lapteva O. A. *Teoriya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Theory on the modern Russian language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2003. 351 p.
- Shmelev D. N. [Functional stylistic differentiation of linguistic tools]. *Grammaticheskie issledovaniya. Funktsional'no-stilisticheskii aspekt: Supersegmentnaya fonetika. Morfoloicheskaya semantika (Otv. red. D. N. Shmelev)* [Grammar studies. Functional and stylistic aspect: Super-segmental phonetics. Morphological semantics (ed. D. N. Shmelev)]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 3–32. (In Russ.)
- Solganik G. Ya. [The publicistic style]. *Stilisticheskii ehntsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka (pod red. M. N. Kozhinoi)* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language (ed. M. N. Kozhina)]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003, pp. 312–315. (In Russ.)
- Tret'yakov V. T. *Teoriya televideniya: TV kak neoyazychestvo i kak karnaval* [Theory of television: TV as neopaganism and a carnival]. *Kurs lektsii*. Moscow, Ladomir Publ., 2015. 664 p.
- Vinogradov V. V. [The results of stylistic issues discussion]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1955, no. 1, pp. 60–87. (In Russ.)

Я хотел весь помыться — синтаксис русских рефлексивов за пределами литературного языка

Александр Борисович Летучий, НИУ Высшая школа экономики, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), alexander.letuchiy@gmail.com

---

DOI: 10.31857/S013161170014706-5

АННОТАЦИЯ: В статье обсуждаются нестандартные конструкции с русскими возвратными глаголами в рефлексивном употреблении (*мыться, бриться, причесываться* и др.), используемые в разговорном языке и языке Интернета. Специфика данных конструкций состоит в том, что при рефлексивах используются зависимые, которые данный тип возвратных глаголов по своей семантике и синтаксическим свойствам в норме не допускают. Если модификаторы типа *весь* нестандартно сочетаются с моделью управления рефлексива, но всё же не сильно отклоняются от литературной нормы, то конструкции исключения и включения с маркерами *кроме* и *включая* и, в особенности, группы в винительном падеже — ярко выраженные разговорные явления.

Данные нестандартные конструкции дают представление и о грамматических свойствах рефлексивов, и об их функционировании в речи. Речевой аспект состоит в том, что носителей иногда «не устраивает» то, что при глаголах типа *мыться* или *одеваться* нельзя обозначить задействованный предмет одежды или часть тела. Поэтому говорящие «изобретают» способы указать на них (либо определенно, группой в винительном, либо менее очевидно, конструкцией с *кроме* или *включая*). В некодифицированной речи, тем самым, используются конструкции, уточняющие смысл, даже если они плохо встраиваются в структуру

предложения. Что касается синтаксиса и семантики, то наш материал показывает, что актант при рефлексивных глаголах имеет смешанные свойства и Агенса, и Пациенса, совмещает в себе двух участников из модели управления исходного глагола, например, *Вася моет чашку*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рефлексивы, плавающие квантификаторы, прилагательные, винительный падеж, прямой объект, разговорная речь, язык Интернета

для цитирования: Летучий А. Б. *Я хотел весь помыться* – синтаксис русских рефлексивов за пределами литературного языка // Русская речь. 2021. № 2. С. 20–34. DOI: 10.31857/S013161170014706-5.

БЛАГОДАРНОСТИ: статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-29-09154.

Issues of Modern Russian Language

I Wanted to Wash Myself – Syntax of Russian Reflexive Verbs in Spoken Language

---

Alexander B. Letuchiy, HSE University, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow), alexander.letuchiy@gmail.com

---

ABSTRACT: The article focuses on non-standard constructions with Russian reflexive verbs like *myt'sja* 'wash (oneself)', *brit'sja* 'shave (oneself)', *pričesivat'sja* 'comb (oneself)', and so on. The **particularity** of these constructions is that in colloquial and internet speech, they are sometimes used in constructions incompatible with internet in literary speech. While modifiers like *ves'* are non-standard, they do not conflict with the literary norm. It is not the case with constructions with prepositions *krome* 'except' and *vključaja* 'including' and, in particular, accusative NPs – they represent highly colloquial phenomena.

The constructions under analysis shed light both on the grammatical properties of reflexives and their functioning in speech. From the discourse

perspective, our data shows that sometimes native speakers are not satisfied with the lack of the explicit patient (e.g., a body part) and find a way to mark them (either with an accusative NP or, less explicitly, with a construction with *krome* and *vključaja*). Even when this explicit marking contradicts the argument structure of reflexives, they are incorporated into the clause structure. Syntactically and semantically, our data shows that the subject argument of reflexives combines the properties of an agent and a patient. It combines two participants of the base transitive verb, e.g., *Vasja moet čašku* ‘Vasja is washing the cup.’

KEYWORDS: reflexive, floating quantifier, adjective, accusative, direct object, colloquial speech, internet texts

FOR CITATION: Letuchiy A. B. *I Wanted to Wash Myself* — Syntax of Russian Reflexive Verbs in Spoken Language. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2021. No. 2. Pp. 20–34. DOI: 10.31857/S013161170014706-5.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by the grant from the RFBR № 17-29-09154.

В известном анекдоте чукча приходит в магазин и спрашивает, есть ли мыло. В дальнейшем он объясняет: «Я весь хотел помыться». Эта его реплика и подтолкнула нас к предлагаемому небольшому исследованию. Точнее, мы обратим внимание на сочетание слов *весь* и возвратных глаголов с рефлексивным значением типа *помыться* и на некоторые связанные вопросы¹.

Обсуждаемые в работе примеры взяты из Национального корпуса русского языка и из результатов поиска в системе Google. Немногочисленные примеры, не иллюстрирующие ключевые утверждения, сконструированы нами.

¹ Хорошо известно, что возвратный постфикс *-ся* имеет много употреблений (см. о них, например, [Янко-Триницкая 1962; Geniušienė 1987; Gerritsen 1990; Kemmer 1993; Летучий 2016]). Например, когда от глагола *увидеть* образуется возвратный дериват *увидеться*, *-ся* обозначает взаимность (поэтому *увидеться* означает ‘встретиться, увидеть друг друга’). Когда от *кусать* образуется *кусаться* (*Осторожно, собака кусается!*), функция у *-ся* другая — постфикс уничтожает прямое дополнение, а значение становится неопределенным, с компонентом ‘любой’ (*кусается* = ‘может укусить любого’). Нас ниже будет интересовать только одно употребление возвратного постфикса — рефлексивное. Речь идет о том, что с помощью *-ся* образуются глаголы, обозначающие действие участника над самим собой (*причесываться* = ‘причесывать самого себя’, *одеваться* = ‘одевать самого себя’). Другие группы возвратных глаголов мы рассматривать не будем.

Слово *весь* имеет разнообразные употребления: речь и о семантике, и о синтаксисе. Например, семантически *весь* может означать и ‘целиком’, и ‘все элементы множества’:

- (1) *Весь стол был в торте.*
- (2) *Все столы составили в углу.*

Синтаксически *весь* может употребляться в стандартной позиции прилагательного перед определяемым словом (*весь стол*), в другой позиции — определяя существительное или местоимение (*Ты весь испачкался*) или без выраженного определяемого слова (*Все собрались*). Поэтому *весь* описывают как плавающий квантификатор, то есть единицу, близкую к прилагательному или местоимению-прилагательному, но со значительно более свободной позицией в предложении (см. подробнее [Bobaljik 2003], [Тестелец 2001]). При этом каждому синтаксическому типу употребления соответствуют семантические ограничения или дополнительные компоненты значения. Приведем примеры.

Например, если определяемое слово — неодушевленное, то допустимы обе позиции *весь* — и перед определяемым, и после него (3). А если определяется одушевленное существительное, для *весь* лучше выглядит позиция после него (4):

- (3) а. *Весь стол был в торте.*
б. *Всю сумку мне испачкали!*
в. *?Весь Вася был в торте.*
г. *?Всю собаку испачкали.*
- (4) а. *Вася был весь в торте.*
б. *Собаку всю испачкали в йогурте.*
в. *Стол был весь в торте.*
г. *Сумку всю испачкали в йогурте.*

Позиция без определяемого слова возможна только для форм множественного числа (интерпретирующихся как множество людей) и форм среднего рода ед. ч. (интерпретирующихся как недифференцированное множество объектов):

- (5) *Всё хорошо.*
- (6) *Какое тут всё грязное!*
- (7) *Все собрались?*

Надо сказать, что толковые словари, например [Евгеньева (ред.) 1981], [Ожегов, Шведова 1992], описывают это употребление как отдельное значение, где *все/всё* является местоимением-существительным или употребляется в значении существительного.

Нас интересует употребление (4) — плавающий квантификатор, причем в значении 'целиком'. Оно сочетается и с подлежащими, и с дополнениями. Если глагол имеет и подлежащее, и дополнение, *весь* теоретически может относиться и к любому актанту². Однако на практике такое встречается редко. Дело в том, что употребление *весь* предполагает, что участник затронут ситуацией: он разрушился, его свойства изменились, либо изменилось место, где он находится. Переходные глаголы, которые обозначают, что изменились свойства и субъекта, и объекта, довольно редки.

Весь относится к подлежащему:

- (8) *Чашка вся потрескалась* (изменились вид и структура подлежащего — чашки).

Весь относится к дополнению:

- (9) *Он меня всего измазал в какой-то пакости* (изменилось состояние дополнения — меня).

Не встречаются (и, видимо, неграмматичны) стандартные конструкции с объектом — частью тела или рефлексивным местоимением *себя*, где *весь* относится к субъекту. Хотя, казалось бы, семантически субъект в этом случае, как и объект, затронут ситуацией, эта затронутость меньше, чем у объекта, поэтому выбирается *весь* в объектной позиции (12):

- (10) **Он весь измазал себя в клее.*

- (11) **Он весь выпачкал руки в варенье.*

- (12) *Не думаю, что я был бы лучше как музыкант, если бы покрыл все-го себя татуировками* (<https://www.pressreader.com/russia/izvestia/20180712/281706910447982>).

Тем не менее иногда при переходных глаголах с рефлексивным местоимением *себя* все-таки возможно слово *весь*, относящееся к подлежащему, а не к дополнению, как в (12). Мы покажем, что это происходит при нестандартных рефлексивах³.

- (13) *С этих пор он ничем уж не занимался и весь посвятил себя Богу...* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки. 1856–1857).

- (14) *Его жена, сошедшая безвременно в могилу, упрекала его не раз в том, что в ущерб семье он весь отдает себя делу* (Л. А. Чарская. Золотая рота. 1911).

² Актант — это подлежащее или дополнение глагола. Актанты соответствуют участникам ситуации, обозначенной глаголом. В этой статье мы не рассматриваем сложные случаи, когда неясно, является актантом зависимое глагола или не является.

³ Рефлексивами мы называем любые глаголы или конструкции, выражающие совпадение участников: иначе говоря, речь идет о том, что подлежащее и дополнение глагола — это один участник, который и производит действие, и подвергается ему (например, *мыться, одеваться* и др.).

- (15) *Кончив математику, весь посвящаю себя Титу Ливию* (А. О. Корнилович. Письмо М. О. Корниловичу. 1832).
- (16) *По-разному моя жизнь складывалась — были моменты, когда я не ходила — вся посвящала себя личной жизни, затем опять возобновляла свои танцевальные занятия* (https://perm.flamp.ru/firm/fajjmaris_shkola_studiya_vostochnogo_tanca-2252328095030548/otzyv-2318851).
- (17) *Сирота Алексей Романов родился без кистей рук и одной стопы, но в погоне за мечтой он весь отдал себя музыке* (<https://vokrygmira.ru/>).

Примеры (13)–(17) — это нестандартные рефлексивы. Буквального совпадения участников, явного действия над собой здесь не предполагается. Можно посвятить танцам, делу или Богу *себя*, однако нельзя *посвятить сына делу* или *посвятить брата Богу*. Поэтому *посвятить себя* скорее является слитным сочетанием со значением ‘отдать силы, жить ради чего-л.’. Его семантика не сводится к сумме значений глагола *посвятить* и местоимения *себя*. В силу этого в значении данных глаголов трудно разглядеть двух участников, которые можно увидеть в глаголах типа *испачкать* или *вымазать* — в их случае есть один, активный участник, который (вольно или невольно) пачкает другого, пассивного (при употреблении *себя* обе роли выполняет один человек или объект). Поэтому местоимение *весь* в (13)–(17) может относиться к субъекту, как будто перед нами непроизводный непереходный глагол и его субъект затронут ситуацией. Это, впрочем, не отменяет того факта, что возможна и стандартная для переходных глаголов модель с *весь* в объектной позиции — та же, которая употребляется при рефлексивах с *себя* в прямом значении.

- (18) *На протяжении многих лет Михаил Угаров посвящал всего себя театральной деятельности* (<https://www.filmpro.ru/materials/63443>).

Случай глаголов типа *посвятить себя* показывает, что употребление единиц типа *весь* не целиком объясняется синтаксисом глагола. При переосмыслении конструкции с *себя* и размывании ситуации с двумя семантическими ролями *весь* тоже употребляется по-другому, как при объекте, так и при субъекте.

Возвратные глаголы

Если возвратность выражается рефлексивным употреблением *-ся*, оказывается, что слово *весь*, относящееся к субъекту, тоже возможно. Впрочем, сама группа русских возвратных глаголов с рефлексивным значением невелика. В основном они подпадают под семантику «ухода за телом»

в терминах [Kemmer 1993], [Geniušienė 1987]: *причесываться, одеваться, обуваться, мыться и умываться, бриться, намазываться* (напр., кремом), *краситься* и др. Отдельные глаголы с рефлексивной семантикой есть и за пределами этого класса, например *смотреться* (в зеркало).

(19) — *А может, я весь помоюсь заодно?* — спросил я (<https://coollib.net/b/259673/read>).

(20) *А еще в наборе был глицерин с какой-то дрянью, я весь намазался, шкура так и залоснилась* (<https://thelib.info/tehnologii/565705-obscura-reperta-temnye-temnye-izyskaniya/>).

Подумаем, как устроена семантика возвратного глагола в рефлексивном употреблении. Нас будет интересовать прежде всего семантическая роль и свойства подлежащего таких глаголов. Удобнее всего рассматривать ее в сравнении со свойствами исходного глагола. Например, изначально глагол *помыть* обозначает ситуацию с двумя участниками: активным (тем, кто моет, Агенсом) и пассивным (тем, кого моют, Пациенсом). При глаголе *помыться* Агенс и Пациенс совпадают: активный участник (Агенс) моет себя сам. Можно ли сказать что-нибудь определенное о свойствах подлежащего глаголов типа *помыться*? Активного участника оно выражает, пассивного или двух сразу? Здесь возможны следующие варианты интерпретации:

- 1) при возвратном глаголе типа *помыться* подлежащее — это Агенс, а второй участник не выражен явным образом, поскольку его место занято возвратным постфиксом *-ся*;
- 2) подлежащим при возвратном глаголе выражается как раз Пациенс, а Агенс не выражен;
- 3) подлежащее возвратного глагола совмещает в себе свойства Агенса и Пациенса.

Если бы правильной была гипотеза 1, то субъект имел бы роль Агенса. Тогда конструкции типа *Я хотел весь помыться* были бы семантически аномальны: к активному участнику (Агенсу) относилось бы слово *весь*, обозначающее, что участник затронут ситуацией. Следовательно, нужно выбрать вариант 2 или 3.

Однако и второй вариант не годится. Ведь при рефлексивных возвратных глаголах типа *помыться* возможны и слова, указывающие на умышленный, целенаправленный характер действия: *Я специально помылся сразу, как пришел, чтобы ужинать уже чистым*. Значит, верен вариант 3 — субъект рефлексива имеет обе роли.

Это подтверждается другим свойством рефлексивных возвратных глаголов. А именно, они сочетаются с плавающим определителем *сам* в значении 'ситуация, в которой участник X подвергается воздействию или

меняет свои свойства, противопоставляется ситуации, где X воздействует на другого участника Y'. Стандартно *сам* употребляется, когда X — это субъект в обеих ситуациях.

(21) *Он и нас всех испачкал, и сам испачкался.*

(22) *Он ранил врага, но понял, что сам ранен.*

Это же соотношение возможно в примерах типа (23). Здесь в первой части субъект заставляет бабушку совершить действие, а во второй совершает его сам:

(23) *Он заставил бабушку принять таблетки и сам их принял.*

При этом совпадение глаголов или их корней в двух частях не обязательно. Более существенно, что по смыслу одна ситуация выражает воздействие субъекта на X, а другая — его воздействие на себя:

(24) *Петя и меня побил, и сам еле жив остался.*

При рефлексивах субъект не затронут ситуацией. Однако *сам* может употребляться, поскольку семантически связано с объектом (хотя маркируется именительным падежом, как и субъект).

(25) *Он и помыл ребенка, и сам помылся.*

Это также указывает на то, что субъект имеет обе роли и *сам* относится к Пациенсу. Впрочем, это свидетельство слабее, чем в случае *весь*, поскольку *сам* в данном употреблении сочетается и с семантически рефлексивными переходными глаголами:

(26) *Он и всех побил, и сам руки поранил.*

Непонятные объекты

Поведение *весь* и *сам* с возвратными глаголами типа *одеться* дает благодатную почву для появления еще одной, по-своему загадочной, группы контекстов. Их можно назвать контекстами **конкретизации**, или **расшифровки**, — содержание рефлексива в них расшифровывается указанием на конкретный объект. Нужно сказать, что такая конкретизация часто действительно необходима: ведь русский показатель *-ся* не всегда обозначает рефлексив в строгом смысле, то есть полную затронутость субъекта собственным действием. И если, например, для *одеться* или *помыться* это не слишком важно, то *причесаться* или *побриться* выражают действия над конкретной частью тела, соответственно, волосами или лицом. *Накраситься* тоже связан с частями лица (например, губами, щеками, глазами и пространством над ними), *покраситься* обозначает изменение цвета волос (хотя возможны варианты) и так далее.

Часто, если необходима определенность, вместо рефлексива употребляется исходный глагол: вместо *помыться* можно сказать *помыть ноги* или *спину*, вместо *побриться* — *побрить усы* или *бороду*. Правда, этот несложный механизм применим не всегда: например, даже если мы хотим точно указать, что человек надел одежду на ноги, сказать *он одел ноги* все-таки нельзя.

Механизм же, о котором мы говорим, связан с возвратными глаголами. Для начала рассмотрим следующие примеры.

(27) *Весь побрился, кроме бороды — она мне дорога как память!!!*
(<https://m.74.ru/forum/theme.php?id=711526&p=5>).

(28) *Бабушка одевала один раз, когда они ходили гулять и говорит сам оделся кроме обуви и комбеза* (<https://www.baby.ru/blogs/post/2572846141-451329382/>).

(29) *Я оделся, кроме верхней одежды, и стал ждать звонка девушки.*

Отличие от предыдущих примеров в том, что группа с *кроме* уточняет значение возвратного глагола. И если семантически никакой сложности это не представляет, то синтаксическое описание сталкивается с проблемой. Дело в том, что предлог *кроме* требует выражения, по крайней мере, трех компонентов:

- основного множества элементов, для которых верно утверждение Р;
- исключений из общей тенденции — Р для них неверно;
- самого утверждения Р.

Ср., например: *Всех* (множество), *кроме Васи* (исключение), *раздражает хамство* (Р — утверждение, верное для основного множества); *Все ребята* (множество), *кроме меня* (исключение), *ходили на футбол* (Р).

Стандартное употребление *кроме* подразумевает, что конструкцию можно разделить на две, в которых в одной позиции будут стоять названия множества и исключения; в первом из примеров ниже они занимают позицию прямого дополнения, а во втором — подлежащего.

(30) *Всех* (прямое дополнение) *раздражает хамство*, а *Васю* (прямое дополнение) *не раздражает хамство*.

(31) *Все ребята* (подлежащее) *ходили на футбол*, а *я* (подлежащее) *не ходил на футбол*.

Однако легко видеть, что в разговорных конструкциях с рефлексивами это правило не соблюдается — конструкции с *кроме* нельзя придумать замену, где множество и исключение занимали бы одну позицию.

(32) *Весь побрился, **кроме** бороды.*

(33) *??Весь побрился, а борода не побрилась.*

(34) *Оделся, **кроме** верхней одежды.*

(35) *??Весь оделся, а верхняя одежда не оделась.*

Не вполне ясно, каким же образом присоединяется группа с *кроме*. Здесь не помогает даже критерий семантической роли: даже если субъект рефлексива и является одновременно Агенсом и Пациентом, это не снимает синтаксические проблемы: каким образом к этому актанту должна присоединиться объектная группа? Вероятно, конструкция типа (27)–(29) является результатом того, что у говорящих возникает желание уточнить «референт возвратного показателя», что исходно и в литературном языке невозможно. В этой ситуации присоединяется группа с *кроме*, причем ее точная синтаксическая позиция не так уж важна. Семантически *кроме* + РОД присоединяется к компоненту ‘весь, целиком’, который либо прямо выражен плавающим определителем *весь*, либо он подразумевается, а синтаксически же эта группа плохо встраивается в синтаксическую структуру предложения. Сходным образом себя ведут конструкции с показателем *включая* и винительным падежом: семантически они раскрывают значение возвратного глагола, а вот их синтаксический статус неясен — нет позиции, куда можно было бы их присоединить.

(36) *Быстро помылась, **включая** и влажные волосы* (<https://ficbook.net/readfic/4656169/12570274>).

*Я только в подъезд выходил в 9 лет, когда закрывал дверь ключом очнулся и офигел, было дело зимой, я во сне полностью оделся, **включая** шапку и пуховик* (<https://e-news.su/in-world/26060-pyatiletnyaya-devochka-lunatik-sovershila-fantasticheskiy-nochnoy-pohod.html>).

Однако оказывается, что к такому нестандартному присоединению способна не только группа с *кроме*, но и обычные объектные именные группы. При возвратных глаголах в интернет-текстах могут появляться именные группы в винительном падеже, по сути, прямые объекты, которых возвратные глаголы иметь не должны.

(37) *Я намазался весь, и волосы и кожу. После сауны это восхитительно! Всем рекомендую!* (11 Отзывов о DOLPHINCOCO).

(38) *А тут взял один пузырек и полностью помылся, и голову и тело* (<https://www.komus.ru/katalog/krasota-i-zdorove>).

(39) *Прямо этот месяц такой полный на новинки в умелках, сегодня сама ел вилкой и почти сам оделся и штаны и футболку и сандали* (<https://www.babyblog.ru/user/fennec-felicitas/151191>).

(40) *Ярослав, реально там помыться? И голову тоже?* (https://vk.com/topic-1398178_30466277).

Примеры (37)–(40) составляют более серьезную проблему, чем (27)–(29). В них не просто не совсем ясна позиция актанта, а еще и нарушается характеристика возвратного глагола: в русском языке рефлексивы являются непереходными, а значит, актант в винительном падеже при них невозможен.

Источники конструкции

Поскольку конструкции типа (37)–(40) не соответствуют нормальным характеристикам рефлексивных глаголов, нужно понять, откуда они берутся. Как показано в работах Е. А. Земской, В. И. Подлесской, Н. Н. Розановой и М. В. Китайгородской, неверно представление о том, что разговорная речь — это система, где «всё позволено», см. [Земская 2011], [Подлесская, Кибрик 2009], [Китайгородская, Розанова 2010]. Ниже рассматриваются три возможных источника: эллипсис глагола, зависимые, не различающие именительный и винительный падежи, и безглагольные предложения.

Эллипсис глагола

Первый вариант состоит в том, чтобы считать, что в конструкциях типа (37)–(40) пропущен парный к рефлексивному переходный глагол. Например, в (38) должно было бы быть *и полностью помылся, помыл и голу, и тело*. В целом такого рода эллипсис ненормален для литературного языка, ср. (41), где выражен возвратный глагол *разбиться*, а пропущен переходный *разбить*, — однако нельзя исключать, что для разговорной речи он возможен:

- (41) **Синяя чашка разбилась из-за сквозняка, а Сережин пес Ø [разбил] только зеленую.*

Более серьезная претензия состоит в том, что под это объяснение не подходят конструкции с *кроме* и *включая*. Как свести к эллипсису переходного глагола конструкции типа (42)?

- (42) *Выбравшись наружу, он подошел к шкафчику с одеждой, и неторопливо оделся, включая серый облегающий комбинезон* (http://samlib.ru/a/aleksandr_bd/neudachny_kontakt_vsy.shtml).

Преобразование типа (43) невозможно — нужно думать, что хотя бы в конструкции с *включая* никакого эллипсиса переходного глагола нет.

- (43) **Он подошел к шкафчику с одеждой и неторопливо оделся, включая одел серый облегающий комбинезон.*

Зависимые, не различающие именительный и винительный падежи

Можно заметить, что конструкции с нестандартными прямыми дополнениями типа (37)–(40) часто включают также плавающие определители (ПО). ПО не различают именительный и винительный падежи. Возможно, при употреблении плавающего определителя структура становится непрозрачной для говорящего, он интерпретирует ПО типа *весь* как объектный и дальнейшие зависимые (именные группы, например имена частей тела) ставятся уже в винительный падеж.

И это объяснение небезупречно. Во-первых, все-таки есть конструкции (ср. (38), (40)), где плавающего определителя нет — вместо него употребляются слова типа *полностью, целиком*, не имеющие категории падежа, или имена частей тела просто присоединяются к структуре с возвратным глаголом (ср. *Реально там помыться? И голову тоже?*). Во-вторых, непонятно, почему не встречаются симметричные конструкции, где *весь* интерпретировалось бы как показатель в именительном падеже и имена частей тела к нему также присоединялись бы в именительном.

Безглагольные предложения

Наконец, можно было бы думать, что нестандартные примеры с прямым объектом на самом деле содержат во второй части конструкцию без глагола. Хотя часто безглагольные конструкции содержат нулевую связку и имеют значение состояния, это не всегда так. Ср., например, некоторые типы нулевых составляющих, описанные И. А. Мельчуком:

(44) *Он только что с вокзала [приехал].*

(45) *А жена его сковородкой [стукнула].*

(46) *Ты с молоком или без? [будешь пить кофе].*

Иначе говоря, предложения без стативного значения тоже иногда употребляются с нулем глагола — даже в случаях, когда глагол восстанавливается не из контекста, а из речевой ситуации. Тогда предложение типа (47) можно интерпретировать как содержащее во второй части конструкцию с нулевым глаголом типа *Ты только руки? Надо целиком*.

(47) *Маргарита должна была намазаться целиком а не только руку и лицо* (<https://forum.ixbt.com/topic.cgi?id=63:000619-44>).

Однако и это решение сомнительно. Если рассматривать примеры выше как безглагольные конструкции, они должны были бы быть возможны и без первой части, где выражен возвратный глагол (например, *намазаться* в (47)). Однако это не так — если в разговорной речи и может

существовать предложение типа *Маргарита только руку и лицо*, то совершенно неясно, какое же действие имеется в виду.

В результате получается, что ни один из трех альтернативных грамматических подходов не описывает всех языковых данных. Ближе всего к верному решению эллипсис, но и он покрывает не все описанные примеры. Поэтому, видимо, решение должно лежать не в области грамматики, а в области речевых стратегий. Поскольку в разговорной речи и интернет-коммуникации набор моделей управления глагола в большей мере свободен, чем в литературном языке, можно считать, что говорящие (и пишущие) на этих разновидностях языка добавляют глагольные зависимости, чтобы «пояснить» значение глагола (например, какой предмет одежды был надет или какие части тела были вымыты). Этому не мешают грамматические ограничения, вроде бы запрещающие добавление групп *с кроме*, *включая* или именные группы в винительном падеже.

Заключение

Рассмотрев некоторые ненормативные конструкции с возвратными глаголами (*одеться*, *помыться* и др.), можно сделать следующие выводы. Во-первых, подлежащее при рефлексиве нельзя считать ни Агентом (активным участником), ни Пациентом (затронутым ситуацией пассивным участником). Скорее подлежащим выражены оба участника — это подтверждается возможностью конструкций, где к подлежащему относятся операторы, маркирующие изменение субъекта, его затронутость ситуацией (плавающий квантификатор *весь*).

Во-вторых, в ненормативных конструкциях появляется возможность выразить прямой объект, который в литературных конструкциях не выражается. Источников у такого употребления может быть несколько. С одной стороны, может оказаться, что они возникают в результате эллипсиса переходного глагола (*Весь помылся и голову тоже [помыл]*). С другой стороны, облегчать их возникновение может употребление с плавающими квантификаторами (*весь, сам*) и/или конструкциями типа *кроме + РОД* и *включая + ВИН*, не различающими именительный и винительный падежи. Однако точнее всего сказать, что мотивация в данном случае дискурсивная. В употреблении рефлексивных глаголов неизбежно существует некоторая доля неопределенности: *помылся* не обязательно означает буквально ‘помыл всё тело целиком’, но нормативный синтаксис не дает возможности уточнить, какие части тела мыл субъект. Поэтому уточняющие группы добавляются в обход стандартных грамматических правил, чтобы сообщить информацию, которая кажется говорящему необходимой.

В-третьих, неожиданным образом оказывается, что необычное синтаксическое поведение могут демонстрировать не только возвратные глаголы. Конструкции, состоящие из глагола и показателя *себя*, разбиваются на два класса: один из них — это конструкции с прямым значением рефлексива *себя*. В них субъектное *весь* невозможно, поскольку затронут ситуацией не субъект, а объект (выраженный *себя*). Второй же класс устроен совершенно по-другому: это конструкции типа *посвятить / посвящать себя, отдать / отдавать себя*. В них нет противопоставления Агенса и Пациенса — по сути, участник в них один и семантическая роль одна. Поэтому, несмотря на переходную синтаксическую структуру, субъектное *весь* в них допустимо.

Самый общий вывод заключается в том, что рефлексив — казалось бы, строгий тип конструкции и/или производного глагола, подразумевающий совпадение двух участников ситуации, — на самом деле сильно подвержен действию дискурсивных и семантических факторов. И как только значение рефлексивной конструкции переосмысливается или говорящий стремится раскрыть ее смысл, выразить точнее то, что выражается маркером рефлексива, возможны становятся те конструкции, которые актантная структура рефлексива, казалось бы, разрешать не должна.

Литература

- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
- Земская Е. А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Флинта, 2011. 240 с.
- Летучий А. Б. Возвратность // Плунгян В. А. (отв. ред.). Материалы к корпусной грамматике современного русского языка. Часть 1. Глагол. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 268–340.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 2314 с.
- Подлесская В. И., Кибрик А. А. (ред). Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. 735 с.
- Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГУ, 2001. 798 с.
- Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: АН СССР, 1962. 247 с.
- Bobaĳik, Jonathan. Floating quantifiers: Handle with care // Lisa Cheng & Rint Sybesma (eds.). The second Glot international state-of-the-article book, 2003. Berlin: Mouton, pp. 107–148.

- Geniušienė, Emma.* The typology of reflexives. Berlin, Mouton de Gruyter, 1987.
- Gerritsen, Nelleke.* Russian reflexive verbs: In search of unity in diversity. Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 1990.
- Kemmer, Susanne.* The middle voice. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1993.

References

- Bobaljik, Jonathan. Floating quantifiers: Handle with care. Lisa Cheng & Rint Sybesma (eds.). The second Glot international state-of-the-article book, Berlin: Mouton. 2003. pp. 107–148.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t., 2-e izd., ispr. I dop.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols. USSR Academy of Sciences, Institute of Russian. lang.; 2nd ed., rev. and add. Moscow. Russkii Yazyk Publ., 1981–1984.
- Geniušienė, Emma. The typology of reflexives. Berlin, Mouton de Gruyter, 1987.
- Gerritsen, Nelleke. Russian reflexive verbs: In search of unity in diversity. Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 1990.
- Kemmer, Susanne. The middle voice. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1993.
- Kitaigorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Yazykovoe sushchestvovanie sovremennogo gorozhanna: Na materiale yazyka Moskvy* [Language existence of modern city inhabitants: Based on the Moscow language data]. Moscow. Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2010. 496 p.
- Letuchiy A. B. [Reflexivity]. Plungyan V. A. (ed.). *Materialy k korpusnoi grammatike sovremennogo russkogo yazyka. Chast' 1. Glagol* [Materials for the corpus grammar of the modern Russian language. Part 1. Verb]. SPb.: Nestor-Istoriya Publ., 2016, pp. 268–340. (In Russ.)
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Az² Publ., 1992. 2314 p.
- Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. (eds.) *Rasskazy o snovideniyakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo diskursa* [Night dream stories. A corpus study of oral discourse]. Moscow. Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2009. 735 p.
- Testeleys Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 798 p.
- Yanko-Trinititskaya N. A. *Vozvratnye glagoly v sovremennom russkom yazyke* [Reflexive verbs in modern Russian]. Moscow, AN SSSR Publ., 1962. 247 p.
- Zemskaya E. A. *Russkaya razgovornaya rech'. Lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya* [Russian colloquial speech. Linguistic analysis and problems of teaching]. Moscow. Flinta Publ., 2011. 240 p.

Деловой язык: «этакая духота»!

Татьяна Семеновна Садова¹, Дмитрий Владимирович Руднев²,
Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург), tatsad_90@mail.ru¹,
rudnevd@mail.ru²

DOI: 10.31857/S013161170014707-6

АННОТАЦИЯ: В статье представлены некоторые суждения авторов об истории становления русской деловой речи, о закономерности формирования содержательной безличности в документных текстах, о путях достижения категории ясности и точности, провозглашаемых в качестве важнейших для деловой коммуникации в целом. Возникновение новой деловой речи следует вести с начала XVIII в., с эпохи Петра I. Петровские реформы в деле преобразования Российского государства с ориентацией на западный образец «государства-механизма» были продолжены его последователями, что отразилось на языке государственной коммуникации — на русском деловом языке новой эпохи. «Механистичность» действия государственного аппарата привела к тому, что его язык становился все более деперсонифицированным: из него полностью «уходил» человек. Окончательное оформление нового делового языка, который остается принципиально неизменным до сих пор, приходится на период правления Александра I. В результате появления министерств вместо коллегий возникает масштабное делопроизводство, требующее строгой иерархии в документообороте: бумага постепенно заменяет действие. Язык деловой сферы, следуя реформам социальной жизни, также обрастает множеством новых качеств, основные из них — безличность, неэмоциональность, стремление к точности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: деловой стиль, документный текст, язык новой эпохи, деперсонификация делового языка

для цитирования: Садова Т. С., Руднев Д. В. Деловой язык: «этакая духота»! // Русская речь. 2021. № 2. С. 35–43. DOI: 10.31857/S013161170014707-6.

благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект 20-012-00338).

Issues of Modern Russian Language

Official Language: “How Stuffy!”

Tatiana S. Sadova¹, Dmitrii V. Rudnev², St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg),
tatsad_90@mail.ru¹, rudnevdm@mail.ru²

ABSTRACT: The article presents some ideas of the authors about the history of Russian official speech, the rule of the formation of meaningful impersonality in documentary texts and the ways to achieve clarity and accuracy, proclaimed as the most important for official communication in general. The foundation of new official speech started at the beginning of the 18th century, in the reign of Peter the Great. His government reforms with an orientation towards the Western model of the “state-mechanism” were continued by his followers, which was reflected in the language of state communication — in the Russian official language of the new periods: the rigidity of state machinery led to the language becoming more and more depersonalized. It didn’t have a personal touch anymore. The final variant of the new official language, which remains fundamentally unchanged to this day, falls on the reign of Alexander I. As a result of the emergence of ministries instead of collegia, large-scale office work arises, requiring a strict hierarchy in the workflow, where papers gradually replaced actions. The language of the official sphere, following the reforms of social life, also acquires many new qualities, the main of which are impersonality, emotionality, the desire for accuracy.

KEYWORDS: official style, document text, new era language, depersonalization of official language

FOR CITATION: Sadova T. S., Rudnev D. V. Official Language: "How Stuffy!". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 2. Pp. 35–43. DOI: 10.31857/S013161170014707-6.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project № 20-012-00338).

Из всех функциональных стилей современного русского языка деловой вызывает устойчивое неприятие у большинства носителей литературной речи, потому щедро награждается незавидными эпитетами и негативными характеристиками. Показательно в этом отношении, например, восклицание А. П. Чехова: «Какая гадость чиновничий язык! <...> И все это без всякой надобности! <...> Я читаю и отплевываюсь. Этакая духота» [Колесов 1998: 19–20].

Возможно, столь категоричное суждение большого писателя и справедливо, однако «душный» облик этого типа языка — результат естественного хода исторических преобразований государства Российского, что неизбежно влекло за собой и преобразование языка, обслуживающего государственные речевые нужды. Попробуем взглянуть на логику формирования русского делового (чиновного, канцелярского, официально-делового) языка с историко-лингвистических позиций.

Деловой стиль как часть системы функциональных стилей русского литературного языка становится предметом пристального исследовательского интереса сравнительно недавно — в 60–70-е гг. XX в., когда уже констатируются — как состоявшиеся — его основные стилистические характеристики: предписывающий характер изложения, точность, неэмоциональность, формульность/клишированность, деперсонифицированность [Трошева 2011: 208–209] и др.

Примечательно, что в многочисленных трудах и специальных словарях (например, [Кожина (ред.) 2011]) не оспаривается тот факт, что деловой язык — «полноправный» стиль в составе литературного языка, в отличие, например, от разговорного стиля, чей статус функционального стиля литературного языка периодически подвергается сомнению. Из этого следует простой и очевидный вывод: нормы литературного языка имеют к деловому языку самое непосредственное отношение. Почему же принимаемая почти без оговорок (по крайней мере, образованной публикой) норма литературного языка как таковая столь гневно отторгается (той же

публикой) в недрах стиля канцелярского? Что же происходит с нормой там, в «духоте» канцелярской тиши, если сегодня общелитературная норма уже «не узнается» в бумагах и государственных предписаниях, принимая откровенно антинормативный облик: *Сумма убытка по операциям с финансовыми инструментами срочных сделок, обращающимися на организованном рынке, базисным активом которых являются ценные бумаги, фондовые индексы или иные финансовые инструменты срочных сделок, базисным активом которых являются ценные бумаги или фондовые индексы, полученного по результатам указанных операций, совершенных в налоговом периоде, после уменьшения налоговой базы по операциям с финансовыми инструментами срочных сделок, обращающимися на организованном рынке, и налоговой базы по операциям с ценными бумагами, обращающимися на организованном рынке ценных бумаг, учитывается в соответствии с пунктом 16 настоящей статьи и со статьей 220.1 настоящего Кодекса в пределах налоговой базы по операциям с финансовыми инструментами срочных сделок, обращающимися на организованном рынке*¹.

Сто четыре слова в одном предложении, постоянные повторы и семантические неточности, избыточность специальной терминологии и громоздкость конструкций, предложение с обилием перечислительных рядов и осложняющих конструкций, — это ли не очевидные нарушения нормы построения предложения в тексте, адресованном не специалисту, а рядовому гражданину, ведущему, например, свой бизнес и ежегодно заполняющему налоговую декларацию? Отчего эти самые рядовые граждане уверены, что «чиновный язык специально так устроен, чтобы его мало кто понимал»: *Я с некоторых пор поняла, что руководители всех уровней должны в первую очередь овладеть специфическим чиновным языком. Это значит — говорить много, обтекаемо и ни о чем, но чтобы при этом у непосвященного слушателя складывалось впечатление, что уж этот-то руководитель в своем деле много чего понимает и делает все возможное для процветания подведомственной ему компании (отрасли)*².

Виноваты ли в этом функции деловой коммуникации, логика развития самого делового стиля или в этом действительно повинен чиновник, решивший таким образом — посредством особого языка — отгородиться от простого человека, рядового гражданина?

Сетования на то, что деловой язык непонятен и что чиновники специально пишут непонятно, чтобы извлекать выгоду, отнюдь не новы. Еще

¹ Налоговый кодекс РФ: ст. 214.1, п. 15. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 20.01.2021).

² Форум «Я не понимаю чиновного языка» [Электронный ресурс]. URL: <http://durnowo.livejournal.com> (дата обращения: 20.01.2021).

в середине XVIII в. А. П. Сумароков писал, что «точек и запятых не ставят они [подьячие] для того, чтобы слог их темнее был, ибо в мутной воде удобнее рыбу ловить» [Сумароков 1781: 378]. Правда, здесь речь идет о неясности старого делового слога, который отражал особенности разговорной речи, обильно присутствующей в допетровской деловой письменности. Сумароков, представитель новой литературы и нового литературного языка, оценивал, и не всегда справедливо, канцелярскую речь своей эпохи с позиций активно формировавшейся новой речевой системы, легшей в основу литературного языка [Руднев 2017: 75].

Однако в истории русского литературного языка был период, и он хорошо описан, когда именно деловой язык стал спасительной основой литературного языка в целом, именно он, лаконичный и точный, универсальный в применении и понимании, в меру образный, но четкий по мысли, стал объединительным инструментом для многоязычного и многоголосого народа Московской Руси. Следовательно, по своей государственной консолидирующей функции он обязан быть максимально удобным и общепонятным, иерархически и социально не ориентированным, потенциально — общенародным. И начинался деловой язык с весьма ясных, открытых и отнюдь не деперсонифицированных текстов. Разумеется, в многообразии жанров и форм делового общения приняты были различные формы представления адресанта, однако княжеские грамоты, государевы указы являли собой образцы «личностной» коммуникации: вспомним хотя бы Мстиславу грамоту (*Се азъ Мъстиславъ...*) или указы Ивана III. В них автор — поименованный владыка Русской земли, он же и есть само государство, потому открытость и персонифицированность документа были обязательными условиями его исполнения.

Деловой язык новой эпохи оформляется в конце XVIII — первой половине XIX в. и представляет собой следствие ясно прозападной ориентации Петра I, в том числе в сфере документоведения, закрепленной реформами следующих за ним монархов и откровенным «вмешательством» некоторых из них в дело составления документов [Садова, Руднев 2020]. Окончательное же оформление нового делового языка приходится на время царствования Александра I, точнее сказать — на время реформ, инициированных графом М. М. Сперанским (1772–1839). Так, министерская реформа 1802–1803 годов способствовала внедрению иных принципов деловой коммуникации: «в этот период “канцелярские функции” выполняет все министерство, все подчиненные ему учреждения, весь государственный аппарат сверху донизу, а собственно “канцелярия” выполняет узкие функции “самообслуживания”, состоящие в регистрации и “диспетчерском” регулировании движения “бумаг”. Перед нами классическая модель бюрократии: аппарат, сконструированный на началах

строгой иерархии, создает строго иерархическую лестницу документообразования и делопроизводства, последнее включает и саморегулирование этой системы» [Литвак 1984: 50].

В результате этих преобразований происходит заметное разъединение, автономизация одних частей этого аппарата относительно других, обнаружилось стремление руководителей новых органов власти, министерств, противопоставить себя как людей просвещенных старым органам власти, коллегиям, причем, прежде всего, — на языковом уровне. Характерно, что распространение новых речевых способов оформления документов шло от руководителей министерств. Особенно большую роль сыграла деятельность первого руководителя Министерства внутренних дел князя В. П. Кочубея (1768–1834), много сделавшего в реформировании судебной и полицейской власти тогдашней России.

Для распространения нового делового языка на основе литературного языка были и объективные причины: новая система делопроизводства имела гораздо большие масштабы, была иерархически организована и потому требовала единого языкового кода: новый литературный язык, формировавшийся с середины XVIII в. усилиями филологов, писателей, переводчиков и типографов, в гораздо большей степени удовлетворял этим требованиям, чем старый приказной язык. Произошло своеобразное «огосударствление» нового литературного языка, его нормы начинают активно внедряться через нормативные грамматики (Н. И. Греча и последующих лингвистов) и систему образования.

Первым, кто отметил факт изменения делового языка, был М. Л. Магницкий, который писал в 1835 году: «Царствованию Благословенного (Александра I. — *Т. С., Д. Р.*) предоставлена была со всеми родами славы и та, которая принадлежит ему за образование слога делового и государственного: счастливый выбор и дарование людей, его окружавших, немедленно дали сим слогам отпечаток Александрова характера личного и царственного. <...> Главные свойства сего преобразованного служебного слога суть правильность языка, точность, краткость, благородная простота и нужная в разных случаях сила; обогащение его смелым и счастливым переводом многих слов, кои почитались дотоле техническими или чуждыми слогу деловому; порядок систематический в изложении предметов сложных и согласный с правилами общей словесности в самых кратких бумагах; приличный каждому акту тон» [Магницкий 1835: 18–20].

Начиная с эпохи Александра I можно говорить о вхождении делового языка в состав литературного в качестве отдельного его стиля со своими коммуникативными задачами и формами языкового выражения. Этот процесс был в некотором смысле парадоксальным: деловой язык, язык

власти стал частью литературного языка через огосударствление последнего, через «присвоение его государством (властью) в качестве собственности». Это имело далеко идущие последствия и для делового языка, и для литературного языка в целом.

Оставляя в стороне этот аспект преобразования делового языка, вернемся к утверждениям о непонятности современного чиновничьего языка. Деловой язык, преобразованный на основе норм литературного языка, должен, наоборот, быть предельно понятным — это напрямую следует из понимания литературного языка как «основной формы существования национального языка, принимаемой его носителями за образцовую» [Трошева 2011: 208].

Как ни странно, непонятность современных деловых текстов является обратной стороной министерской реформы, результаты которой продолжают действовать до сих пор. Новые принципы деловой коммуникации способствовали усилению ее безличного характера. Строго иерархический характер министерского делопроизводства имел на своей вершине фигуру монарха, который делегировал свои властные полномочия ближайшему окружению и через него далее по иерархической системе. Увеличение чиновничьего аппарата способствовало ослаблению личного начала управления, а свержение монархии полностью прервало эту связь.

Важность фигуры монарха в структуре управления дореволюционной России ярко демонстрирует такой жанр, как манифест. Современный деловой язык обезличен и в каком-то смысле является ничьим, что ведет к безответственности при использовании чиновниками делового языка и к насилию деловой сферы коммуникации над другими коммуникативными сферами.

Даже в коллежский период делопроизводства деловой язык не имел той степени деперсонификации, какую он имеет в XIX в., после проведения министерской реформы: «коллежское делопроизводство осуществлялось еще на началах полного “безгласия” канцелярии, когда она выполняла роль “коллективного писаря”». При такой системе делопроизводства деловой текст должен был фиксировать личное начало [Литвак 1984: 53].

Таким образом, с одной стороны, можно констатировать, что расширение сферы деловой коммуникации, увеличение административных аппаратов всех уровней, максимальное обезличение документных жанров — вот условия для возникновения специфического чиновного языка, задача которого не *объединять* людей (как было вначале), а *ранжировать, распределять* их «по социальным квартирам», и в этом своем движении-развитии канцелярский язык неудержим. С другой стороны, заслуживает безусловного внимания потенциально заложенная в языковой природе

делового стиля нацеленность на коммуникативные качества точности, неэмоциональности и ясности, которые безусловно обязаны присутствовать в любой деловой сфере. Видимо, усилия лингвистов в создании документов всех уровней оказались бы нелишними, и это осознают многие законодворцы и чиновники.

Источники

Магницкий М. Л. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. М.: Тип. Лазаревых, 1835. 120 с.

Сумароков А. П. О некоторой заразительной болезни // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе: в 10 ч. Ч. 6. М.: Университетская тип., 1781. 393 с.

Литература

Кожина М. Н. (ред.). Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Наука, Флинта. 2011. 696 с.

Колесов В. В. Русская речь: Вчера. Сегодня. Завтра. СПб.: Юна, 1998. 245 с.

Литвак Б. Г. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII–XIX вв. (К постановке вопроса) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: статьи и материалы. М.: Наука, 1984. С. 48–55.

Руднев Д. В. «Подьяческий слог» в оценке А. П. Сумарокова (об особенностях канцелярского языка середины XVIII века) // Литературная культура России XVIII века. Вып. 7 / Под ред. П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева, М. В. Пономаревой. СПб.: Геликон Плюс, 2017. С. 50–77.

Садова Т. С., Руднев Д. В. Из истории русских просительных жанров: лингвистический аспект // Ученые записки ПетрГУ. 2020. Т. 42. № 5. С. 8–14.

Трошева С. Б. Литературный язык // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта, Наука. 2011. С. 208–209.

References

Kozhina M. N. (ed.). *Stilisticheskii enciklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Nauka, Flinta Publ., 2011. 696 p.

Kolesov V. V. *Russkaya rech': Vchera. Segodnya. Zavtra* [Russian speech: Yesterday. Today. Tomorrow]. St. Petersburg, Yuna Publ., 1998. 245 p.

- Litvak B. G. [On the laws of the evolution of office documentation in the 18th–19th centuries (To the question)]. *Problemy istochnikovedeniya istorii SSSR i special'nyh istoricheskikh disciplin: stat'i i materialy* [Problems of source study of the history of the USSR and special historical disciplines: articles and materials]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 48–55. (In Russ.)
- Rudnev D. V. ["Pod"yacheskii slog" in the assessment of A. P. Sumarokov (about the features of the clerical language of the middle of the 18th century)]. *Literaturnaya kul'tura Rossii XVIII veka* [Literary culture of Russia in the 18th century]. Issue 7. St. Petersburg, Gelikon Plyus Publ., 2017, pp. 50–77. (In Russ.)
- Sadova T. S., Rudnev D. V. [From the history of Russian petitioning genres: The linguistic aspect]. *Uchenye zapiski PetrGU* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2020, vol. 42, no. 5, pp. 8–14. (In Russ.)
- Trosheva S. B. [Literary language]. *Stilisticheskii enciklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Nauka, Flinta Publ., 2011, pp. 208–209. (In Russ.)

О бизнес-пунктуации: знаки препинания или преткновения?

Ольга Игоревна Северская, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва), oseverskaya@yandex.ru, ORCID ID 0000-0002-6277-9756

Лариса Васильевна Селезнева, Российский государственный социальный университет

(Россия, Москва), loramuz@yandex.ru, ORCID ID 0000-0002-8546-6496

DOI: 10.31857/S013161170014708-7

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается пунктуация в современной бизнес-коммуникации. Знаки препинания — необходимая графическая составляющая любого текста, которая используется в том случае, когда информация не может быть передана иным способом. Авторы сравнивают традиционную постановку знаков препинания и ту, которая используется в чатах, социальных сетях, в электронной переписке и т. п. С переходом деловой переписки в чаты и мессенджеры пунктуация перестает подчиняться литературной норме, развивается по законам Интернета. Авторы подробно анализируют функции восклицательного знака, который служит как для разграничения предложений, так и для выражения субъективного отношения к своему высказыванию. Рассматривая употребление восклицательного знака в переписке, авторы отмечают его частотность в сетевых текстах. Восклицание повышает значимость высказывания в глазах адресата, и восклицательный знак становится конативной (обращенной на адресата) составляющей бизнес-коммуникации. Особое внимание уделяется еще одному конативному знаку — трем точкам как точкам опущения/подвешивания. Использование знаков препинания в бизнес-коммуникации обусловлено переходом традиционно вербальных форм общения в письменную форму, следованием в деловом общении не языковой норме, а корпоративному субстандарту, технологиями цифрового письма и действиями пишущего.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: знаки препинания, пунктуация, бизнес-коммуникация, восклицательный знак, дисплейный текст

для цитирования: Северская О. И., Селезнева Л. В. О бизнес-пунктуации: знаки препинания или преткновения? // Русская речь. 2021. № 2. С. 44–53. DOI: 10.31857/S013161170014708-7.

Issues of Modern Russian Language

Some Notes About Business Punctuation: Punctuation Marks or Stumbling Blocks?

Olga I. Severskaya, Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia, Moscow),
oseverskaya@yandex.ru

Larisa V. Selezneva, Russian State Social University (Russia, Moscow), loramuz@yandex.ru

---

ABSTRACT: The article deals with punctuation in modern business communication. Punctuation marks are a necessary graphic component of any text that are used when information cannot be transmitted in any other way. The authors compare the traditional setting of punctuation marks with the one used in chats, social networks, e-mails, etc. With the transition of business correspondence to chats and messengers, punctuation ceases to obey the general norm, and develops according to the laws of the Internet. The authors analyze in detail the functions of the exclamation mark, which serves to distinguish sentences and to express a subjective attitude. Considering the use of the exclamation mark in correspondence, the authors note its frequency in online texts. The exclamation makes the statement relevant to the recipient, and the exclamation mark becomes a conative (addressed to the recipient) component of business communication. Particular attention is paid to another conative sign, three dots used as omission/suspension points. The use of punctuation marks today depends on the transition of traditionally oral forms of communication into the written sphere,

following corporate substandards in business communication, but not a language norm, digital writing technologies and the actions of the writer.

KEYWORDS: punctuation mark, punctuation, business communication, exclamation mark, display text

FOR CITATION: Severskaya O. I., Selezneva L. V. Some Notes About Business Punctuation: Punctuation Marks or Stumbling Blocks? Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 2. Pp. 44–53. DOI: 10.31857/S013161170014708-7.

*До одних знаков препинания нужно дорасти,
а до других – дозреть.
До каких знаков препинания человек дозрел,
те он автоматически и поставит.*

Пасько Э. Афоризмы о знаках препинания

В современной бизнес-коммуникации использование знаков препинания отличается от их традиционного употребления. По некоторым данным [Северская, Селезнева 2019: 109], письменная коммуникация в бизнесе составляет сегодня 70%, устная форма остается в звонках и встречах на старте, когда надо или познакомиться, или обсудить тему в конференц-коле; при этом 10% клиентов обращаются в компанию через WhatsApp, Viber, Messenger, 15% переходят к общению в чатах и мессенджерах после первого звонка. Порождаемые в этом процессе тексты гибридизируются, превращаясь в «дисплейные» (именуемые так по основному носителю сообщения), в терминологии В. Г. Костомарова [Костомаров 2010: 142], «устно-письменные», имеющие принципиально иное строение: «Их отличают: вовлечение *языковых* (звуковых и письменных) и *внеязыковых* носителей смысла, упорядоченное чередование единиц разного потенциала (*информем* и *экспресем*), *блочный синтаксис* и *расчленение* на удобовоспринимаемые клипы (по образцу монтажа кадров в кинофильмах), жесткая *конструктивность*, своеобразная *аномия* (ограничение значения слова, поддерживаемое сопроводительной картинкой), другие признаки» [Там же: 141] (курсив автора. — О. С., Л. С.). С переходом деловой переписки в «дисплейную» форму ее пунктуация, как будет показано дальше, перестает подчиняться литературной норме и развивается по законам Интернета.

Знаки препинания либо вообще опускаются (что, однако, не упрощает, а затрудняет коммуникацию: *Занята буду в пятницу не работаю* = *Занята*

буду. В пятницу не работаю. / Занята буду, в пятницу не работаю. / Занята. Буду в пятницу. Не работаю; функцию разделителя принимает на себя Enter), либо возникают там, где нормой не предусмотрено (что также меняет смысл: *обслуживание, возможно, в соответствии с действующим законодательством*). Часто постановка лишних знаков препинания (обычно запятых) обусловлена интонацией: автор ставит запятые там, где делает паузу в устной речи. Исследование текстов в социальной сети «ВКонтакте» показало, что такая «интонационная» постановка знаков препинания может привести к ошибочному обособлению обстоятельств: **В результате, восстановление и регенерация тканей ускоряется в несколько раз, невероятно быстро заживают травмы. В течение 2-х недель со дня покупки, магазин обязан принять купленный товар;** или к постановке запятых в произвольно выбранном месте: *Во-вторых, чувствовать себя хорошо, можно только в удобной одежде!* — и к другим ошибкам (см. подробнее [Алексеева 2014: 9]).

Кроме того, знаки препинания становятся выразительным средством письма, которые отражают не только интонацию, но и эмоции и дополнительные смыслы. Ученые отмечают высокую эмоциональную насыщенность электронной переписки [Смирнов 2004: 8], торжество «изобразительной выразительности пунктуационных знаков», которые используют в интернет-коммуникации в качестве элементов смайликов [Ким 2019: 303]. Пунктуационные знаки превращаются в аналог эмотиконов (которыми часто заменяются), в знаки эмоций (ср. [Стурикова, Кирпичикова 2014]): «!» — знак радости: *У меня новость!*, волнения: *Катя! Перезвони! Срочно!*, «?» — знак удивления, изумления: *Отчет не готов?*, при этом сила эмоции передается мультипликацией знаков препинания: *Ты еще не составил график???* *Скорее!!!!*, которые могут использоваться и без слов: *???* — *!!!*; «.» — знак резкости тона разговора, равный по смыслу резкому *Дискуссия окончена!* (возможно, это обусловлено влиянием англоязычных блогов) [Crair 2013]; кроме того, И. Е. Ким, отмечая эту особенность, обращает внимание на то, что этимологически *точка* связана с *тычком* [Ким 2019: 310], а серия «—» заменяет жестикуляцию. Почти полное исчезновение из переписки двоеточия и точки с запятой объясняется, на наш взгляд, во-первых, их меньшей доступностью на виртуальной клавиатуре, а во-вторых, тем, что знаки эти напоминают недорисованные смайлики «:)» и «;)».

Восклицательный и вопросительный знаки, как отмечал А. М. Пешковский, «психологически элементарны, почему и были поняты прежде других знаков» [Пешковский 2018: 180]. Они служат как для разграничения предложений, так и для выражения субъективного отношения к своему высказыванию. Руководства по деловой переписке обращают внимание на недопустимость злоупотребления этими знаками [Деловая переписка

2019], однако маркируемые с их помощью «зашкаливающие эмоции» встречаются, в особенности во внутренней переписке компаний (примеры в статье, кроме специально оговоренных случаев, приводятся из коллекции материалов, переданных авторам на условиях конфиденциальности и анонимности):

- (1) *Куда бежать, куда обращаться с большой проблемой отсутствия воздуха к вечеру????? Дышать совершенно нечем, окна разумеется открыть нельзя, кондиционеры кислорода не добавляют, вентиляция не работает. Ну это же совсем никуда не годится и никаким нормам охраны труда не соответствует. Плюс голова к вечеру начинает ощутимо болеть из-за недостатка кислорода. Может что-нибудь решим???*
- (2) *После новости о правилах парковки поступил мешок писем одного и того же содержания: многие интересовались, а как быть с мотоциклами? Нужно ли платить за их парковку, или можно приезжать бесплатно? Нет, платить за парковочные места для мотоциклов, мопедов, велосипедов не надо!!!*

Если вопросительный знак пунктуационно используется по правилам, то в употреблении восклицательного заметны определенные сдвиги и отступления от нормы.

Традиционно восклицательный знак ставится в конце повествовательного предложения для выражения эмоций: *В Архипо-Осиповке черешенка пошла!* (Фейсбук — далее ФБ); в побудительных предложениях, содержащих приказание или требование: *«Высылаю документы. Лови!»* (о пересылке документов по электронной почте), в предложениях-пожеланиях: *Расти большой, умный, счастливый!*; в номинативных предложениях, если адресат хочет подчеркнуть свои эмоции, выразить чувства: *Ужас! Королева! Сирень!* Восклицательный знак ставится также после междометий, если они произносятся с восклицательной интонацией: *Ура! Да! Нет! Нет, нет! Хор! Ок!* Такая постановка восклицательного знака соответствует структурно-грамматическому принципу русского языка и отражена в правилах пунктуации [Розенталь 2004].

Рассматривая употребление восклицательного знака в переписке, мы отмечаем, с одной стороны, его частотность во внутренней переписке и в письмах рекламного характера, где могут использоваться одновременно несколько восклицательных знаков, передающих эмоции и настроение в зависимости от контекста; а с другой стороны — «уход» восклицательного знака из деловой корреспонденции: его перестали ставить даже там, где он необходим по правилу.

Эмоциональность внутренней переписки сравнима с сетевой. Вот как может выглядеть, например, сообщение в чате одной из корпораций:

В эту пятницу мы представляем новый формат нашего киноклуба — *Научпоп Edition!!! Будем смотреть фильм с шикарной визуализацией от BBC — «Тайная жизнь клетки»! Это документальное кино потрясает своей зрелищностью и глубоким осмысленным содержанием! Эпохальность картины состоит в том, что просмотр всего лишь одного этого фильма гарантирует переосмысление ценности жить, именно в этом мире, именно в этом теле!* Для сравнения приведем пример комментария к посту в Фейсбуке, также состоящий из одних восклицательных предложений: *Рано хоронить университеты, рано хоронить студентов! Учение и обучение изменятся, но не настолько! Уверен, будет некий компромисс, соединение классических форм и новых! Даже в Зоот'е есть много прекрасных возможностей общения, группового и массового!!! Если только решать все будут не чиновники.* В письмах, носящих рекламный характер, восклицательный знак компенсирует отсутствие обращения (клиента не называют, но обращаются к нему с призывом, восклицательная эмоциональность выражает направленность на адресата): *Оформите кредитную карту «Перекресток-Альфа-Банк» до 28 апреля 2021 г., совершите любую покупку с использованием карты до 12 июня 2021 г. и получите 10 000 приветственных баллов в подарок!* (Клуб Перекресток).

В деловых письмах часто после обращения восклицательный знак заменяется точкой, что противоречит современным пунктуационным нормам, или запятой, например: *Уважаемая Ольга Игоревна. / Господа, в продолжение нашего разговора хочу предложить сотрудничество.* Распространенное в настоящее время приветствие вместо обращения в начале письма тоже часто остается без восклицательного знака: *Добрый день. / Коллеги, здравствуйте.* В письме между тем есть обязательное место этого знака препинания — после обращения. После приветствия, по мнению справочной службы русского языка, лучше не ставить точку [Грамота.ру, вопрос № 296928].

Кроме того, при сочетании восклицательного знака со скобками, формирующими эмодзи, появляется дополнительная семантика. Например, в комментарии *Ирина Павловна, дорогая, Стогов — хороший дядька, это просто образ у него такой! Вон сколько яда на всех выпустил!:(:)))* (ФБ, В. Ефремов) автор при помощи скобок показывает шуточную оценку происходящего. Огорчение или возмущение передается скобками, развернутыми в другую сторону: *Да уж!(((/ Екатерина Пичугина поделилась собственным опытом: выяснилось, что она переболела ковидом, того не зная!(((Слава Богу, что всё обошлось!* (ФБ, М. Горбаневский).

О. Б. Йокояма отмечает, что восклицательными знаками адресант повышает значимость и привлекательность своего высказывания: во-первых, «цель их — вызвать реакцию адресата или, говоря более точно, его соучастие в дискурсе» [Йокояма 2005: 206], во-вторых — «восклицания показывают, что их содержание так или иначе взволновало говорящего

и что по этой причине говорящий, односторонне, имплицитно, рассчитывает на интерес к ним со стороны своего партнера» [Там же]. Можно говорить о том, что восклицательный знак становится конативной (обращенной на адресата) составляющей бизнес-коммуникации.

Еще один конативный знак — многоточие, используемое сегодня вопреки нормам официально-делового стиля довольно часто: *Уважаемая Наталья! У меня к Вам еще один вопрос... Ответьте, если не затруднит... Как мне переслать Вам договор?* При этом многоточия ставятся не только в конце, но и внутри предложений, как в примере из поста в соцсети, который приводит К. Д. Туркова: *Сегодня последний день старого года... Время подводить итоги... И я тоже хочу их подвести... Этот год... стал для меня особенно важным...* [Туркова 2017], замечая, что многоточия «не украшают текст и вовсе не придают ему романтичности и задумчивости (как может показаться), а, наоборот, мешают чтению» [Там же]. Интересна реакция делового сообщества на этот знак, вот несколько мнений, высказанных в сетевой дискуссии [Что может означать многоточие в письме] (курсив в примере наш. — О. С., Л. С.):

- (1) Версию, что у человека *просто заело клавишу на клавиатуре*, я отменил сразу); *Лень на шифт нажимать...* поэтому вместо запятой пауза из точек;
- (2) А что если точно знаешь, что *это не просто паузы*? Поверьте, когда получаешь письмо вида: «Веселый денек...))» завидую... белой завистью, конечно, но работы щас много, времени не хватает катастрофически, балин...))»), это уж точно *не просто паузы*, это уже *эмоции*, причем смайлики — это эмоции, в которые человек хочет заставить нас поверить,) — улыбка, (— огорчение, тут уж все предельно ясно, *а вот знаки препинания*, форма подачи информации, даже места в предложении, где человек поставил смайлики — *это может показать, что на самом деле скрывается в его сообщении*;
- (3) Как известно, *многоточие у нас ассоциируется с недосказанностью*. Поэтому самый простой вариант — предположить, что человек *просто хочет тебе что-либо сказать, но по какой-то причине, не может (или не может позволить себе) что-то сказать*. Если исходить из этого, *хочется, разумеется, узнать, а что именно тебе не стали говорить*;
- (4) Что это может быть? У меня на этот счет есть несколько версий. Возможно, человек испытывает *смущение в вопросе, в котором он, возможно, не слишком хорошо разбирается* (в моем конкретном случае я получил такой «темный текст» в ответ на свое письмо, в котором было написано довольно много новой, для этого человека

информации, интересной мне, но не факт, что интересной ему). А, возможно, я этому человеку абсолютно не интересен, и ему просто влом писать больше. Или, может, интересен и даже очень, но он не хочет мне этого показывать, и многоточия в его письме являются признаком того, что он сдерживает себя, заменяя этими точками слова, так как не хочет излишне открываться.

Как видим, в многоточии адресат склонен усматривать либо техническую небрежность, либо знак колебания, «подбора слов», либо эмоциональный знак недосказанности или намеренного сокрытия информации, что уже не просто мешает чтению, но и вызывает у адресата сомнения в искренности партнера, его открытости, а это уже вредит делу.

Таким образом, в деловой переписке в ее цифровой версии знаки препинания, хотя и сохраняют свои грамматические функции, чаще используются как знаки эмоций, создавая определенный эмоциональный фон бизнес-диалога. Это объясняется прежде всего тем, что сегодня переписка и переговоры ведутся в основном в чатах, где общение, по сути, является записью разговоров и развивается по законам скорее устной, нежели письменной коммуникации. Поэтому знаки препинания превращаются в иконические знаки пауз, интонации, эмоций и жестов, привлекающих внимание адресата. Кроме того, по нашим наблюдениям, бизнес-коммуникация развивается сегодня в рамках не литературной нормы, а корпоративного субстандарта, и нарушения правил пунктуации, как и замена одних знаков другими, объясняются простым незнанием (или неуверенным знанием) их нормативного употребления. Например, как замечает К. Д. Туркова, «в последнее время сложилось негласное правило: не знаешь, что ставить, — ставь тире», и в результате «тире стало настолько агрессивным знаком, что потеснило все остальные: двоеточие слывет старомодным и практически забыто, а запятые с успехом заменяются вездесущей длинной чертой» [Туркова 2017]. И наконец, иногда выбор знака определяется технологически: если для постановки правильного знака требуется Shift или переход на другую страницу виртуальной клавиатуры, он, как правило, уступает тому, который не требует от пишущего никаких дополнительных действий.

Литература

- Алексеева А. А. Исследование текстов в социальной сети «ВКонтакте» в лингводидактическом аспекте // Лингвокультурология. 2014. № 8. С. 6–10.
- Грамота.ру. Справка [Электронный ресурс]. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 19.03.2021).

- Деловая переписка по электронной почте [Электронный ресурс]. URL: https://neumeka.ru/pravila_obscheniya.html (дата обращения: 19.03.2021).
- Йокояма О. Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.
- Ким И. Е. Современная русская пунктуация как знаковая система // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 302–318.
- Костомаров В. Г. Дисплейный текст как форма сетевого общения // Russian Language Journal. 2010. Vol. 60. Pp. 141–147.
- Пешковский А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика. М.: Флинта, 2018. 712 с.
- Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Пунктуация. М.: ОНИКС 21 век, 2004. 263 с.
- Северская О. И., Селезнева Л. В. Эффективная бизнес-коммуникация: «волшебные таблетики» для деловых людей. М.: ЭКСМО, 2019. 416 с.
- Смирнов Ф. О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках: автореферат дис. ... канд. филол. наук / Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. Ярославль, 2004. 22 с.
- Стурикова М. В., Курпичикова М. Е. Пунктуация в текстах социальных сетей // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. 2014. № 3. С. 154–159.
- Туркова К. Д., Андреева Ю. И. Русский без нагрузки. М.: АСТ, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://litra.pro/russkij-bez-nagruzki/turkova-kseniya-dmitrievna/read> (дата обращения: 19.03.2021).
- Что может означать многоточие в письме... [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.net.ru/talk/viewtopic.php?t=18432>; 30.05.2020 (дата обращения: 19.03.2021).
- Crair, B. The Period Is Pissed. When did our plainest punctuation mark become so aggressive? // The New Republic. 25.11.2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://newrepublic.com/article/115726/period-our-simplest-punctuation-mark-has-become-sign-anger> (дата обращения: 19.03.2021).

References

- Alekseeva A. A. [Research of texts in the social network “VKontakte” in the linguodidactic aspect]. *Lingvokulturologiya*, 2014, no. 8, pp. 6–10. (In Russ.)
- Business correspondence by e-mail* [Delovaya perepiska po elektronnoi pochte]. Available at: https://neumeka.ru/pravila_obscheniya.html (accessed 19.03.2021). (In Russ.)
- Chto mozhet oznachat' mnogotochie v pis'me...* [What can an ellipsis mean in a letter...]. Available at: <http://psychology.net.ru/talk/viewtopic.php?t=18432> (accessed 19.03.2021). (In Russ.)
- Crair B. The Period Is Pissed. When did our plainest punctuation mark become so aggressive? *The New Republic*, 25.11.2013. Available at: <https://newrepublic.com/article/115726/period-our-simplest-punctuation-mark-has-become-sign-anger> (accessed 19.03.2021).

- Gramota.ru. Reference.* Available at: <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D1%8F> (accessed 19.03.2021). (In Russ.)
- Iokoyama O. B. *Kognitivnaya model' diskursa i russkii poryadok slov* [Cognitive model of discourse and Russian word order]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2005. 424 p.
- Kim I. E. [Modern Russian punctuation as a sign system]. *Kritika i semiotika*, 2019, no. 2, pp. 302–318. (In Russ.)
- Kostomarov V. G. [Display text as a form of network communication]. *Russian Language Journal*, 2010, vol. 60, pp. 141–147. (In Russ.)
- Peshkovskii A. M. *Lingvistika. Poetika. Stilistika* [Linguistics. Poetics. Stylistics]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 712 p.
- Rozental' D. E. *Spravochnik po russkomu yazyku. Puntuatsiya* [Handbook of the Russian language. Punctuation]. Moscow, ONIKS 21 Vek Publ., 2004. 263 p.
- Severskaya O. I., Selezneva L. V. *Effektivnaya biznes-kommunikatsiya: "volshhebnyye tabletki" dlya delovykh lyudey* [Effective business communication: magic pills for business people]. Moscow: EKSMO Publ., 2019. 416 p.
- Smirnov F. O. *Natsional'no-kul'turnye osobennosti elektronnoi kommunikatsii na angliiskom i russkom yazykakh: avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19* [National and cultural features of electronic communication in English and Russian. Diss. ... Cand. Philol. Ref.]. Yaroslavl', 2004. 22 p. (In Russ.)
- Sturikova M. V., Kirpichikova M. Ye. [Punctuation in texts of social networks]. *Sotsiokul'turnoye prostranstvo Rossii i zarubezh'ya: obshchestvo, obrazovaniye, yazyk*, 2014, no. 3, pp. 154–159. (In Russ.)
- Turkova K. D., Andreeva Yu. I. *Russkii bez nagruzki* [Russian without difficulty]. Moscow, AST Publ., 2017. Available at: <http://litra.pro/russkij-bez-nagruzki/turkova-kseniya-dmitrievna/read> (accessed 30.05.2020).

Из истории русского языка

Гелиотроповый... Какого цвета?

Ольга Андреевна Давыдова, Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва), dav.ol@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170014709-8

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена редкому в современной речи слову *гелиотроп*. Это название растения, которое в XIX в. было привычным для городских палисадников и дачных клумб. Цветок упоминают многие русские писатели: И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, В. В. Набоков и др. Наиболее известная цитата с упоминанием гелиотропа — из драмы А. П. Чехова «Чайка». В ней цвет растения близок к еще одному загадочному наименованию «вдовый цвет». Гелиотроп ценили за изящный терпкий запах и активно использовали в парфюмерии. Хотя сейчас гелиотроп как сортовое садовое растение может иметь различную окраску, однако наши предки использовали название цветка для обозначения вполне конкретного цвета, прежде всего, по-видимому, светло-фиолетового (лилового). В XX веке писатели употребляли прилагательное **гелиотроповый** в цветовом значении ‘лиловый’ или ‘серовато-лиловый’. Существительное *гелиотроп* с разными дефинициями отражено в важнейших толковых словарях начиная с середины XIX в., но ни в одном из них не отмечено его цветовое значение. Отсутствует в словарях и прилагательное **гелиотроповый**, хотя его использовали И. А. Бунин, А. Белый, В. П. Катаев. Прилагательное следует внести в словник академических словарей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гелиотроп, гелиотроповый, цвет, вдовый цвет, минерал, толковый словарь

для цитирования: Давыдова О. А. Гелиотроповый... Какого цвета? // Русская речь. 2021. № 2. С. 54–62. DOI: 10.31857/S013161170014709-8.

From the History of the Russian Language

Heliotrope... What Colour Is That?

Olga A. Davydova, Moscow Pedagogical State University (Russia, Moscow),
dav.ol@mail.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the rare word *heliotrope* in the modern language. This is not only the name of the plant, which one could commonly see in the XIX century city front gardens and summer beds. Many Russian writers mentioned the flower I. S. Turgenev, I. A. Goncharov, V. V. Nabokov, etc. The most famous quote mentioning *heliotrope* is from the play ‘Seagull’ by Anton Chekhov. The color of heliotrope is close to the color designated as ‘widow’s color’. Heliotrope was praised for its elegant, tart smell and actively used in perfumery. Although nowadays this flower can be of different colour, our ancestors knew its common shade and used it to as a colour denomination of ‘purple’, ‘grayish-purple’.

The noun *heliotrope* with its various definitions is reflected in the most important dictionaries from the middle of the XIX century, but the meaning of *heliotrope*, describing a shade isn’t represented. The adjective *heliotrope* is not included in the dictionaries at all, although it was used by I. Bunin, A. Bely, V. Kataev. The authors of the article suggest that the adjective should be included in academic dictionaries.

KEYWORDS: heliotrope, color, widow’s color, mineral, explanatory dictionary

FOR CITATION: Davydova O. A. Heliotrope... What Colour Is That? Russian Speech = Russkaya Rech’. 2021. No. 2. Pp. 54–62. DOI: 10.31857/S013161170014709-8.

Некотрые (немногочисленные) обозначения цвета в русском языке связаны с цветом соответствующего цветка (*розовый, васильковый, сиреневый* и др.) или плода (*вишневый, гранатовый, лимонный, оранжевый, персиковый, сливовый* и др.). Русский читатель знает значение большинства подобных наименований: *розовый* ‘бледно-красный’¹; *васильковый* 2. ‘ярко-синий, цвета василька’; *вишневый* 2. ‘темно-красный; цвета вишни’; *оранжевый* ‘имеющий окраску одного из основных цветов спектра — среднего между красным и желтым; цвета апельсина’. Однако среди такого рода наименований цвета есть менее употребительные, но встречающиеся в литературе предшествующего времени. Среди них *гелиотроповый*, или *цвета гелиотропа*.

А что это за цвет? И вообще что такое гелиотроп? Словари современного русского языка подсказывают, что гелиотроп — это растение: *гелиотроп* 1. ‘травянистое или кустарниковое декоративное растение сем. бурачниковых, с лиловыми или белыми душистыми цветками’.

Вообще-то гелиотроп — это вид растений, которые соцветиями следуют за солнцем, что отражено в их названии: *В 1729 году французский астроном Жан-Жак де Меран заинтересовался гелиотропами (от греч. helios — солнце, tropos — поворот) — растениями семейства бурачниковых, которые поворачивают соцветия вслед за солнцем и опускают свои листья на ночь* (О. Белоконева. Наука и жизнь, 2009, № 5); *Оказывается, душистый гелиотроп поворачивается по ходу Солнца, что и нашло соответствующее отражение в его происходящем от греческого названия («helios» — Солнце, trope — поворот), тогда как осенняя астра получила наименование за причудливую конфигурацию соцветия, напоминающего формой звезду* (И. Филатов. Техника молодежи, 1977, № 12).

В XIX веке гелиотропы были весьма распространенными цветами, о чем можно судить по упоминаниям на страницах художественных произведений: *В садике, довольно немаленьком, обсаженном кругом как бы сплошной стеною акациями, воздушным жасмином, душистыми тополями, липами, а также с множеством левкоев, гелиотропов, резеды, чувствовался сильно-ароматический запах* (А. Писемский. Масоны); *Но еще больше напоминает меловая мазня диагонально протянутых пространств ночную садовую грядку. Тут гелиотроп и маттиолы. Их вечером поливали и свалили набок* (Б. Пастернак. Охранная грамота); *Со всех сторон стены, а вместо крыши синее жаркое небо и под ним, благословенным, расцветают*

¹ Здесь и далее дефиниции даны по «Большому толковому словарю русского языка» [Кузнецов (ред.) 2002], в иных случаях ссылки специально оговариваются.

розы — розовые, алые, кремовые, белые, желтые; падает с деревьев алыча, темно-красная и цвета маленьких солнышек, и жасмин с сиренью под стеной, и акации, а цветов не перечислить — и все такие простые, домашние: **гелиотроп**, портулак, венерин башмачок, колокольчики, резеда, шпажник, ночная красавица, фиалки, левкои, львиный зев, флоксы, розовый и белый табак, алые маки, желтые лилии... (А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: воспоминания) и др. Гелиотропы любил Л. Н. Толстой: С прогулки он постоянно приносил букет полевых цветов. Из садовых цветов больше всего любил душистый горошек и **гелиотроп** (А. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. Приложения). Гелиотроп рос дома и в оранжереях: Отделав стены под мрамор, раззолотил карнизы, настлал дубовый мелкоштучный паркет, покрыл его шелковыми коврами, над окнами развесил бархатные занавеси, а на стену наклеил литографию Василья Логинова, в углу повесил клетку с перепелом, а на окнах между кактусом и **гелиотропом** в полуразбитых чайниках поставил стручковый перец да бальзамин (П. Мельников-Печерский. Красильниковы. Из дорожных записок).

Привычным был подарок в виде букета гелиотропов: Вы не позволили мне ехать на этот бал, продолжал он <...> но вы не откажетесь принять от меня и взять с собою эти цветы? Он подал ей букет из **гелиотропов** (И. Тургенев. Дым); Он оглянулся и увидел на окне в стакане воды большой букет свежих **гелиотропов** (И. Тургенев. Дым); Через неделю он подарил мне **гелиотроп** и адонис весенний. (А. Чудаков. Ложится мгла на старые ступени) и др.

Гелиотроп был настолько популярным, что женщины прикалывали веточку гелиотропа к платью и делали украшения в виде этого цветка: Анна Павловна поспешно сложила записку и сунула за корсаж, к которому приколоты была веточка **гелиотропа** (В. Вересаев. Поэт); Потом появлялась бабушка — торжественная и красивая, вся в черном шелку, с искусственным цветком **гелиотропа**, приколотым к корсажу (К. Паустовский. Книга о жизни. Далекие годы).

За что же так любили гелиотроп? За его изысканный пряный запах: И как же пахли все эти цветы. Особенно мне памятен с тех пор пряный запах **гелиотропа**, аристократический горьковатый резеды и сладко-дурманящий душистого горошка. Все эти божественные ароматы почему-то не пользуются фавором людей середины XX века, помешавшихся на том, чтобы цветы были как можно более пышны и красочны, и это хотя бы в ущерб их аромату (А. Бенуа. Жизнь художника); На тихом воздухе ее покоя ванильный запах **гелиотропа** не смешивался с медовым ароматом черемухи и со сладкими благоуханиями роз и побеждал их (Ф. Сологуб. Красота), поэтому чаще всего в текстах упоминается запах гелиотропа: Но позже, к ночи, они уходили в сад городского клуба, и на Проспекте становилось пустынно,

*тихо; под фонарями на скамейке пахло **гелиотропом** (Н. Берберова. Курсив мой); Он, очарованный, вдохнул в себя эту негу, эту тончайшую амбру, которая так непостижимо-усладительно щекочет обоняние бедняка, с детства более привыкшего к гераням и ноготкам, чем к пышным, махровым розам, **гелиотропам** и **гиацинтам**... (И. Панаев. Белая горячка) и др.*

Запах гелиотропа был популярным, существовали одеколон с таким названием и, видимо, духи: *Все они, как на подбор, были долгоязы, белобрысы и острижены ежиком, все в длинных черных сюртуках, пахнувших нафталином и **одеколоном «Гелиотроп»**, почти все носили дымчатые пенсне на безусых лицах (А. Куприн. Мелюзга); Когда-то он издавал нежный аромат тонких **духов гелиотропа**, а теперь от него несло нафталином, камфорой, листовой махоркой... (С. Елеонский. Русское богатство, 1904, № 9); Когда же уходит к себе в спальню, то там меняет свою брошку — золотую завитушку с бирюзой — на другую, в виде бабочки с алмазными крыльями, накидывает на плечи косынку из козьего пуху и чуть-чуть прыскает на платье **гелиотропом** из забытого граненого флакона (С. Сергеев-Ценский. Движения), о популярности запаха свидетельствуют многочисленные цитаты: *Из экипажей поминутно выходили воздушные, как серфиды, дамы, которые быстро исчезали в дверях, распространяя в воздухе тонкий, благоухающий запах фиалки, **ess-voicquet** и **гелиотропа** (Д. Григорович. Пахатник и бархатник); Даровитый артист был в прюнелевых полусапожках, имел на левой руке перчатку, курил сигару и даже издавал **запах гелиотропа**, но, тем не менее, все-таки сильно напоминал путешественника, заброшенного в страну, где нет ни бань, ни прачек, ни портных... (А. Чехов. Актерская гибель) и др.**

Еще одно значение слова — значение цвета, к сожалению, не отмеченное в словарях: *Она была одета, правда, с изящной простотой, свидетельствовавшей об ее тонком вкусе и привычке одеваться хорошо, и жадный взгляд Вавочки оценил по достоинству и прелесть нежной, дорогой ткани, и изящество отделки, и мастерство артиста, сшившего это ловко сидевшее светлое платье модного цвета **гелиотроп**, но костюм ее не бил в глаза (К. Станюкович. Женитьба Пинегина).*

Какого же цвета гелиотроп? И так, если речь идет о цветах, то писатели дают самые разные описания: *В цветниках вдоль проспекта, против памятника великому матросу, положившему жизнь свою за честь Андреевского флага и за славу России, цвели пестрые астры и **лиловые гелиотропы**. (П. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени); Он был садовник; перед цветниками он останавливался как зачарованный. Раз сорвал цветок **темного гелиотропа** (С. Волконский. Мои воспоминания); Пробираясь между клумб, розовых кустов, **голубых из гелиотропа** вензелей V и M (то есть Вера и Михаил) и мимо множества чудесных цветов, которые в этой*

усадебке никому не доставляли удовольствия, а росли и цвели, вероятно, тоже «по традиции», Яншин спешил (А. Чехов. Расстройство компенсации); Зеленые веточки в черных обводах, листочки в лиловых крапинах — на одном стебле расцветают фиалки, **пунцовый гелиотроп** и яблоня <...> (Ю. Анненков (Б. Темирязов). Повесть о пустяках). По-видимому, как у многих культурных растений, есть несколько разновидностей цветов, в том числе и белый гелиотроп: Он не цветист, этот язык, но в нем что-то одуряющее и бесформенное, как в запахе **белого гелиотропа**... (И. Анненский. Письмо Е. Мухиной); Сидишь-сидишь на фаевой козетке, дышишь ароматом поздних роз, ловишь едва чувствуемую в воздухе струю **белого гелиотропа**, и вдруг вздрогнешь (Вас. Немирович-Данченко. Цари биржи).

Для В. В. Набокова запах гелиотропа был связан с атмосферой тургеневских героев: В ее спальне был маленький портрет царской семьи, и пахло **по-тургеневски гелиотропом** (В. Набоков. Дар), однако данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) показывают, что в текстах Тургенева лишь два примера употребления названия цветка. Самой известной цитатой с упоминанием гелиотропа является высказывание Тригорина из пьесы А. П. Чехова «Чайка»: *Думаю: надо будет упомянуть где-нибудь в рассказе, что плыло облако, похожее на рояль. Пахнет **гелиотропом**. Скорее мотаю на ус: приторный запах, **вдовый цвет**, упомянуть при описании летнего вечера* (А. Чехов. Чайка). Правда, читателя подстерегает еще одна загадка: значение фразеологизма **вдовый цвет**, которое практически не отражено в словарях и не имеет однозначной цветовой трактовки.

Существуют тексты, в которых упоминается как сам **цветок**:

*Но вдруг исчезли горы,
гладь синяя мерцающего моря
в цветущую равнину превратилась:
ромашек золотистые сердца,
и **вдовый цвет** лиловый и пушистый,
и колокольчики — я различал
в траве густой, лоснящейся на солнце...* (В. Набоков. Сон на Акрополе);

*Я иду в два часа в «солнечную ложбинку» у горки. Цветет **вдовый цвет**, красный клевер, наготове дикий левкой. Поставил складушку на край соснового «борика» частых полуметровых сосенок* (Е. Мравинский. Записки на память. Дневники, 1918–1987), так и **цвет** этого растения: *На ней платочек, **вдовьего цвета** кофта, грубые башмаки* (Б. Зайцев. Валаам). Крайне неопределенная семантика словосочетания **вдовый цвет** — ‘траурный, не светлый’ — дана только в «Большом академическом словаре русского языка» (БАС), но реальное употребление связывает значение устойчивого

сочетания с фиолетовым цветом: **Фиолетовый вдовый цвет**. *Цвет потери, разлуки, боли. Кто виновен? Кто даст ответ?* (С. Марасулова).

Хотя слово *гелиотроп* отражено во всех распространенных толковых словарях начиная со «Словаря церковно-славянского и русского языка» 1847 г. (в словаре, правда, отмечены только гиперонимы: растение и минерал), но составители предпочитают не давать однозначного цветового определения: если в первом издании БАСа цвет растения был обозначен однозначно: 1. *‘Бот. Садовое и полевое травянистое растение сем. бурачниковых, с душистыми цветами лиловой окраски; цветок этого растения’* [ССРЛЯ, т. 3: 62], то в современном издании составители указывают уже два цвета: «1. Тропические растения сем. бурачниковых, некоторые виды которого с фиолетовыми или белыми душистыми цветками, разводят как декоративные» [БАС, т. 4: 68]. С цветом, по-видимому, придется определиться, так как в словарях не указано прилагательное *гелиотроповый*, в то время как НКРЯ содержит примеры около двадцати употреблений трех разных писателей, прежде всего И. А. Бунина — как в дневниках: *Месяц довольно высоко, зеленовато-белый, небо под ним гелиотроповое почти. Хороша та дорога, где всегда грязь!* (И. Бунин. Дневники, 1911–1919), так и в беллетристике: *Над подъездом горел электрический шар, гелиотроповым, неприятным светом озарявший лихачей второго сорта, наглых и беспощадных к своим запаленным, костлявым рысакам, тяжело ревушим на бегу* (И. Бунин. Казимир Станиславович). В двух произведениях четыре раза употребляет прилагательное А. Белый: *И за ним полетело безвластно ангелоподобное существо, протянуло в пространстве гелиотроповый шарф свой* (А. Белый. Петербург); *В начале 1887 года Ноккерт надела свое новосшитое, гелиотроповое платье, о котором мы с ней мечтали* (А. Белый. На рубеже двух столетий). Разнообразно употреблял цветное прилагательное на протяжении всей творческой жизни «ученик» И. А. Бунина В. П. Катаев: *Другой — высокий, молодой, с усами, широкоплечий, в щегольском гелиотроповом костюме, в легкой каскетке, в замшевых разноцветных спортивных туфлях* (В. Катаев. Время, вперед!); *Вода потеряла свой дневной цвет и стала какой-то хотя и глянцевитой, ярко-гелиотроповой на поверхности, но страшной, почти черной в глубине* (В. Катаев. Белеет парус одинокий); *Синяя виффлемская звезда исчезла с морозного неба, и маленькая зимняя луна ярко-гелиотропового цвета стояла непомерно высоко в мраморном небе над правым берегом старой индейской реки Потомак* (В. Катаев. Святой колодец).

Однако *гелиотроп* имеет другое цветовое значение, если речь идет о камне. Это значение отражено в толковых словарях: «2. Темно-зелёный с ярко-красными вкраплениями минерал, разновидность халцедона, используемый как поделочный камень». [Кузнецов (ред.) 2002] Камень

гелиотроп упомянут в единичных источниках: *В Древнем Египте и Вавилоне особо почитались яшмовые перстни-печатки с гелиотропом* (Е. Ляшенко, О. Тюльпакова. Камень Ветхого Завета // Металлы Евразии. 01.08.2003); *Из халцедонов блистали красотой: красный сердолик, зеленый, с красными пятнами, гелиотроп и агат* (К. Циолковский. Вне Земли); *Итак, первый, происходящий от онога луч, сделан был из разноцветной яшмы, или ясписа, второй — из прозеленого аквамарина, <...> двадесятый — из темно-зеленого гелиотропа* (М. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки).

Итак, в немногочисленных источниках, преимущественно русской литературы второй половины XIX в., упомянуты цветы гелиотропы. По-видимому, они были широко распространенными растениями, украшавшими городские палисадники и дачные клумбы. Букет гелиотропов был привычным подарком для наших предков. Цветы любили прежде всего за изысканный пряный запах. Существовали парфюмерные изделия (одеколон и духи) «Гелиотроп». Как почти все садовые растения, гелиотроп мог быть разных оттенков, но, по-видимому, самым распространенным был светло-фиолетовый (лиловый). Видимо, именно такое значение имеют в виду авторы, использовавшие слово *гелиотроп* в цветовом значении (*цвета гелиотропа*). В новые издания академических словарей надо внести прилагательное *гелиотроповый*. Следует прислушаться к мнению авторов наиболее авторитетных исследователей наименований цветов в русском языке: «Создается впечатление, что в разных случаях реализуются оба значения слова. В значении 1 (цветок. — О. Д.) слово передает сине-голубой или серовато-лиловый оттенок, а в значении 2 (минерал. — О. Д.) — зеленый, с красными пятнами» [Василевич 2008: 174].

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Литература

- БАС — Большой академический словарь русского языка. М.—СПб.: Наука, 2004—
Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке /
Под общ. ред. А. П. Василевича. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 216 с.
Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2002.
1536 с.
ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.—Л.: Наука,
1950–1965.

References

- Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Large academic dictionary of the Russian language]. Moscow–St. Petersburg, Nauka Publ., 2004.
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2002. 1536 p.
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of modern Russian literary language: in 17 vols.]. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1950–1965.
- Vasilevich A. P., Kuznetsova S. N., Mishchenko S. S. *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke* [Color and color names in the Russian language. 2nd ed.]. Moscow, LKI Publishing House, 2008. 216 p.

Из истории русского языка

«Свет ясный, пурпуровый...»

Анастасия Сергеевна Котельникова, Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург), asya.kotelnikova@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170014710-0

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется история употребления слов *пурпуровый* и *пурпурный* в русском языке XVIII века. В русском языке *пурпуровый* появилось в начале столетия и первоначально использовалось преимущественно в переводных специальных и художественных текстах. С середины столетия *пурпуровый* появляется в оригинальных русскоязычных источниках, в том числе научных и научно-популярных — работах по оптике и цветовому спектру, описаниях химических опытов, ботанических и географических исследованиях и записках путешественников. В последней трети XVIII века *пурпуровый* приобретает широкую употребительность и неограниченную сочетаемость: оно используется в описаниях как минералов, растений и животных, так и модной одежды, аксессуаров. На основе корня *пурпур-* появляются производные слова, обозначающие степень насыщенности (*пурпуроват*) или оттенки смешанных цветов (*пурпурово-алый*, *пурпуроворозовый* и проч.).

На протяжении первой половины XVIII века *пурпуровый* обозначает ярко-красный или насыщенно-красный цвет. Толкования словарей XVIII века сближают и соотносят *пурпуровый* с прилагательными, обозначающими оттенки красного цвета: *багровый*, *багряный* и *червлёный*. Со второй половины века заметно сближение *пурпурового* с фиолетовым цветом. В конце столетия отмечается *пурпурный*, преимущественно как слово поэтического языка. Оба прилагательных и их значения, появившись в XVIII веке, сохраняются в современном русском языке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, историческая лексикология, XVIII век, цветообозначения, пурпуровый, пурпурный

для цитирования: Котельникова А. С. «Свет ясный, пурпуровый...» // Русская речь. 2021. № 2. С. 63–71. DOI: 10.31857/S013161170014710-0.

From the History of the Russian Language

“The Light Is Clear, Purpureal...” (G. Derzhavin)

Anastasiia S. Kotelnikova, The Institute for Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Saint-Petersburg), asya.kotelnikova@gmail.com

ABSTRACT: The article analyzes the use of words *purpurniy* and *purpuroviy* in the Russian language of the early 18th century. The word *purpuroviy* first appeared in fiction and non-fiction texts translated from foreign languages. Since the middle of that century, the adjective made an appearance in original Russian scientific and non-fiction texts, for example, in works on optics and color spectrum, descriptions of chemical experiments, botanical and geographical studies, and travelers' notes. In the last third of the 18th century, *purpuroviy* gained widespread use and unlimited compatibility. It was used in descriptions of minerals, plants and animals, of fashionable garments and accessories. Derived words appeared on the basis of the root *purpur-*, indicating the degree of colour intensity: *purpurovat* (crimsonish) or shades of mixed colors like *purpurovo-aliy* (crimsonish-scarlet) or *purpurovo-rozoviy* (crimsonish-pink) etc. In the first half of the 18th century, *purpuroviy* meant a bright red or deep red colour. Interpretations of the 18th century dictionaries define it as one of the shades of red, like crimson, purpureal or dark-red. From the second half of the century, *purpuroviy* sometimes indicated a shade of purple. At the end of the century, *purpurniy* appeared mainly as a word of poetic language. Both adjectives and their meanings, appearing in the 18th century survived and are still used in modern Russian.

KEYWORDS: Russian language, historical lexicology, 18th century, colour names, *purpurniy*, *purpuroviy*

FOR CITATION: Kotelnikova A. S. “The Light Is Clear, Purpureal...” (G. Derzhavin). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 2. Pp. 63–71. DOI: 10.31857/S013161170014710-0.

В современном русском языке — богатая палитра слов, обозначающих красный цвет и многочисленные его оттенки (*красный, алый, багровый, бордовый, брусничный, вишневый, кумачовый, малиновый, червонный* и др.). В этом ряду стоят и слова *пурпур, пурпуровый, пурпурный*. Эти названия появились в русском языке в XVIII веке и восходят к латинскому *purpura*, которое, в свою очередь, заимствовано римлянами из греческого языка, где *πορφύρα* обозначало 'пурпурная улитка', 'пурпурная краска', 'пурпурная ткань'. Предполагают, что своим происхождением слово *пурпур* связано с ближневосточными языками, из которых попало в греческий язык [Василевич, Кузнецова, Мищенко 2011: 33]. Пурпур, самый дорогой античный краситель, производился из секрета желез моллюска семейства *Murex brandaris*, который после высушивания приобретал ярко-красный цвет. Краска была очень дорогой. Так, в поздней Римской империи пурпурная одежда — предмет роскоши, который мог принадлежать военачальникам, жрецам, высшим чиновникам. Полностью облачиться в пурпур мог только император, а позже короли средневековой Европы [Пастуро 2019: 33]. К XVIII веку прилагательное, обозначающее краситель и цвет, существовало в большинстве западноевропейских языков: нем. *purpur*, фр. *pourpre*, англ. *purple*.

Из западноевропейских языков это цветообозначение пришло в русский язык. На основе заимствованного корня появились русские слова *пурпуровый* и *пурпурный* (в XVIII веке бытовали также варианты *порпуровый* и *порпуровой*). В этимологическом словаре М. Фасмера предполагается, что языком-источником был немецкий — *Purpur* [Фасмер III: 409]. Такой путь появления слова представляется вероятным, поскольку именно с Германией у России были наиболее тесные контакты в конце XVII — начале XVIII века.

Однако есть ранний пример употребления слова *пурпуровый* (в варианте *порпуровой*) в одном из русских переводов с голландского языка, оно появляется в перечне цветов в «Новом голландском корабельном строении» Карлуса Алларда: *Пурпуровой. Фиолетный* (Алярд 1709: 8) [КС XVIII]¹. Книга была переведена Федором Салтыковым по приказу Петра I и напечатана летом 1709 года. Затем *пурпуровый* исчезает из русских текстов почти на тридцать лет и появляется снова во «Флориновой экономии» немецкого экономиста Флоринуса Франциска Филиппа, переведенной С. С. Волчковым (1738 г.), что, вероятно, и дает основание связывать

¹ Указатель источников: https://iling.spb.ru/departements/historical_lexicography/18c/sources.html.ru.

появление слова *пурпуровый* в русском языке именно с немецким языком. «Флоринова экономия» — популярный справочник по домоводству, в течение XVIII века неоднократно переиздававшийся (1738, 1760, 1786 и 1794 гг.). В этой книге *пурпуровый* дано при описании закатного солнца, неба: *Когда солнце не задолго перед захождением, пурпураваго цвету было; Пурпураваго цвету, долгие облаки, по западе солнца бывающия, значат ветер* (ФЭ 1738: 77, 80) [КС XVIII]. Употребление прилагательного *пурпуровый* как характеристики цвета зари и солнечных лучей станет одним из наиболее распространенных на протяжении всего XVIII века. Еще одно раннее употребление *пурпураваго* появляется в «Примечаниях к Ведомостям» 1739 г. при описании остатков после горения нефти: *Хотя белая и желтая нефть, во время кипения парами выходила, однакоже после них обеих оставалась черная запах изрядной и пурпуровой глянец имеющая материя* (Прим. Вед. 1739: 318) [КС XVIII]. Только в одном непереводаемом русскоязычном памятнике начала столетия обнаруживается слово *пурпуровый* — в «Тарифе Санкт-Петербургского, Выборгского, Нарвского, Архангелогородского, Кольского портов» (1724 г.): *Сукна тонкого кармазинного порпураваго и протчих цветов* (ТП 1724: 13) [КС XVIII]. Ранние примеры не позволяют с определенностью говорить о том, какой именно цвет или его оттенок обозначало это прилагательное.

К середине века примеров употребления *пурпуровый* становится все больше: оно нередко в переводных художественных текстах. Чаще всего *пурпуровый* используется при описании одежды богов, знатных людей, одежды для торжественных случаев и под., обозначая красный, багряный цвет (ср. *порфирный*). Например, в повести «Аргенида», переведенной В. К. Тредиаковским с латинского языка (1751 г.), *пурпуровый* дано при описании одежды богини: *Диана обыкновенно была представляема богинею, с растрепанными волосами, в косматой одежде порпураваго цвета, застегнутой золотыми пуговицами* (Арг. I 1751: 265–266) [КС XVIII]. *Пурпуровый* цвет обычно характеризует одежду и аксессуары знатных людей, одежду, надеваемую в торжественных или официальных случаях: *Тело сея Принцессы, которое стояло в гробнице на оном одре, одето было в золотое парчевое платье подбитое горностаями, а сверх того пурпуравою бархотною мантию подбитою же горностаями* (Нов. Телем. I 1761: 170) [КС XVIII]. *Генерал-Фельдмаршал Граф Флеминг верхом на Неаполитанской лошади в пурпуровой бархатной мантии* (ГДБ IX 1784: 196) [КС XVIII]; *Судья в пурпуровой долгой одежде* (ППВ XIV 1797: 57) [КС XVIII]. В подобном употреблении *пурпуровый* отмечается на протяжении всего XVIII века.

С середины столетия *пурпуровый* активно начинает употребляться в научных и научно-популярных текстах — в ботанических и географических

исследованиях, при описании химических опытов, в записках путешественников и др.: *Из земли известны следующие роды... пурпуровая краска около горячих вод твердая как камень и плохая вохра изредка* (Краш. ОЗК I 1755: 189) [КС XVIII]; *<В берегах> между желтым песком находятся не толстые слои пурпуровой и белой глины* (МИГ 1791: 115) [КС XVIII]; *Приметили тучи ночных шелковичных бабочек Каию, деревенскую, попутника, и придворную, которая пестринами своими, особливо пурпуровым цветом, были прелестны* (Пут. Леп. I 1768: 335–336) [КС XVIII]; *Лилея пурпуровая с рудо-желтиною, также не одного роду. Некоторые с одинакими, другая с двойными цветами, а иныя многоцветныя* (Сад. 1779: 109) [КС XVIII]; *Пурпуровой цвет сиропа тотчас переменился в изрядной зеленой цвет* (ЕС II 1760: 396) [КС XVIII]; *Мексика есть одна земля, в которой кошениль собирается. Он состоит из зерен, из коих делается дорогой красной пурпуровой цвет* (Достопам. нат. 1779: 91) [КС XVIII].

Пурпуровый появляется в работах по оптике и цветовому спектру. Авторы текстов обращались к работам И. Ньютона, который выделил основные цвета. А. Кантемир в примечании к «Песне IV. В похвалу наук» пересказывает открытие Ньютона: *Если в темной горнице впустить луч солнца чрез малую скважину на требочное стекло... луч тот, преломясь, разделится на семь других лучей, из которых один фиалковый, другой пурпуровый, третий голубой, четвертый зеленый, пятый желтый, шестой рудо-желтый, седьмой красный. Сие явление первый усмотрел и исследовал вышеупомянутый знаменитый аглинский философ Ньютон* (Кнт. СС 1956: 2008) [КС XVIII]. Пурпуровый в перечислении указан между фиалковым (слово *фиолетовый* вошло в русский язык позже) и голубым (но далеко от красного), что может говорить о том, что Кантемир, возможно, употребил *пурпуровый* для обозначения какого-то цвета, близкого к синему. Однако интересно, что в других своих произведениях Кантемир использовал *пурпуровый* для обозначения именно красного цвета. Так, в примечании к стихотворению «О своем сне» из цикла «Анакреонтовы песни» (1744 г.) А. Кантемир использует *пурпуровый* при объяснении слова *порфиروцветный*: *Порфироцветных. Порфирный или пурпуровый цвет обыкновенный царским епанчам.* (Кн. А. Д. Кантемир 1867: 349) [КС XVIII].

Примеры середины и конца XVIII века неоднозначно определяют место пурпурового между другими цветами спектра: *Первое место занимает Красной, подле онаго Оранжевой, подле оранжеваго Желтой, подле сего Зеленой, подле зеленаго Синий, и напоследок Фиолетовой. Иные главных цветов полагают семь, прибавляя к первым шести седьмой пурпуровой* (Зр. прир. IX 1789: 19) [КС XVIII]. С одной стороны, его помещают рядом с красным цветом: *Иные придают еще пурпуровый цвет, который в самом*

деле виден бывает на краю возле красного, и который иные под одним именем красного включают (Эйлер III. I 1768: 127) [КС XVIII]. С другой стороны, часто располагают близко к синему и фиолетовому: *Естьли навести среднюю остроту тени на верхнюю остроту другой тени Аметистовой, тогда красной цвет примешается к фиолетовому и окажет Аметистовой цвет пурпуровой* (Сл. комм. I 1787: 84–85) [КС XVIII]; *Ибо когда луч пропущен бывает в темную комнату сквозь малое отверстие на треугольную стеклянную присму: то проходя чрез присму, разделяется на 7 приметных лучей... Самой нижний из сих седмиа простых... лучей, менее всех прочих переломлению подверженный, бывает красный, второй над оным померанцового цвету, третий сернаго цвету, четвертый зеленый, пятый синий, шестой пурпуровый, а седмиой или самой верхний... фиолетовый* (Учитель II 1789: 188–489) [КС XVIII]; *Те, которые видны в главной Радуге, следуют таким порядком, начиная щитать их от внутреннего сгибу Радуги: фиолетовой, пурпуровой, синий, зеленой, желтой, оранжевой, красной* (МНИ III 1788: 285) [КС XVIII].

Активность слова *пурпуровый* резко возрастает в последней трети XVIII века. Прилагательное приобретает широкую употребительность и неограниченную сочетаемость. Оно используется для описания природно-окрашенных предметов (минералов, цветов растений, окраски животных и птиц): *На Азате же, имеющем желтыя пятны, производит он цвет пурпуровый* (Сл. комм. I 1787: 15) [КС XVIII]; *Цветы на нем бывают или совсем пурпуровые, или пурпуровые с белым* (Сл. комм. I 1787: 16) [КС XVIII]; *Золото дает краску пурпуровую, карминную и фиолетовую, краски из онаго так сильны, что один гран золота может подцветить 400 гран Финифти* (Сл. комм. I 1787: 244) [КС XVIII]; *Ветитен, или Вихер, большой лесной Голубь имеет... грудь пурпуровую* (Сл. нат. ист. I 1788: 52) [КС XVIII]; *Гуара. Птица Бразильская... Сказывают, что перья сии бывают сначала черны, потом белеют, и наконец делаются пурпуровые, и удерживают навсегда сей цвет* (Сл. нат. ист. I 1788: 112) [КС XVIII]; *Дентерия, или Зубчатый Корень... цвету белаго с пурпуровою тенью; есть на ней и цветок такой же краски* (Сл. нат. ист. I 1788: 117) [КС XVIII]; *Лапушник... Цвет на нем пурпуровый* (Сл. нат. ист. I 1788: 255) [КС XVIII]; *Женский волос черный есть растение... имеющее корни многие, волокнистые, тонкие... цветом пурпуровые* (Сельск. леч. I 1789: 827) [КС XVIII].

Примерно в это время *пурпуровый* становится модным цветом. Слово *пурпуровый* появляется в модных журналах и описаниях производства тканей: *В Нормандских фабриках ткнут бархаты из хлопчатой бумаги одинаких постоянных цветов, синие, пурпуровые, каштановаго, алые и черные* (Сл. комм. I 1787: 153) [КС XVIII]; *Перчатки и башмаки беляя. Главные цветы: пунцовый, пурпуровый и зеленой* (ММ I 1803: 75) [КС XVIII]; *Было уже за*

полночь; красавица начала зевать... девушки приготавливали греческую кровать — из дерева акажу, с пурпуровым занавесом, с кисейными простынями обшитыми кружевом (ММ II 1803: 148) [КС XVIII].

Со второй половины XVIII века становится более заметным сближение пурпурового с фиолетовым цветом: *Сперва такой сок, как уже объявлено, бывает бел: Потом становится зелен, а напоследок изряднаго красного цвету, токмо так, что притом немного походит на цвет фиолетовой. Полотно сею краскою выкрашеное не спускает цвету никогда (ЕС 1757: 377) [КС XVIII]; Фиолетовую нежную, составленную из помянутой синей туши с малым количеством кармина. Пурпуровую нежную, составленную из самых также красок, но с тою только разницею, что кармина полагается более, а синей туши меньше (ЭМ XXXIII 1788: 265) [КС XVIII]; Смешение белой краски с пурпуровою производит цвет лиловой; малое подбавление к тому синей, составляет цвет светло-фиолетовой (Сл. комм. II 1789: 247) [КС XVIII]; Молодые деревца на открытом воздухе выдерживают северную зиму без всякой защиты, но иглы на них от холоду приемлют цвет пурпуровый, почти фиолетовый (Хозяин. Т. V 1789: 193) [КС XVIII].*

К концу века *пурпуровый* может обозначать как красный, так и фиолетовый цвет в одном и том же тексте: *Рубин, почитаемый самым драгоценнейшим по алмазе, красного цвету, подходящаго несколько к пурпуровому. ...Аметист светло пурпуровый (Учитель. II 1789: 510) [КС XVIII]. Рубинь, или яхант по алмазе первый, цвет на нем алый, несколько склоняющийся к пурпуровому; Амагист, чисто-пурпураго цвета (Наставник. VIII 1791: 99, 100) [КС XVIII].*

В течение XVIII века *пурпуровый* активно входит в русскую цветовую палитру. К концу века появляются производные слова, обозначающие разную интенсивность и оттенки цвета, смешанные цвета с компонентом пурпурового. Например, слово *пурпуроват* 'слегка пурпуровый, с оттенком пурпурового': *Смесь разных цветов, из коих мрамор этот состоит. Обыкновенно бывает он пурпуроват с синими и желтоватыми жилами (Сл. нат. ист. I 1788: 307) [КС XVIII].* Активно формируются прилагательные-композиции для наименования различных оттенков: *Розан... прозывается так потому, что сторона его от солнца пурпурово-ала инако называется он пурпуровый персик (Хозяин. Т. V. 1789: 66) [КС XVIII]; Иволга. Птица красивая, имеющая... нос пурпуроворозовой (Сл. нат. ист. I 1788: 184) [КС XVIII]; Есть он карбункул древних, по тому что их Гиацинт был совсем отличен от нашего и цвету пурпурово-синеватого (Сл. комм. II 1787: 51) [КС XVIII]; В подобии малой к сосновой сходной шишечке, продолговатой... красиваго пурпурово-фиолетоваго цвету (ВПД V 1795: 142) [КС XVIII]; Черница... Плод составляют ягоды шарообразныя, из черна пурпуровыя [САР¹ V 1789: 701];*

Лук... на верху стебля выходят небольшие темнопурпуровые цветочки [САР¹ III 1792: 1329].

Пурпуровый становится в один ряд со словами, обозначающими оттенки красного цвета. В словарях XVIII века *пурпуровый* не получает толкования или объясняется синонимом, в качестве синонима часто выступает *багровый*: *Conchylium Пурпуровая краска из раковин* (ЛЦ 1746: 394) [КС XVIII]; *Purperea, Багря, багрец, багровой цвет, пурпуровой цвет (в геральдике), багровый цвет* (ФРЛ¹ Т. II 1786: 307) [КС XVIII]. В «Словаре Академии Российской» *пурпуровый* не входит в реестровый список, но широко используется в толкующей части, с его помощью составители словаря объясняют слова *багровый* и *багряный*: *Багровый... Имеющий цвет червлёный, пурпуровый, густокрасный* [САР¹ Т. I 1789: 77]; *Багряный... Червлёный, пурпуровый* [САР¹ Т. I 1789: 78]. Толкования сближают и соотносят значения *пурпурового, багрового, багряного* и *червлёного*.

В конце столетия преимущественно как слово поэтического языка начинает отмечаться в текстах слово *пурпурный*. Наиболее ранний из обнаруженных контекстов — описание вечерней зари в «Оде спокойствию» Сергея Тучкова (1789 г.): *Еще серебристыми струями Там пурпурный играет луч* (БГ I 1789: 177) [КС XVIII]. В конце XVIII — начале XIX века оба варианта (*пурпуровый* и *пурпурный*) могут сосуществовать у одного и того же автора: *О Суна! ...от зарь горяща, Кипишь и смеешься дождем Сафирным, пурпурным огнем* (Г. Державин. Водопад. 1791–1794); *Как огненная река, Свет ясный, пурпуровый Объял все воды вокруг* (Г. Державин. Прогулка в Сарском Селе. 1791); *Пурпуровым златом рдейте, Воды, доли...* (Г. Державин. Пришествие Феба. 1797); *А в вечер тихий брег морской И пурпурный закат над зыбью* (С. Бобров. Херсониды. 1804); *<Имя Петра> среди блеска И сереброогненных дождей, Среди торжественного треска, Среди пурпуровых путей Достигло тех границ небесных* (С. Бобров. Рассвет полночи. 1804); *Зри во пурпурных хламах Жители Сидона, Тира* (А. Радищев. Песнь историческая. 1807). Судя по дополнительным характеристикам, которые сопровождают *пурпурный* и *пурпуровый* (*как огненная река, от зарь горяща, златом рдейте*), в поэтическом языке они используются для обозначения ярко-красного цвета.

Современный русский язык сохраняет оба слова в значении ‘ярко-красный с фиолетовым оттенком; багряный’ [Чернышев (гл. ред.) 1961: 1697–1698].

Источники

- КС XVIII — Картотека «Словаря русского языка XVIII века».
САР¹ — Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб., 1789–1794.

Литература

- Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: URSS, 2011. 216 с.
- Пастуро М. Красный. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 160 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М.: Прогресс, 1987. 831 с.
- Чернышев В. И. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка. Т. 11. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 1842 с.
-

References

- Chernyshev V. I. (ch. ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the contemporary Russian literary language]. In 17 vols. Vol. 11. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. 1842 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Vol. 3. Moscow, Progress Publ., 1987. 831 p.
- Pastoureaux M. *Rouge, Histoire d'une couleur*. Paris. Editions du Seuil, 2016. 216 p. (Russ. ed.: Pasturo M. *Krasnyi. Istoriya cveta*. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2019. 160 p.)
- Vasilevich A. P., Kuznecova S. N., Mishchenko S. S. *Cvet i nazvaniya cveta v russkom yazyke*. [Color and the names of colors in the Russian language]. Moscow, URSS Publ., 2011. 216 p.

Из истории русского языка

Трудные места из пасхального канона на церковнославянском языке (варианты исправления на примере песни 4)

Лариса Ивановна Маршева¹, Егор Юрьевич Коротков², Федеральный институт родных языков народов Российской Федерации, Сретенская духовная семинария, haufen@mail.ru¹, korotkov-egorr@mail.ru²

DOI: 10.31857/S013161170014711-1

АННОТАЦИЯ: Среди богатого гимнографического наследия Церкви отдельного внимания заслуживают произведения преподобного Иоанна Дамаскина, и прежде всего канон Святой Пасхи — самого главного православного торжества, праздника праздников, прославляющего Воскресение Господа нашего Иисуса Христа. Разумеется, в славянской традиции канон Пасхи получает собственное развитие, которое связано в первую очередь с тем, что данное произведение было переведено с греческого языка на церковнославянский.

В настоящей статье предпринята попытка представить для трудных мест канона Пасхи на церковнославянском языке (на примере избранных лексем из песни 4) исправления, которые позволят сделать его более понятным для современных людей — на основе некоторых русских и церковнославянских переводов, а также данных словарей. Помимо этого, настоящее исследование представляет не просто языковой анализ богослужебного текста, но и необходимое в каждом случае разъяснение его богословского значения, поскольку в своих гимнографических текстах преподобный Иоанн Дамаскин стремится раскрыть многие

догматические истины: о единстве сущности Пресвятой Троицы и различии Ипостасей, Божественной и человеческой природах Господа Иисуса Христа, единстве Личности Спасителя, Его Рождестве от Пресвятой Девы Марии, спасении человечества через искупительную жертву Сына Божия. Отсюда становится понятным, что для прояснения богослужебного текста нужны не только лингвистические изыскания. Необходимы знания как самого церковнославянского языка, так и текстов Священного Писания, богословских, святоотеческих трудов, парафразы которых часто встречаются в гимнографии.

ключевые слова: гимнография, канон Пасхи, церковнославянский язык, исправление, русские переводы

для цитирования: Маршева Л. И., Коротков Е. Ю. Трудные места из пасхального канона на церковнославянском языке (варианты исправления на примере песни 4) // Русская речь. 2021. № 2. С. 72–82. DOI: 10.31857/S013161170014711-1.

From the History of the Russian Language

Difficult Places from the Easter Canon in the Church-Slavic Language (Correction Options on the Material of Song 4)

Larisa I. Marsheva¹, Egor Yu. Korotkov², Federal Institute of Native Languages of the Peoples of the Russian Federation, Sretenskaya Theological Seminary, haufen@mail.ru¹, korotkov-egorr@mail.ru²

ABSTRACT: Among the rich hymnographic heritage of the Church, special attention should be paid to the works of the Monk John of Damascus, and above all the canon of Holy Pascha — the most important celebration, a holiday of holidays glorifying the Resurrection of our Lord Jesus Christ. Of course,

in the Slavic tradition, the canon of Easter receives its own development, which is associated, above all, with the fact that this work was translated from Greek into Church Slavonic.

The article makes an attempt to present, corrections for difficult passages of the Easter canon in Church Slavonic (using the example of selected lexemes from Song 4). The work is based on some Russian and Church Slavonic translations, as well as some dictionaries. This will allow to make it more understandable for modern people. In addition, this study presents not just a linguistic analysis of the liturgical text, albeit based on a large number of sources, but also an explanation of its theological meaning, which is necessary in each case, since in his hymnographic texts the Monk John Damascene seeks to reveal many dogmatic truths: about the unity of the essence of the Most Holy Trinities and differences of Hypostases, the Divine and human nature of the Lord Jesus Christ, the unity of the Person of the Savior, His Nativity from the Blessed Virgin Mary, the salvation of mankind through the atoning sacrifice of the Son of God. From this it becomes clear that no amount of linguistic research will make the liturgical text clear by itself. Knowledge of both the Church Slavonic language itself and the texts of Holy Scripture, theological, patristic and homiletic works, the paraphrases of which are often found in hymnography, are required.

KEYWORDS: hymnography, canon of Easter, Church Slavonic, correction, Russian translations

FOR CITATION: Marsheva L. I., Korotkov E. Yu. Difficult Places from the Easter Canon in the Church-Slavic Language (Correction Options on the Material of Song 4). *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2021. No. 2. Pp. 72–82. DOI: 10.31857/S013161170014711-1.

Известно большое число гимнотворцев, которые трудились над созданием канонов — многострофных церковных песнопений определенной структуры. Это преподобные Андрей Критский, Иоанн Дамаскин, Косма Маюмский, святитель Герман (скорее всего — Патриарх Константинопольский), преподобный Феодор Студит, святитель Георгий, епископ Никомидийский, преподобные Феофан Начертанный и Иосиф Песнописец [Желтов 2012: 207]. Особого внимания заслуживает преподобный Иоанн Дамаскин, так как он является автором канона Святой Пасхи — самого главного православного торжества, праздника праздников, про-

славяющего Воскресение Господа нашего Иисуса Христа (полный церковнославянский текст канона см. в [Триодь цветная 2002: 4–14]). Святой создает все чинопоследование (традиционно сложившееся последовательное сочетание молитв, песнопений и действий) пасхальной службы [Флоровский 2006: 291].

В своих литургических текстах преподобный Иоанн Дамаскин стремится раскрыть многие догматические истины: о единстве сущности Пресвятой Троицы и различии Ипостасей, Божественной и человеческой природах Господа Иисуса Христа, единстве Личности Спасителя, Его Рождестве от Пресвятой Девы Марии, спасении человечества через искупительную жертву Сына Божия [Лаут 2011: 28, 40], [Скабалланович 2008: 332–333]. Все указанные темы в той или иной мере присутствуют во всех текстах и последованиях, составленных преподобным Иоанном Дамаскином [Лаут 2011: 40].

Разумеется, в славянской традиции канон Пасхи получает собственное развитие, которое связано в первую очередь с тем, что данное произведение было переведено с греческого языка на церковнославянский. Очевидно, в настоящее время он во многом непонятен для современных верующих.

Поэтому важно остановиться на некоторых избранных единицах пасхального канона (в данной работе это сделано на примере песни 4) и провести их историко-этимологический анализ, присовокупив к нему богословско-экзегетическую составляющую, что послужит разъяснению церковнославянских слов людям, владеющим русским языком.

Первый тропарь

Мѹжеикѣи оубо полз, ѣкѡ развѣрзый дѣвственнѹ оутробѹ, ѣвнѣа
хрѣтѣс: ѣкѡ члѣкѣкѡ же, ѣгнецѡ наречѣа: непорѣченѡ же, ѣкѡ небѣженѡ
скверны, наша пасха, ѣ ѣкѡ бгѣ ичтиненѡ совершенѡ речеа.

В данном тропаре (кратком молитвенном песнопении, являющемся частью канона) заслуживает внимания слово члѣкѣкѡ. В греческом оригинале на этом месте два слова, которые с известными оговорками можно считать омонимами: βροτός и βρωτός. Возможно, здесь происходит смешение о и ω. Это обычное явление в минускульных рукописях (источниках, алфавитное письмо которых состоит из строчных букв, то есть из букв, начертание которых укладывается в четыре горизонтальные линии (две внутренние ограничивают тело буквы, две внешние — ее оси и «хвосты»)) XI–XV вв. Βρωτός переводится как «смертный, человек, поэт» [Вейсман 2006: 259]. Это значение и отражено в церковнославянском

тексте. См. также вариант И. Д. Колоколова: «Как разверзший девственную утробу, Христос явился **мужеским полом** (здесь и далее выделено нами. — Л. М., Е. К.); как смертный — назван агнцем; как непричастный скверны — непорочным» [Колоколов 1831: 65].

Что касается βρωτός (полный греческий текст канона см. в [Πάσχα]), оно переводится как «съедомый, употребляемый в пищу» [Вейсман 2006: 260]. Именно в связи с этим значением толкует анализируемое место преподобный Паисий Святогорец: «Христос есть и **снедь**, то есть **то, что съедается нами**, каким образом и тот древний агнец съедался, — ведь Господь говорит: «Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь имать живот вечный» (Ин. 6:54)» [Никодим]. С ним согласны подавляющее большинство русских переводов. Так, Е. И. Ловягин пишет: «Наша Пасха — мужеский пол, так как разверзший девственную утробу есть Христос; Он назван агнцем, как **предлагаемый в снедь**, — непорочным, как непричастный нечистоты (греха), а как истинный Бог — наречен совершенным (Исх. 12:5–11; Ин. 6:54)» [Богослужебные каноны 1855: 54]. См. также у иеромонаха Феофана (Адаменко): «Христос — наша Пасха, явился во плоти, как мужеский пол, разверзший девственную утробу; как **предлагаемый в пищу**, Он назван Агнцем; как чуждый осквернения — непорочным, и как истинный Бог, Он зовется совершенным» [Феофан]; у иеромонаха Амвросия (Тимрота): «Мужем, как разверзший девственное чрево, явился Христос; а как **предлагаемый в пищу**, назван Агнцем, непорочным же — как непричастный скверне, Он, наша Пасха; и, как Бог истинный, зовется совершенным» [Амвросий]; у Ю. Рубана: «Как человек, Христос явился (в мир) мужчиной, первенцем Своей Матери-Девы; как истинный Бог — Он назван совершенным, непричастным нечистоте греха; как непорочный Агнец, **предлагаемый в пищу**, — Он стал нашей Пасхой (Исх. 12:5–11; Ин. 6:54)» [Рубан].

В связи с вышеизложенным неслучайна правка, произведенная в начале XX века комиссией по исправлению богослужебных книг архиепископа Сергия (Страгородского): **ядый** [Триодь цветная 1912: 3 об.]. Ее можно признать потенциальным исправлением данного места пасхального канона.

Оптимальным надо считать и сергиевский вариант **не ккѣсивый** [Триодь цветная 1912: 3 об.] — вместо лексемы **неккѣсивъ**, который, по данным церковнославянского подкорпуса Национального корпуса русского языка, встречается шесть раз в шести источниках [Церковнославянский подкорпус].

Оригинальную греческую единицу **ἀγευτός** можно перевести как «неотведавший, неиспытавший» [Вейсман 2006: 7]. Примечательно, что уже упомянутые переводчики предлагают синонимичную лексему:

непричастный — «не имеющий отношения к чему-нибудь; не принимающий (не принимавший) участия в каком-либо деле» [Чернышев (гл. ред.) 1958: 1106]. Ср. и чтение Н. Нахимова — *чуждый*: «Как Младенец-первенец мужского пола, родившийся от Девы, Он явился Христом; Он называется Агнцем, как **предлагаемый в снесь**, — непорочным, как чуждый осквернения, — нашею Пасхою; а как истинный Бог, Он зовется совершенным» [Нахимов 1912: 108].

Что же касается церковнославянской единицы (**не**)*вкусѣнъ*, она причисляется к церковнославяно-русским паронимам, поэтому и предлагается к исправлению. Ср. *вкусный* — [Седакова 2008: 82] и (*не*)*вкусный* — ‘не имеющий приятного вкуса’ [Чернышев (гл. ред.) 1958: 746]. Другие словари исторического типа предлагают похожие лексико-семантические варианты: **Невкусный** — ‘не вкусивший, не познавший чего-либо’ [Шмелев (гл. ред.) 1986: 48]. Есть, однако, диффузный набор значений: *вкусный* — ‘вкусный, приятный на вкус; вкусивший, познавший’ [Кравецкий, Плетнева (ред.) 2019: 147]; *вкусъ* — ‘вкус, опыт, познание’ [Дьяченко 1899: 81].

Учитывая привычное для современного верующего соотношение кратких и полных форм (см. выше) и механизмы перевода на русский язык оборота «двойной именительный», согласно которым второй именительный заменяется на творительный предикативный [Алипий 1991: 159–160], [Маршева 2017: 59–63], в результате можно получить следующий вариант тропаря:

Мѣжескій оубо полъ, ѿкъ развѣрзый дѣвѣтвеннѣю оутробѣ, гавнѣа хрѣтоу: ѿкъ гадомый же, агнцемъ наречеа: непорочнымъ же, ѿкъ не вкуснѣый скверны, наша пасха, ѿ ѿкъ бѣгъ истиненъ совершеннымъ речеа.

Второй тропарь

ѿкъ єдинолѣтнѣый агнецъ, бл҃гословѣннѣый намъ вѣнѣцъ хрѣтоу, болѣю за всѣхъ заклинъ бысть, пасха чистительнаа, ѿ пакн ѿз грѣба красное правды намъ возвѣа солнце.

Этот тропарь песни 4 пасхального канона преподобный Никодим Святгорец толкует так: «Поскольку в предыдущем тропаре священный певец аллегорически изображает Христа как существо мужского пола, и агнца, и непорочного, и совершенного — как того ягненка, закалываемого на Пасху, то теперь здесь аллегорически изображает того же самого Христа и как однолетнего, то есть годовалого, детеныша овцы, ибо в Законе написано: “Овца единоголетно будет вам” (Исх. 12:5). Заимствуется этот тропарь из слов святителя Григория Богослова: «Поскольку же он называет Христа однолетним (*ἐνιαύσιον*) и по другим причинам, а в особенности — как

благословенный венец благодати — как и Давид говорит: “Благословиши венец лета (ἐνιαύσιος) благодати Твоя” (Пс. 64:12), — и как Солнце правды, исполняющее и завершающее круг добродетелей, то и мудрый Иоанн таким образом составляет песнопение, говоря: “Благословляемый сегодня и прославляемый нами Господь есть венец благой (то есть добрый)”» [Никодим].

Переводы на русский язык в целом совпадают: И. Д. Колоколов — «Христос, благословенный для нас венец, как однолетний агнец, добровольно за всех принес себя в жертву; Он есть Пасха очистительная! Но красное Солнце правды опять воссияло для нас из гроба» [Колоколов 1831: 65]; Н. Нахимов — «Благословенный наш венец, Христос, добровольно подвергся закланию, как однолетний агнец, за всех очистительною Пасхою, и вновь воссиял нам из гроба красным Солнцем правды» [Нахимов 1912: 108]; иеромонах Феофан (Адаменко) — «Благословенный наш венец, Христос, как однолетний Агнец, добровольно подвергся закланию, за всех очистительною Пасхою, и вновь воссиял нам из гроба красным солнцем правды» [Феофан]; а также Е. И. Ловягин — «Благословляемый нами венец — Христос, как однолетний агнец, добровольно заклался за всех в очистительную Пасху, и опять из гроба воссиял нам, (как) прекрасное солнце правды (Пс. 64:12; 1 Кор. 5:7)» [Богослужбные каноны 1855: 54]; Ю. Рубан — «Благословляемый нами венец — Христос, как однолетний Агнец, добровольно подвергся закланию, за всех очистительной Пасхою, и вновь воссиял нам из гроба — прекрасное Солнце Правды (Пс. 64:12; 1 Кор. 5:7)» [Рубан].

Несколько необычно выглядит лишь версия иеромонаха Амвросия (Тимрота): «Как однолетний агнец, для нас — добрый венец, Благословенный добровольно заколот за всех, как Пасха очистительная, и вновь воссиял нам из гроба прекрасным правды Солнцем» [Амвросий].

Сполна осознавая сложность образов, принципиальную их важность для православного богословия и укорененность в богослужбной традиции, но и их неясность для современных верующих, стоит подвергнуть анализу единицу *вѣнецъ*. Разумеется, у нее, а также у *вольно*, *воля* сохранилась сема добровольности, но она не входит в ядро лексических значений лексико-семантических вариантов [Чернышев (гл. ред.) 1951: 642–647]. В связи с этим возможна замена на *добрѣвольнѣ*. Согласно церковнославянскому подкорпусу Национального корпуса русского языка это наречие встречается пять раз в пяти текстах [Церковнославянский подкорпус], в том числе в Священном Писании: *И ѿ князей отчестъвъ, егда вхождаху тѣи въ церковь гдню, ѿже во иерлѣмѣ, добровольнѣ принебоша въ домъ вѣий, погланѣти егѡ на виновѣни егѡ* (1 Езд. 2:68).

Прилагательное *чнѣтѣльнѧ* имеет значение ‘очищающая’ [Дьяченко 1899: 824]. С опорой на указанные переводы можно предложить исправление *ѡчнѣтѣльнѧ*. Этот вариант зафиксирован в Сергиевской Триоди цветной [Триодъ цветная 1912: 3 об.]. См. также церковнославянский подкорпус Национального корпуса русского языка [Церковнославянский подкорпус].

Его же данные, в принципе, свидетельствуют о потенциальной возможности замены *пѧки* на *гнѡба* [Церковнославянский подкорпус]. Ср. также сведения разных словарей [Дьяченко 1899: 403; Шмелев (гл. ред.) 1988: 125–127].

Разумеется, частотное прилагательное *крѧсноѥ* (68 употреблений в 60 текстах, ср. *крѧсный* — 82 и 72, *крѧснаѧ* — 195 и 155 [Церковнославянский подкорпус]) имеет в церковнославянском языке значения, отличные от современных русских: ‘красивый, прекрасный; приятный, сладкозвучный’; ‘красивый, имеющий приятный вид; пригожий, миловидный; изящный, прелестный; вежливый, приветливый; разноцветный, испещренный’ [Седакова 2008: 162; Дьяченко 1899: 268]. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» предлагает семь лексико-семантических вариантов [Филин (гл. ред.) 1981: 19–21]. Есть среди них, конечно, и значение ‘прекрасный’.

Прекрѧсный фиксируется в церковнославянском языке (мужской род — 39 употреблений в 31 тексте, средний — 25 и 21, женский — 37 и 32 [Церковнославянский подкорпус]). Однако, учитывая многовековую традицию бытования *крѧсный* в самых известных и любимых православными верующими песнопениях, в том числе пасхальных, и многосмысловую цветовую символику, исправлять его не стоит. См. *Пѧсха крѧснаѧ, пѧсха, гдѧ пѧсха, пѧсха вѣсечтнѧѧ нѧмѧ возйѧ* [Триодъ цветная 2002: 14].

Итак, выше были проанализированы трудные для понимания современными людьми места из песни 4 пасхального канона на церковнославянском языке и предложены варианты их замены. При этом принципиально важно подчеркнуть: для прояснения богослужебного текста нужны не только лингвистические изыскания. Необходимы знания как самого церковнославянского языка, так и текстов Священного Писания, богословских, святоотеческих трудов, парафразы которых часто встречаются в гимнографии.

Источники

Алипий (Гаманович), иером. Грамматика церковнославянского языка. М.: Паломник, 1991. 271 с.

Амвросий (Тимрот), иером. Светлая Пасхальная заутреня [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/bogoslužhenie/triod_tsvetnaya/zvet00u.shtml (дата обращения: 21.08.2020).

Библия 2003 — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: РБО, 2017. 2196 с.

Богослужебные каноны 1855 — Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках. Книга первая: Каноны на Святую Пасху и Дванадцатые праздники. СПб.: В Синодальной типографии, 1855. 243 с.

Дьяченко Г., прот. Полный церковнославянский словарь. М.: Типография Вильде, 1899. 1120 с.

Колоколов И. Д. Канон преп. Иоанна Дамаскина на Пасху // Христианское чтение. 1831. II. С. 63–69.

Нахимов Н. Молитвы и пѣснопѣнія православнаго молитвослова (для мірянъ), съ переводомъ на русскій языкъ, объясненіями и примѣчаніями. СПб.: Синодальная типография, 1912. 355 с.

Никодим — Никодим Святогорец, прп. Толкование на канон Пасхи [Электронное издание]. URL: https://azbyka.ru/oteknik/Nikodim_Svjatogorets/tolkovanie-na-kanon-paskhi/ (дата обращения: 21.08.2020).

Рубан Ю. Канон на Пасху святого Иоанна Дамаскина [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/days/p-pasha-istorija-bogosluzhenie-tradicii#n22> (дата обращения: 21.08.2020).

Триодь цветная 1912 — Триодь цветная. М.: Московская Синодальная типография, 1912. 546 с.

Триодь цветная 2002 — Триодь цветная. М.: Издательский совет РПЦ, 2002. 160 с.

Феофан (Адаменко), иером. Сборник суточных церковных служб, песнопений главнейших праздников и частных молитвословий Православной Церкви [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/oteknik/Feofan_Adamenko/sbornik-sutochnykh-tserkovnykh-sluzhb/4_9 (дата обращения: 21.08.2020).

Церковнославянский подкорпус — Церковнославянский подкорпус Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-orthlib.html> (дата обращения: 21.08.2020).

Пάσχα — Τη ἀγία καὶ μεγάλη κυριακὴ τοῦ Πάσχα [Электронный ресурс]. URL: <http://glt.goarch.org/texts/Pen/Pascha.html> (дата обращения: 25.01.2021).

Литература

Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2006. 1370 с.

Желтов М., свящ. Канон // Православная энциклопедия. Т. 30. М.: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви, 2012. С. 204–212.

- Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. (ред.). Большой словарь церковнославянского языка нового времени. Т. 2. М.: Родное слово, 2019. 544 с.
- Лаут Э., свящ. Иоанн Дамаскин // Православная энциклопедия. Т. 24. М.: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви, 2011. С. 27–66.
- Маршева Л. И. Из истории русского синтаксиса: обороты с двойными падежами. Русский язык в школе. 2017. № 4. С. 59–63.
- Седакова О. А. Словарь трудных слов из богослужения: церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008. 432 с.
- Скабалланович М. Н. Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2008. 816 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М.: Наука, 1981. 351 с.
- Флоровский Г., прот. Византийские Отцы V–VIII веков. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2006. 640 с.
- Чернышев В. И. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка. Т. 2. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, Наука, 1951. 1394 стлб.; Т. 7. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, Наука, 1958. 1468 стлб.
- Шмелев Д. Н. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11. М.: Наука, 1986. 456 с.; Вып. 14. М.: Наука, 1988. 311 с.

References

- Chernyshev V. I. (ch. ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. Vol. 2. Moscow–Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1951. 1394 clmn.; Vol. 7. Moscow–Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958. 1468 clmn.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of 11th–17th centuries]. Issue 8. Moscow, Nauka Publ., 1981. 351 p.
- Florovskii G., prot. *Vizantiiskie Ottsy V–VIII vekov* [Byzantine Fathers of the V–VIII centuries]. Minsk, Publ. House of the Belarusian Exarchate, 2006. 640 p.
- Kravetskii A. G., Pletneva A. A. (eds.). *Bol'shoi slovar' tserkovnoslavyanskogo yazyka novogo vremeni* [Large dictionary of the Church Slavonic language of modern times]. Vol. 2. Moscow, Rodnoe Slovo Publ., 2019. 544 p.
- Laut E., priest. [John Damascene]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Vol. 24. Moscow, Church Scientific Center of the Russian Orthodox Church Publ., 2011, pp. 27–66. (In Russ.)
- Marsheva L. I. [From the history of Russian syntax: phrases with double cases]. *Russkii yazyk v shkole*. 2017, no. 4, pp. 59–63. (In Russ.)
- Sedakova O. A. *Slovar' trudnykh slov iz bogosluzheniya: tserkovnoslavyano-russkie paronimy* [Dictionary of difficult words from worship: Church Slavonic-Russian paronyms]. Moscow, Greco-Latin cabinet of Yu. A. Shichalin Publ., 2008. 432 p.

- Shmelev D. N. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of 11th–17th centuries]. Issue 11. Moscow, Nauka, 1986. 456 p.; Issue 14. Moscow, Nauka Publ., 1988. 311 p.
- Skaballanovich M. N. *Tolkovyi Tipikon. Ob"yasnitel'noe izlozhenie Tipikona s istoricheskim vvedeniem* [An Explanatory Typicon. Explanatory statement of the Typicon with a historical introduction]. Moscow, Sretensky Monastery Publ., 2008. 816 p.
- Veisman A. D. *Grechesko-russkii slovar'* [Greek-Russian dictionary]. Moscow, Greco-Latin cabinet of Yu. A. Shichalin Publ., 2006. 1370 p.
- Zheltoy M., priest. [Canon]. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Vol. 30. Moscow, Church Scientific Center of the Russian Orthodox Church Publ., 2012, pp. 204–212. (In Russ.)

Из истории русского языка

Иностранцы в России: судьбы славянских переводных стихир

Мария Анатольевна Пузина, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
maria-malygina@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170014712-2

АННОТАЦИЯ: В статье на примере нескольких стихир рассматриваются ошибки, появившиеся в гимнографических текстах в процессе перевода с греческого языка на славянский или возникшие в процессе бытования текстов на славянской почве. Прослеживаются изменения, происходившие со стихирами на протяжении XI–XXI вв. В заключении делается вывод о том, что а) некоторые стихирь к XXI в. были доведены до полного соответствия греческому оригиналу, с которого был сделан первоначальный перевод; б) в других остались (или даже появились) отдельные неточности, которые не соответствуют исходному греческому тексту, отсутствуют в древнейших списках и заимствованы из поздних рукописей XVII в., — при этом подобные изменения лишь незначительно влияют на смысл стихирь; в) и наконец, некоторые современные, отредактированные и активно используемые во время богослужения гимны иногда дальше отстоят от греческого оригинала, чем древнейшие переводы, при этом смысл текста значительно искажается.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: славянская переводная гимнография, стихирь, гимнографические рукописи XII–XVII вв., «зеленые» минеи

для цитирования: Пузина М. А. Иностранцы в России: судьбы славянских переводных стихир // Русская речь. 2021. № 2. С. 83–99. DOI: 10.31857/S013161170014712-2.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00113 «Лингвистическое исследование и критическое издание древнерусских церковно-книжных памятников домонгольского периода».

From the History of the Russian Language

Foreigners in Russia: the Fate of the Slavic Translated Stichera

---

Maria A. Puzina, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), maria-malygina@yandex.ru

ABSTRACT: The article examines several stichera to find errors that appeared in hymnographic texts as a result of translation from Greek into Slavic or those that arose during the existence of texts on Slavic soil. The article traces the changes that appeared in the stichera during the 11th — 21st centuries. It is concluded that a) some stichera were brought to full compliance with the Greek original by the 21st century; b) others contain some inaccuracies that do not correspond to the original Greek text, are absent in the most ancient lists and were borrowed from late 17th century manuscripts, even though the inaccuracies only slightly affect the meaning of the stichera; c) and, finally, some modern, edited hymns actively used in the liturgical services hymns, which sometimes are farther from the Greek original than most ancient translations, where the meaning of the text is significantly distorted.

KEYWORDS: Slavic translated hymnography, stichera, hymnographic manuscripts of the 12th — 17th centuries, “Green” Menaia

FOR CITATION: Puzina M. A. Foreigners in Russia: the Fate of the Slavic Translated Stichera. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 2. Pp. 83–99. DOI: 10.31857/S013161170014712-2.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by the RFBR grant No. 19-012-00113 “Linguistic study and critical edition of Old Russian ecclesiastical writing monuments of the pre-Mongol period”.

В давно ставшем хрестоматийным предисловии к изданию служебных миней¹ на сентябрь–ноябрь В. Ягич писал: «Славянские переводчики... старались перевести минеи, как богослужебные книги, с буквальной передачей греческих слов славянскими, не заботясь при этом нисколько о смысле подлинного текста и не задаваясь восстановлением его в переводе» [Ягич 1886: LXXVIII]. В вину первым переводчикам Ягич ставил дословное согласование перевода с подлинником без оглядки на славянский синтаксис и правильное согласование всех частей предложения, ошибки при передаче отдельных слов, а также ошибки, которые вкрадывались в текст в процессе переписывания рукописей на славянской территории. Такие случаи, в отличие от ошибок перевода, называются ошибками, появившимися в процессе бытования. Тем не менее в большинстве случаев тексты гимнографических произведений, представленные в древнейших сохранившихся рукописях, доступны для понимания и грамматически связаны.

За свою историю славянские гимнографические тексты не раз подвергались редактированию.

Древнейший перевод миней был сделан в Болгарии на рубеже IX–X вв. На рубеже X–XI вв. складывается позднедревнеболгарская полная служебная минея, которая легла в основу древнерусских служебных миней, отредактированных в течение XI в. [Кривко 2015: 5–7]. В XIII–XIV вв. в Болгарии начинается последовательное исправление богослужебных книг, вызванное переходом богослужения православных церквей со Студийско-Алексиевского на Иерусалимский устав и потребностью в упорядочении церковнославянского языка. Начатая в общеславянских центрах книжности на Афоне книжная справа была продолжена болгарским патриархом Евфимием Тырновским, в связи с чем получила название афонско-тырновской. Для нее были свойственны выраженные тенденции к архаизации, грецизации и актуализации [Кузьминова, Пентковская 2016: 12–13]. Правленные книги пришли на Русь в ходе второго южнославянского влияния² в конце XIV — первой половине XV в. и спровоцировали продолжение (уже на Руси) процесса редактирования богослужебных книг, начавшегося на Балканах.

¹ Минея — богослужебная книга, содержащая песнопения различных жанров, расположенные по календарному принципу.

² Вторым южнославянским влиянием принято называть совокупность изменений, произошедших в русской культуре и (особенно) письменности под значительным воздействием южнославянской (в основном — болгарской) традиции в конце XIV–XV вв. Первым южнославянским влиянием считается усвоение на Руси через болгарское посредство христианской культуры и книжности после принятия христианства в 988 г.

В связи с появлением в Московской Руси книгопечатания активизировалась деятельность справщиков. В обязанности справщиков входил контроль над правильностью языка и текста и подготовка книг к изданию. Первое печатное издание служебных миней было подготовлено в Москве, при патриархе Гермогене. Сентябрьская минея была выпущена в 1607 г. Поводом для редактирования «послужило то, что “от многих лет книги сия, егда от греческаго языка на словенский преложены быша” подверглись порче от переводчиков и переписчиков, вследствие чего появились изводы весьма неудовлетворительные, в которых многое было изречено, смешано и погрешено» [Мансветов 1884]. При этом, как отмечает И. Д. Мансветов, неизвестно, какими источниками пользовались сверщики и на каких принципах основывалось редактирование. «Видно только, что исправители не имели под руками греческих списков, а обходились одними славянскими. Второе, третье и следующие издания, кончая после-никоновским 1666–1667 года, были ведены на тех же условиях» [Мансветов 1884].

Масштабное редактирование миней, основывающееся на десятках греческих и славянских источниках, было проведено при патриархе Иоакиме. Работа по редактированию миней вела специальная комиссия справщиков, которая работала в 1683–1687 гг. «Главным направлением филологической стороны sprawy стал новый перевод богослужебных текстов с современных греческих (с применением новейших переводческих принципов и лексикологии) и применение грамматических правил, выработанных в грамматике Мелетия Смотрицкого к богослужебным текстам» [Крылов 2009]. При этом справщики не ставили перед собой задачи сделать текст более вразумительным. Рукописные корректурные материалы после своего написания правились трижды (в три этапа). Третий этап не был завершен, «недоправленные минеи попадают в печать и до настоящего времени так и продолжают оставаться недоправленными, поскольку с конца XVII в. произведенная справа больше не завершалась и не упорядочивалась» [Крылов 2009]. Первое издание правленных новообрядческих миней появилось в 1690–1691 гг.

В начале XX в. была создана Комиссия по исправлению богослужебных книг (1907–1917 гг.) под председательством архиеп. Сергия (Страгородского)^{3,4}. Для редактирования привлекался ряд изданий греческих гимнографических сборников, церковнославянские рукописи XV–XVI вв., а также печатные издания XVI и XVII вв. В процессе работы

³ По имени председателя Комиссия обычно называется Сергиевской.

⁴ История вопроса, приводимая здесь, представляет собой краткое изложение одного из разделов книги [Кравецкий, Плетнева 2001].

возникла необходимость в сопоставлении славянского текста с древними греческими рукописями, а не изданиями XVI–XX вв. Сверкой занимался постоянный член Комиссии, справщик Санкт-Петербургской синодальной типографии Н. Ф. Чуриловский, который отмечал: «Пришлось лишний раз убедиться, что наш славянский богослужебный текст образовался не случайно и даже не в никоновское время, а пришел к нам из глубины веков. <...> Всего менее при исправлении его наша Комиссия может доверяться греческим печатным изданиям; теперь уже всем известно, что все эти издания в свое время были обработаны и отпечатаны для “грекосов” разными католическими монастырями. <...> Оказалось, что во всех случаях, за исключением одного <...> наш славянский текст находит для себя подтверждение в греческих харатейных списках. При этом замечательно, что чем древнее греческий текст, тем ближе он подходит к нашему славянскому тексту...» (цитируется по [Кравецкий, Плетнева 2001: 117]). В предложенном Комиссией списке исправлений отмечался и ряд чтений, которые «в старинных книгах (т. е. в дониконовской редакции. — М. П.) лучше», более понятны и близки русскому языку [Кравецкий, Плетнева 2001: 120].

Как пишет в посвященной выходу в свет 24-томного издания служебной минеи статье «Тысячелетнее мгновение» Л. П. Медведева, «сегодня в богослужебном употреблении Русской Православной Церкви, кроме сохранившихся кое-где старых, дореволюционных книг, бытуют шесть сравнительно новых изданий. Это две минеи с текстами в церковнославянской графике, репринтно воспроизводящие старые 12-томные издания: минеи большого формата, иногда именуемые «царскими» (1994–1995), за основу которых взяты минеи конца XIX века, разных лет выпуска, напечатанные Синодальной типографией частью в Москве, частью в Петербурге (те, что удалось найти их издателям), а также минеи «кабинетные» (1996–1997), переснятые с минеи конца XIX века киевской печати, с некоторыми вновь набранными дополнениями.

В гражданской графике минеи представлены даже четыре издания, однако основу их составляет одно — 24-томное издание, выпущенное Издательским Отделом Московского Патриархата в 1978–1989 годах, — так называемые «зеленые» минеи, получившие свое обиходное наименование по цвету переплета. Три других издания гражданской печати: минеи «коричневые» (тоже по цвету переплета), выпущенные в 1996 году Международным издательским центром православной литературы, а также минеи «зеленые», дважды, в 2002–2003 и в 2007–2008 годах, переизданные Издательским Советом Русской Православной Церкви, тоже в зеленых переплетах, — это всего лишь перепечатки, хотя и несколько дополненные, издания 70–80-х годов XX века» [Медведева].

Круг источников, на которые опирались составители «зеленых» миней, весьма внушителен. В него входят как печатные, так и рукописные книги, в том числе издания древних литургических памятников (в частности, издание служебных миней на сентябрь–ноябрь XI в. [Ягич 1886], старопечатные богослужебные книги и дореволюционные служебные минеи) [Кравецкий, Плетнева 2001: 271–272]. Тем не менее, «насколько можно судить по подготовительным материалам к этому изданию, текст служб, которые входили в состав дореволюционных миней, правке не подвергался» [Кравецкий, Плетнева 2001: 270].

Такова вкратце история гимнографических текстов на Руси и в России.

Для понимания того, что происходило с гимнографическими текстами после их появления на славянской территории, насколько хорошо был сделан первоначальный перевод с греческого языка на славянский и изменилось ли что-то в этом отношении за прошедшие со времени перевода миней одиннадцать столетий, рассмотрим несколько примеров. В качестве иллюстрации остановимся на тех случаях, когда славянский текст в результате ошибок перевода или бытования отходит от греческого оригинала.

Первый пример — стихира⁵ на 21 ноября, Введение во Храм Пресвятой Богородицы. В течение всего периода бытования славянской стихир в ней появлялись и исчезали отдельные недочеты, не связанные с переводом, которые затем были окончательно устранены (результат можно видеть в «зеленых» минеях).

Χαίρει ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ, τὸν οὐρανὸν τὸν νοητὸν πορευόμενον ὀρῶντες εἰς θεῖον οἶκον ἀνατραφῆναι σεπτῶς, τὴν Παρθένον μόνην καὶ ἀμόμητον, πρὸς ἣν ἐκκληττόμενος Ζαχαρίας ἐβόησε, Πύλη Κυρίου, τοῦ Ναοῦ ὑπανοίγω σοὶ πύλας, χαίρουσα, ἐν αὐτῷ περιχόρευε· ἔγνω γὰρ καὶ πεπίστευκα, ὡς ἦδη ἡ λύτρωσις ἐπιδημήσει προδήλως τοῦ Ἰσραὴλ καὶ τεχθήσεται ἐκ σοῦ Θεὸς Λόγος ὁ δωρούμενος τῷ κόσμῳ τὸ μέγα ἔλεος [MR II: 221]⁶.

‘Радуйся, небо и земля, видя небо умопостигаемое, идущее в божественный дом, [чтобы] быть воспитанной благоговейно, Деву единственную и непорочную, которой, придя в смятение, Захария возопил: «Дверь Господня, я открываю тебе двери храма. Радуюсь, в нем ликуй (досл.: пляши кругом). Я узнал и поверил, что уже избавление придет явно Израилу и родится из тебя Бог Слово, дарующий миру великую милость»’.

⁵ Стихира — краткое богослужебное песнопение, отражающее и осмысляющее суть того или иного церковного праздника.

⁶ Голубым цветом в греческом тексте отмечены слова, которые далее будут обсуждаться в связи со славянским переводом. В славянском тексте красным отмечены ошибочные чтения, зеленым — правильные чтения, желтым — возможные, но неудачные переводы.

Текст стихиры по славянским рукописям XI–XVII вв.
и «зеленым» минеям⁷

Мин. ноябрь 1097 г., 1196	Син589 53v, XII в.	НБКМ 122 83v, 1435 г.	РГБ 503 272r–v, XVII в.	«Зеленые» минеи
<p>Радоуѣса ꙗво и земли . ꙗва оумьнаго градѣщааго зрьща въ домѣ ба . въспитатиса ѣсто . двоюю единою непорочною .</p>	<p>Радоуѣса ꙗво и земли . ꙗва оумьнааго градѣщааго зрьщи въ домѣ бога . въспитатиса ѣсто . дѣвою единою непорочною .</p>	<p>Раѣѣтсе ꙗво и земля . ꙗво разоумноѣ гредѣуще . зрещы . въ кжѣтвѣнны домѣ . въспитатисе ѣтно . дѣоу единою и непорочною .</p>	<p>Раѣѣтса ꙗво и земля . ꙗво разѣмноѣ градѣще . зрьще въ бжѣтвѣнн до^ш , въспитати^ѣ ѣтно . дѣс единѣ и непорочнѣю .</p>	<p><i>Рáдуѣя, Нѣбо и землѣя, Нѣбо Умноѣ грядѣще зряще, в Божѣст-венный дом воспитатиса чѣсто, Дѣву еди́ну и непорочную,</i></p>
<p>къ неиже дивѣса възъпи захарѣа двѣрь ꙗна цркви ѡвѣрзающи двѣри радѣюще сѣ . въ неи обликѡваи .</p>	<p>къ неиже дивѣса възъпи захарѣа . двѣри господѣна . цркви ѡтѣвѣрзающи двѣри . дѣво радѣюще сѣ . въ неи обликѡваа .</p>	<p>къ неиже дивѣсе захарѣа въпиаше . двѣри ꙗна . цркви^{ноуѣ} ѡвѣрзѣ . дѣр радѣюще сѣ въ неиже ликѣствоуи .</p>	<p>къ неи^ж дивѣса захарѣа въпиаше . двѣри ꙗна цркви^{на} ѡвѣрзи двѣри . раѣѣтса в неи и ликѣствѣи .</p>	<p><i>к Нѣйже, дивѣяся, Захарѣя вопиаше: Двѣре Господня, храма отверзѣю Тебѣ двѣри, радѣющися, в нем ликѡвствѣуй,</i></p>
<p>разоумѣхомѣ бо и вѣроу тахомѣ тако оуже избавление придѣтъ тавѣ излю и родитсѣ ис тебе бѣ слово подаваи мирови велию млѣть</p>	<p>разоумѣхомѣ бо . и вѣроу тахомѣ . такоже оуже избавление придѣтъ . тавѣ изглаголю и родитсѣ ис тебе богѣ слово . подаван мирови велию млѣсть .</p>	<p>разоумѣ бо и вѣровахѣ . тако юже избавление придѣ тавѣ ственно . ѣслю . и родитсѣ бѣ слово . даю мирови велию млѣть .</p>	<p>разѣмѣ бо и вѣрова , тако же избавление придѣ тавѣ ственно излю . и родитсѣ ис тебе бѣ слово . дарѣан мирови велию млѣть</p>	<p><i>познах бо и вѣровах, яко уже избавлѣние приидет проявлѣнно Израилѣво и родитсѣ из Тебѣ Бог Слово, даруяи мирови велию млѣсть.</i></p>

⁷ В верхней строке таблицы указываются следующие данные: ссылка на рукопись (полное описание см. в библиографии), лист (лицевая сторона — r, или оборотная — v), дата рукописи. Источники по столбцам расположены в восходящем хронологическом порядке, от более древних к более поздним, в последнем столбце дается текст по «зеленым» минеям.

В целом ошибки двух древнейших списков (Ноябрьской минеи 1097 г. и стихираря XII в.) практически совпадают. Более поздний стихирарь XII в. добавляет к уже имеющимся недочетам минеи ошибки раскрытия титл⁸, описки и переосмысления. Все недочеты появились, очевидно, не при переводе, а при последующем переписывании. Так, причастие **зѣрѣща** в Ноябрьской минее явно переосмыслено как относящееся к **нѣба**, а форма **зѣрѣщи** (И. п. ед. ч. ж. р.) в стихираре была, по всей вероятности, соотнесена только с сущ. **зѣмля**. Наречие **чисто** в стихираре возникло в результате неверного раскрытия титла (ср. в минее 1097 г. **Ѹсто**; в греч. **σελτῶς *Ѹстъно**⁹). Форма **дѣвою** в стихираре появилась в результате пропуска второй части диграфа¹⁰ **оу** (**дѣвою** вместо **дѣвоюю**). В Ноябрьской минее ошибочно употреблена форма именит. падежа **двѣрь** (ср.: в стихираре корректная звательная форма¹¹ **двѣри**); **отѣвѣрзающи**: в греч. 1 л. ед. ч. наст. вр. **ὀπιανοίωω *отѣвѣрзаю**, далее **σοι** 'тебе' — можно предположить неверное прочтение **отѣвѣрзающи** < **отѣвѣрзаю** **ти**. Появляющееся дальше в стихираре **дѣво** добавлено переписчиком ошибочно и не подтверждается греческим оригиналом. Затем в Ноябрьской минее идет абсолютно верная и соответствующая греческому глаг. во 2 л. ед. ч. пов. накл. **περιχόρευε** форма **овликоваи** (калька греческого **περι** 'об' — **χόρευε** 'ликуй'), которая в стихираре заменена на причастие **овликоваа**. Следом в обеих рукописях отмечены глаголы в 1 л. мн. ч. аориста **разоумѣхомъ** и **вѣроу тахомъ** 'мы поняли' и 'мы поверили', которым в греческом тексте соответствуют аналогичные формы, только в единственном числе **ἔγνων** и **πεπίστευκα** 'я понял' и 'я поверил'. И наконец, в стихираре обнаруживается бессмысленное в данном контексте **изглаголю** 'я выскажу', представляющее собой ошибочное раскрытие титла: **изѣлю** 'Израилю' (**τοῦ Ἰσραήλ**), отмеченное в такой форме и в Ноябрьской минее, смешано с **изглю**.

Более поздние списки демонстрируют снижение числа ошибок, а «зеленые» минеи и вовсе дают правильный перевод.

В следующей стихире — на день памяти свт. Николая Чудотворца (6 декабря) — ошибок тоже немного. Однако значимо, что «зеленые» минеи,

⁸ Титло — надстрочный знак в виде волнистой или зигзагообразной линии (Ϟ), использующийся для сокращения слов и обозначения числовых значений.

⁹ Знаком (*) в науке принято обозначать гипотетическую, реконструированную форму.

¹⁰ Диграф — письменный знак, состоящий из двух букв и обозначающий при этом один звук.

¹¹ Специальная звательная форма употреблялась в старославянском и древнерусском языках при обращении. В настоящее время она сохраняется в современном церковнославянском языке, а также ряде славянских языков (украинском, белорусском, болгарском, сербском и т. д.). В современном русском литературном языке следы звательной формы сохранились в словах *боже, господи*, а также в классической литературе (например, «Чего тебе надобно, старче?»).

воспроизводя издания XIX в., очевидно, следуют за поздней рукописной традицией, которая не всегда соответствует греческому тексту.

Πάτερ Νικόλαε, τοῦ παναγίου Πνεύματος μυροθήκη ὑπάρχων ὡς ἔαρ μυρίζεις¹² εὐφρόσυνον τῶν θείων ἀρωμάτων Χριστοῦ τῶν Ἀποστόλων γάρ μιμητῆς γενόμενος τὴν οἰκουμένην περιπολεύεις διὰ τῶν λόγων τῶν θαυμάτων σου. Ὅθεν καὶ τοῖς πόρρω ὡς ἐγγύς δι' ὄνειρων ὀπτανόμενος ἐκ θανάτου λυτροῦσαι τοὺς ἀδίκῳ ψήφῳ θήσκεις μέλλοντας, διασφύζων παραδόξως ἐκ κινδύνων πολλῶν τοὺς ἐπικαλουμένους σε. Διὸ καὶ ἡμᾶς τῶν ἐπεμβαίνόντων δυσχερῶν ἐλευθέρωσον σαῖς πρεσβείαις τοὺς αἰεὶ ἀνευφημοῦντάς σε [MR II: 390].

‘Отец Николай, ты, являясь источающим миро вместилищем Святого Духа, как весна радостная, благоухаешь Божественными ароматами Христа. Ибо, будучи подражателем апостолов, ты обходишь вселенную с помощью слов о твоих чудесах. Вот почему и тем, которые вдали, как вблизи, в сновидении являясь, от смерти избавляешь обреченных умереть вследствие несправедного суда, спасая удивительно от многих бед призывающих тебя. Поэтому и нас от наступающих зол освободи твоими молитвами, всегда прославляющих тебя’.

Текст стихиры по славянским рукописям XII–XVII вв. и «зеленым» минеям

Син279 73r, XII в.	РГБ 514 44r, 1628 г.	«Зеленые» минеи
ОТЬУЕ НИКОЛАИЕ ПРЕСВѢТАГО ДУХА МИРОУ ВЪЛАГАЛИЩЕ СЫ	ЃУЕ НИКОЛАЕ, ПРЕСТАГО ДѢХА МИРОПОЛОЖНИЦА СЫИ,	Отче Николае, Пресвятáго дýха мирополо́жница сый,
ЯКО ВЪ МИРОУХЪ ВЛАГОУХАЕШИ • БОЖЕСТВЕННЫХЪ ВОНИ ХРИСТОВЪ •	ЯКО В МИРОУХЪ БЛГОУХАЕШИ ВЖИТВЕННЫМИ АРОМАТЫ.	яко в Мирех благоухáеши Божéственными аромáты:
АПОСТОЛОМЪ БО РЪВЪНИТЕЛЬ БЫВЪ •	ХВЪЛИМЪ БО АПТЛОМЪ ПОДОВНИКЪ БЫВЪ.	Христóвымъ бо апóстоломъ подóбникъ быв,
ВСЕЛЕНΟΥЮ ПРЕХОДИШИ • СЛОВЕСЪ РАДИ • ЧУДЕСЪ ТВОИХЪ •	ВСЕЛЕННЮ ВЕХОДИШИ СЛОВЕСЪ ЧУДЕСЪ СВОИХЪ.	вселéнную обхóдиши словесы чудéс твои́х.

¹² Согласно славянской рукописной традиции, здесь следует предположить наличие разночтения в послужившем основой славянского перевода греческом тексте.

Син279 73г, XII в.	РГБ 514 44г, 1628 г.	«Зеленые» минеи
тѣмъ и дальнимъ • яко близъ сынъ ради явлѣмъ •	тѣмже и дальнѣмъ яко близъ. во снѣ явлѣмъ	<i>Тѣмже и дальним, яко близ, во снѣ являясь,</i>
отъ смѣрти избавляеши • неправдымъ судъмъ оумрѣти хотѣша	ѿ смерти избавляеши, иже неправдымъ мечемъ оумрети хотѣша.	<i>от смѣрти избавляеши, иже неправдымъ судомъ умрѣти имѣюща,</i>
спасаяши • прѣславно отъ бѣдъ многыихъ • призывающимъ тѣ •	спасаа прѣславно ѿ бѣдъ многъ призывающѣ тѣ.	<i>спасая прѣславно от бед многых призывающа тѣ.</i>
тѣмъ • и насъ • находящихъ набавленіи свободѣ • твоими молитвами присно хвалѣша тѣ •	тѣмже и насъ ѿ находящѣхъ люте свободѣ. твоими мѣтвами.	<i>Тѣмже, и нас, от находящихъ лютыхъ свободѣ твоими молѣтвами, присно восхваляющихъ тѣ.</i>

Стихира XII в. переведена относительно качественно. Основными недочетами можно назвать кальки с греческого словесъ ради и сынъ ради, а также противоречащее славянскому синтаксису воспроизведение Р. п. греческого оригинала в конструкции **вожъствъныихъ вонъ христовъ**. Остальные ошибки появились при переписывании. К XVII в. эти недочеты были устранены. Зато в минее 1628 г. (списана с печатной минеи, изданной 15 октября 1620 г. на Московском Печатном дворе печатником Иосифом Кирилловым) появляется разночтение **мечемъ**, которое подтверждает версию о том, что рукопись или ее протограф¹⁵ сверялись с греческим текстом, в котором либо было разночтение ξίφος, либо ψίφος было воспринято как соответствующий пароним¹⁴. Также редакторская правка очевидна в начале стихиры: **Отъче николѣе прѣсвѣтаго доуха мѣроу вѣла- галище сѣ** яко въ мѣрѣхъ благоухаеши • **вожъствъныихъ вонъ христовъ** — **Ѹче николѣе, прѣсѣтаго дѣха мироположница сѣи, яко в мѣрѣхъ блгоухаеши вжѣтвенными драматты**. Кроме того, прил. **христовъ**, в греческой стихире

¹⁵ Протограф — рукопись, которая легла в основу более поздних списков.

¹⁴ Паронимы — слова, сходные по звучанию, но различающиеся по значению. В греческом языке византийского периода ряд прежде различавшихся букв начал читаться одинаково. В частности, в этот период ι и η произносились как [и], что нередко отражалось на письме в виде смешения соответствующих букв.

и стихираре XII в. относящееся к *ароматам*, в XVII в. переносится и согласуется с *апостолами*. Эти изменения попадают и в «зеленые» минеи.

Несомненно, что греческий текст подвергался изменениям точно так же, как и славянский. Оригинал, которыми пользовались книжники, делавшие первые переводы, мы не знаем. Тем не менее переводные славянские рукописи могут служить источником по истории византийской гимнографии и даже восполнять имеющиеся в ней лакуны (см., например, [Кривко 2013]). Древнейший славянский перевод, представленный в стихираре XII в., в данном случае точно соответствует римскому изданию греческих миней XIX в., что не дает оснований сомневаться в том, что он совпадает с оригиналом, легшим в основу первоначального перевода. Можно предположить, что справщики XVII в. (или редакторы более ранних рукописей, из которых был заимствован текст) имели перед глазами уже совсем другую редакцию греческих миней. Исходя из опыта работы с греческими средневековыми рукописями, мы знаем, что разночтения в них встречались, причем достаточно часто, однако, как правило, были ограничены метрикой стиха. Формально форму Р. п. ед. ч. сущ. Χριστοῦ ‘Христа’ можно было бы отнести как к τῶν... ἀρωμάτων ‘ароматов’, так и к τῶν Ἀποστόλων ‘апостолов’, если предположить, что точка в греческой рукописи отсутствовала. Однако, согласно закону Я. Ваккернагеля, объясняющему ритмико-синтаксические правила расположения слов в простом предложении, действовавшие в индоевропейском праязыке и древних индоевропейских языках, безударные, а также слабоударные частицы (энклитики) примыкали к сильноударным словам и занимали второе место в предложении. В нашем случае такой слабоударной частицей является ῥάρ (славянское во), которая закономерно находится после первого ударного слова в предложении τῶν Ἀποστόλων. Стихира XII в. воспроизводит эту конструкцию: апосто́ломъ во. В минее 1628 г. и в «зеленых» минеях, однако, мы видим, что энклитика изменяет свое местоположение: хъвѣмъ во. Причиной этого является, на наш взгляд, не разночтение в греческом тексте, а правка Р. п. вожъствѣнъи хъ вонъ христовъ на Т. п. вжѣтвѣнъи ами драматъ хъвѣми. При переписывании форма была исправлена на хъвѣмъ и переосмыслена как относящаяся к апостолам (вероятно, за счет частотности сочетания *Христов(ы) апостол(ы)*), в связи с чем переместилась и энклитика во.

Еще одна, казалось бы, незначительная, но все же ошибка, заимствованная из поздних списков, отмечена в «зеленых» минеях в стихире прп. Симеону 1 сентября. Греч. φωστῆρ ἀκοίμητε τῆς οἰκουμένης переведено как *свѣтѣльнице неусѣпный вселѣнный* (ср. то же в минее РГБ, ф. 301.I 476 6v — 7r XVII в.), притом что в стихираре БАН 34.7.6 XII в. дано верное

свѣтило неουγασαη въселенѣи (м. р. неουγασαη воспроизводит форму греческого прилагательного). У прил. ἀκοίμητος есть оба значения: и ‘не знающий отдыха, бодрствующий’, и ‘неугасимый’. Но в сочетании с сущ. свѣтило или свѣтильникъ, несомненно, больше подходит второе.

И наконец, стихира в Неделю св. праотец.

Τῶν νομικῶν διδαγμάτων ὁ σύλλογος τὴν ἐν σαρκὶ ἐμφανίζει τοῦ Χριστοῦ θεΐαν Γέννησιν τοῖς πρὸ τοῦ νόμου τὴν Χάριν εὐαγγελιζομένοις ὡς ὑπὲρ νόμον τῇ πίστει ὑπάρξασιν· ὅθεν τῆς φθορᾶς ἀπαλλαγῆς οὐσαν πρόξενον ταῖς ἐν ᾗδῃ κατεχομέναις ψυχαῖς προεκήρυττον διὰ τῆς ἀναστάσεως. Κύριε, δόξα σοι [MR II: 538].

‘Свод основанных на законе наставлений открывает плотское (во плоти) Христово Божественное Рождество благовествующим Благодать прежде закона как бывшим выше закона благодаря вере. Вследствие чего они удерживаемым в аду душам проповедовали ходатайство об освобождении от тления благодаря воскресению’.

Текст стихиры по славянским рукописям XI–XVII вв. и «зеленым» минеям

Соф384 4v, XII в.	Тип95 195v, 1-я четв. XV в.	РГБ 514 207r–v, 1628 г.	«Зеленые» минеи
Законнѣишѣ оуцении сѣворъ ·	Законнѣишѣ повелѣнїе и бесловесїе	Законнѣишѣ оуцении сословіе ,	Законных учений сословіе
еже въ плѣти явлѣтъся · христово божественное рождество ·	еже во плоти явлѣтъ вжѣтвеное хѣво ржѣтво.	плотское явлѣтъ хѣво вжѣтвеное рождение.	во плоти являет Христово Божественное Рождество,
иже прѣже закона благодать благовѣстоующинагъ ·	иже преже закона блѣтъ благовѣстовавшагъ .	иже преже закона блѣтъ благвѣстѣющихъ ,	прежде закона благодать блавест- вующия ,
такъ пауче закона вѣрою бывѣшнинагъ ·	такъ пауче закона вѣрою бывшагъ .	такъ пауче закона во вѣрѣ сущагъ .	яко пауче закона в вѣре сущия ;
тѣмъ тѣлѣниа измѣненїе · бывѣшее ходатаиство ·	тѣмъ тѣлѣнию измѣненїю сущее · ходатаиство ^м .	тѣмже тѣлѣниа измѣненїю сущее ходатаиственъ ,	тѣмже, тлѣния изменѣнию сущу ходатаи- ственно ,

Соф384 4v, XII в.	Тип95 195v, 1-я четв. XV в.	РГБ 514 207r–v, 1628 г.	«Зеленые» минеи
вѣ адѣ дѣржимыиъ доушамъ · проповѣдаша · въскрѣсениа ради	иже во адѣ держимыиъ дѣша проповѣдаша. воскрѣсениа ра ^а	иже во адѣ держимыиъ дѣшамъ проповѣдашъ, воскрѣниа ради.	во аде держимымъ душамъ предпроповѣдашу воскресения ради:
господи слава тебе·:	г ^и слава те ^а ·:	г ^и слава тебѣ.	Господи, слава Тебѣ.

Из древнейших гимнографических рукописей стихира присутствует в трех стихирарях XII в.: Син279 86r, Q 99r, Соф384 4v. Разночтения между списками минимальны. Здесь мы приводим текст по датированной рукописи Соф384.

Судя по всему, перевод был сделан корректно. Ошибки древнейших сохранившихся списков появились явно в процессе бытования. К ним относится возвратный глагол *являеться* вместо *являеть* (ἐμφανίζει) (разночтений по спискам нет), очевидно, ошибка восходит к протографу; и форма *измѣнение* возникла вместо *измѣнению* (в греч. Р. п., зависящий от *πρόξυον χροδάτιστω*; вероятно, в протографе было *измѣнению* > *измѣнение* (Син279 86v) > *измѣнение*). Обе эти ошибки нивелированы в списке XV в., из чего мы делаем вывод, что они неисконны и возникли только в одном из ответвлений, восходящем к общему протографу. Кроме того, на месте прич. прош. вр. *бѣвѣшше* в греч. В. п. прич. наст. вр. *οὐσαν *σούψηε*, отмеченное в более поздних списках.

С течением времени, однако, положение стихир изменяется к худшему, к XV в., в частности, текст был, вероятно, сопоставлен с греческим оригиналом, в результате чего вместо корректного *оучении съворъ* появилось грамматически бессвязное *повелѣнии нъ словесіе* (διδασμάτων воспринято без учета падежа — *δίδαγμα* ‘наставление, назидание’, а *σύλλογος* ‘собрание’ смешано с *ἄλογος* ‘бессловесный’). Маловероятно, чтобы эти чтения возникли на славянской почве без привлечения греческого текста.

Однако следующие коррективы уже явно славянские. Причастия, представляющие собой объект — т. е. кому свод наставлений являет Рождество Христово, — согласуются с *благодать* (причем прич. наст. вр. превращается в прич. прош. вр. *благовѣствоваша*). К прямому дополнению *хродатиство* добавляется выносная *м*. А объект *вѣ адѣ дѣржимыиъ доушамъ* превращается в субъект *во адѣ держимыиъ дѣша*, т. е. проповедали уже не святые праотцы, а души держимых во аде.

Судя по всему, не обошлось без привлечения греческого текста и следующее редактирование (в нашем случае представлено минеей 1628 г.), во время которого были исправлены некоторые ошибки, однако вполне закономерное и понятное *съборъ* было заменено на маловразумительную кальку *сословіе* (σύλλογος)¹⁵. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [Богатова (гл. ред.) 2002: 195] у леммы *сословие* есть соответствующее значение: ‘собрание, список, перечень, перечисление’ с единственной цитатой из Алфавита XVII в. Форма Р. п. *кѣгвѣствѣющѣихъ* повисает в воздухе, ни с чем не согласуясь, так же, как и И. п. мн. ч. ср. р. *сѣщала* (в греч. прич. аориста). Дополнение *ходатаиство* заменяется на наречие *ходатаиствено*.

Как мы видим, самая поздняя версия, представленная в «зеленых» минеях, использующихся за богослужением в настоящее время, во-первых, практически полностью копирует текст XVII в., а во-вторых, добавляет ему еще больше невразумительности. В нем сохраняется непонятное в этом контексте для большинства, а скорее всего для всех современных людей, *сословие*. Формы *благовествующия* и *сущия* в данном контексте не могут быть объяснены. Если следовать орфографии современного церковнославянского языка и предположить замену *і* на *и* в связи с использованием гражданского шрифта, то это, очевидно, Р. п. ед. ч. ж. р., что никак не помогает в восстановлении нужного синтаксиса (*и*, как следствие, смысла). Форма на *-ия* могла бы быть истолкована как нормальный древний И. п. ед. ч. ж. р., согласованный с *благодать*, но в учебниках современного церковнославянского языка (в частности, в [Воробьева 2008: 359; Кравецкий, Плетнева 2001а: 270; Миронова 2008: 207]) такая флексия у полных причастий не отмечена. Впрочем, корректного описания морфологии позднего церковнославянского языка до сих пор не существует. Словосочетание *изменѣнию сущу* в современной версии стихир — вероятно, оборот «дательный самостоятельный»¹⁶. Если пытаться перевести текст «зеленых» миней, получается следующее: ‘Поэтому, когда по ходатайству происходит освобождение от тления, они проповедовали

¹⁵ Ср.: одной из причин неясности богослужебных текстов члены Сергиевской комиссии считали то, что «никоновская редакция, в отличие от древней славянской, стремится воспроизвести греческий текст в малейших, зачастую только затрудняющих восприятие деталей». «В связи с этим из текста удалялись греческие лексические и синтаксические кальки...» [Кравецкий, Плетнева 2001: 84]. Очевидно, ряд таких маловразумительных чтений появился еще в дониконовский период, и некоторые из них остаются в служебных минеях до сих пор.

¹⁶ В старославянском языке оборот «дательный самостоятельный» представлял собой сочетание существительного или местоимения в дательном падеже с согласованным с ним причастием. На современный русский язык такой оборот переводится придаточным предложением времени, причины или уступки.

нечто — **что?** — держимым в аду душам ради воскресения'. Очевидно, что в этом случае смысл, как и синтаксис, оказывается нарушен.

Таким образом, даже на примере нескольких стихир, выбранных достаточно произвольно, становится ясно, что в течение многих столетий славянам не удалось создать абсолютно безошибочные переводы для значительного количества гимнографических текстов. При этом примечательно, что современные, отредактированные и активно используемые во время богослужения минеи иногда дальше отстают от греческого оригинала, чем древнейшие переводы.

На наш взгляд, в будущем, при подготовке нового комплекта служебных миней, необходимо в очередной раз провести тщательную текстологическую работу с привлечением греческих оригинальных текстов и постараться привести наконец славянский гимнографический корпус в соответствие с первоисточниками.

Источники

Рукописи

- БАН — Стихирарь минейный XII в., БАН, 34.7.6.
НБКМ 122 — Праздничная минея, 1435 г., НБКМ № 122.
РГБ 476 — Минея служебная (месяц сентябрь), XVII в., РГБ, ф. 301. I 476.
РГБ 503 — Минея служебная (месяц ноябрь), XVII в., РГБ, Ф. 304. I № 503.
РГБ 514 — Минея служебная (месяц декабрь), 1628 г., РГБ, ф. 304. I, 514.
Син279 — Стихирарь минейный XII в., ГИМ, Син. 279.
Син572 — Стихирарь минейный XII в., ГИМ, Син. 572.
Син589 — Стихирарь минейный 1158 г., ГИМ, Син. 589.
Соф384 — Стихирарь минейный 1156–1163 гг., РНБ, Соф. 384.
Тип95 — Переславская минея на ноябрь–декабрь, 1-я четв. XV в., РГАДА, Тип. 95.
Q — Стихирарь минейный XII в., РНБ, Q. п. I, 15.

Издания

- Мин. ноябрь 1097 г. — см. Ягич 1886.
«Зеленые» минеи — Минея (сентябрь–август): в 12 т. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2002 [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/zelenye-minei> (дата обращения: 12.04.2020).
Ягич И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь, ноябрь: В церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. СПб., 1886. [4], СХХХVI, 244, 609 с., 6 л. факс.
MR II — Μηναῖα τοῦ ὄλου ἐνιαυτοῦ. Τ. II. Ἐν Ῥώμῃ, 1889. 740 f.

Литература

- Богатова Г. А.* (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 26. М.: Наука, 2002. 278 с.
- Воробьева А. Г.* Учебник церковнославянского языка. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. 368 с.
- Кривко Р. Н.* Славянские служебные минеи как источник по византийской гимнографии // Христианский Восток. На основе материалов международной конференции «Интерпретация текста в культуре Христианского Востока: перевод, комментарий, поэтическая обработка» (Государственный Эрмитаж, 14.09.2011–16.09.2011) / Государственный Эрмитаж; Российская академия наук. Новая серия, Т. 6 (XII). СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа; М.: Индрик, 2013. С. 378–390.
- Кривко Р. Н.* Текстология и язык славянских служебных миней XI–XIV вв. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2016. 29 с.
- Крылов Г.*, прот. Книжная справа XVII в.: Богослужебные минеи. Доклад на XVII Рождественских чтениях. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newmartyros.ru/page/knizhnaya-sprava-bogoslužebnyh-miney-v-xvii-veke.html> (дата обращения: 20.03.2021).
- Кузьминова Е. А., Пентковская Т. В.* Афоно-Тырновская книжная справа конца XIII–XIV вв. и ее рецепция на Руси // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2016. № 6. С. 9–25.
- Мансветов И. Д.* Как у нас правилась Типик и минеи: Очерк из истории книжной sprawy в XVII столетии. М.: тип. М. Н. Лаврова и К°, 1884. 48 с. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Mansvetov/kak-u-nas-pravilis-tserkovnye-knigi-materialy-dlja-istorii-knizhnoj-spravy-v-17-stoletii-po-bumagam-arhiva-tipografskoj-biblioteki-v-moskve/ (дата обращения: 10.03.2021).
- Медведева Л. П.* Тысячелетнее мгновение // Церковный вестник. 2008. Май. № 10 (383) [Электронное издание]. URL: <http://www.tserkov.info/numbers/history/?ID=2577> (дата обращения: 10.03.2021).
- Миринова Т. Л.* Церковнославянский язык: Грамматика, упражнения, контрольные работы. Словарь. М., 2008. 302 с.
- Плетнева А. А., Кравецкий А. Г.* История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX в.) / Отв. ред. А. М. Молдован. М.: Языки русской культуры, 2001. 400 с.
- Плетнева А. А., Кравецкий А. Г.* Церковнославянский язык. Учебник для общеобразовательных учебных заведений, духовных училищ, гимназий, воскресных школ и самообразования. М.: РОПО «Древо добра», 2001а. 288 с.

Referenses

- Bogatova G. A. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language 11th – 17th centuries]. Issue 26. Moscow, Nauka Publ., 2002. 278 p.
- Krivko R. N. [Slavic service menaia as a source for Byzantine hymnography]. *Khristianskii Vostok. Na osnove materialov mezhdunarodnoi konferentsii "Interpretatsiya teksta v kul'ture Khristianskogo Vostoka: perevod, kommentarii, poeticheskaya obrabotka" (Gosudarstvennyi Ermitazh, 14.09.2011–16.09.2011)* [Christian East. Based on the materials of the international conference "Interpretation of the text in the culture of the Christian East: translation, commentary, poetic processing" (State Hermitage, 09/14/2011–09/16/2011)]. Novaya seriya [New series]. Vol. 6 (XII). St. Petersburg, State Hermitage Publ.; Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 378–390. (In Russ.)
- Krivko R. N. *Tekstologiya i yazyk slavyanskikh sluzhebnykh minei XI–XIV vv. Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [Textology and language of the Slavic service menaia of the 11th – 14th centuries. Abstr. diss. ... doct. philol. sci.]. Moscow, 2016. 29 p.
- Krylov G., prot. *Knizhnaya sprava XVII v.: Bogosluzhebnye minei. Doklad na XVII Rozhdestvenskikh chteniyakh* [Book room on the right of the 17th century: Liturgical minea. Report at the XVII Christmas Readings. 2009]. 2009. Available at: <http://www.newmartyros.ru/page/knizhnaya-sprava-bogosluzhebnyh-miney-v-xvii-veke.html> (accessed 20.03.2021).
- Kuz'minova E. A., Pentkovskaya T. V. [Afono-Tarnovskaya bookstore on the right of the end of the 13th – 14th centuries and its reception in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2016, no. 6, pp. 9–25. (In Russ.)
- Medvedeva L. P. [A thousand-year moment]. *Tserkovnyi vestnik*, 2008, May, no. 10 (383). Available at: <http://www.tserkov.info/numbers/history/?ID=2577> (accessed 10.03.2021).
- Mironova T. L. *Tserkovnoslavyanskii yazyk: Grammatika, uprazhneniya, kontrol'nye raboty. Slovar'* [Church Slavonic language: Grammar, exercises, tests. Dictionary]. Moscow, 2008. 302 p.
- Pletneva A. A., Kravetskii A. G. *Istoriya tserkovnoslavyanskogo yazyka v Rossii (konets XIX – XX v.)* [History of the Church Slavonic language in Russia (late 19th – 20th centuries)]. Resp. ed. A. M. Moldovan. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 2001. 400 p.
- Pletneva A. A., Kravetskii A. G. *Tserkovnoslavyanskii yazyk. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedenii, dukhovnykh uchilishch, gimnazii, voskresnykh shkol i samoobrazovaniya* [Church Slavonic language. Textbook for general educational institutions, theological schools, gymnasiums, Sunday schools and self-education]. Moscow, Drevo Dobra Publ., 2001a. 288 p.
- Vorob'eva A. G. *Uchebnik tserkovnoslavyanskogo yazyka* [Textbook of Church Slavonic language]. Moscow, Orthodox St. Tikhon University for the Humanities Publ., 2008. 368 p.

Стихотворные переносы как явление поэтического синтаксиса В. А. Сосноры

Кирилл Михайлович Балашов-Ескин, Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва), bkm@bk.ru

DOI: 10.31857/S013161170014713-3

АННОТАЦИЯ: Перенос, или enjambement, — синтаксическое средство выразительности, известное в поэзии со времен Античности. Его роль в создании ритма, интонации, формировании семантических нюансов произведения велика. Перенос, его творческое применение, употребление, функционирование, отражает поэтику индивидуального стиля. Особую роль перенос играет в произведениях одного из наиболее ярких советских поэтов второй половины XX в. — В. А. Сосноры, тексты которого отличаются повышенной метафоричностью, предельно усложненной образностью и семантикой. Его переносы нередко создаются на основе «вертикальных» синтаксических связей и имеют широкую функциональность, заключающуюся, в частности, в интенсивном создании новых ассоциативных связей, включая аллюзивные, благодаря которым существенно обогащается внутренняя форма произведений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: В. А. Соснора, стихотворный перенос (enjambement), индивидуальный стиль, неоавангард

для цитирования: Балашов-Ескин К. М. Стихотворные переносы как явление поэтического синтаксиса В. А. Сосноры // Русская речь. 2021. № 2. С. 100–115. DOI: 10.31857/S013161170014713-3.

The Language of Fiction

Poetic Enjambments as the Phenomenon of the V. A. Sosnora's Poetic Syntax

---

Kirill M. Balashov-Eskin, Moscow City University (Russia, Moscow), bkm@bk.ru

---

ABSTRACT: Enjambment is a syntactic means of expression which has been used in poetry since antiquity. Its role in the rhythm, intonation, and the formation of the semantic nuances of the work is great and definitely reflects the poetic of individual style. Enjambment plays a special role in the art works of one of the most prominent Russian poets of the second half of the 20th century — V. A. Sosnora, whose texts are distinguished by the expressive metaphor, complicated imagery and semantics. His enjambments are often based on “vertical” syntactic relations and carry a wide functionality, which consists in the creation of new associative relations, including allusions, due to which the internal form of his art works is significantly enriched.

KEYWORDS: V. A. Sosnora, poetic enjambment, individual style, neo-avant-garde
FOR CITATION: Balashov-Eskin K. M. Poetic Enjambments as the Phenomenon of the V. A. Sosnora's Poetic Syntax. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 2. Pp. 100–115. DOI: 10.31857/S013161170014713-3.

Понятие «стиль», в контексте которого традиционно анализируются вопросы поэтического синтаксиса, в общехудожественном значении термина применительно к произведению, автору, школе или направлению различно по объему. «По общему закону логики, чем шире объем, тем уже содержание, тем меньше признаков входит в его состав» [Сакулин 1990: 142], а потому индивидуальный стиль автора характеризуется бóльшим количеством признаков, нежели стиль направления, в котором он работает. Анализируя стиль, мы так или иначе говорим о единстве этих признаков и черт. В этом случае для литературоведа важно, как писал П. Н. Сакулин, «умение делать морфологический анализ стиля» [Сакулин 1990: 142], а именно, в общем единстве выделять те черты поэтического языка, которые наиболее информативны, характеризуют стиль писателя в наибольшей степени. В этом отношении важную роль играет поэтический синтаксис, определяющий характер соединения идей, поскольку именно на нем, на его особенностях, в значительной степени строится внутренняя форма произведения, по выражению А. А. Потебни, «образ образа» [Потебня 1999: 125].

Среди множества синтаксических средств выразительности особое место занимает перенос, или анжамбеман, как одно из средств создания «внешнего и внутреннего силлабического ритма» [Москвин 2009: 24]. В литературоведении определение анжамбемана достаточно устойчиво: «несовпадение синтаксической и ритмической паузы в стихе, когда конец фразы или *колона* не совпадает с концом стиха (или полустихия, или строфы), а приходится немного позже (*rejet* — “сброс”), раньше (*contre-rejet* — “наброс”) или и позже и раньше (*double-rejet* — “двойной бросок”» (курсив автора. — К. Б.-Е.) [Николюкин (ред.) 2001: 738]. Устойчиво и понимание функций этого приема, в зависимости от частоты применения. При редком использовании перенос фокусирует внимание на месте нарушения ритмико-синтаксической связи, тем самым выделяя отдельные слова или выражения, создавая новые ассоциативные связи и дополняя контекст. При частом же — перенос выступает как средство создания «небрежной разговорной интонации» [Николюкин (ред.) 2001: 738] или «оживления речи» [Томашевский 1959: 166].

Однако этим научное понимание анжамбемана не ограничивается. В противовес «макросинтаксису стиха», а именно вопросу, «как укладываются строки в предложения, образуя или не образуя анжамбеманы» [Гаспаров 2004: 29], определенное распространение получила теория переноса, основанная на анализе «микросинтаксиса» стиха [Гаспаров 2004: 29].

В этом контексте перенос понимается как нарушение или разбалансировка синтаксических связей: «В стихотворном тексте перенос возникает в том случае, если связи вертикальные оказываются сильнее горизонтальных, и он не возникает, если вертикальные связи по силе меньше или равны горизонтальным» [Матяш 1996: 191]. Данная методика выявления переносов строится на сопоставлении горизонтальных и вертикальных синтаксических связей, что представляет собой отдельное направление исследований, со своей специфической методологией и классификацией. Так, иерархия силы синтаксических связей М. Л. Гаспарова — Т. В. Скулачевой насчитывает десять ступеней, а М. И. Шапир различает двадцать три ступени последовательного усиления. В этом по преимуществу лингвистическом аспекте роль анжамбемана видится в том, «чтобы актуализировать членение стиха на строки, напоминать, что оно неестественно» [Гаспаров 2004: 45]. При этом вопрос литературоведческого осмысления стихотворных переносов до сих пор открыт [Матяш 2015].

История анжамбемана в русской поэзии насчитывает не одно столетие — о допустимости переноса в русских стихах полемицировали еще в XVIII веке. Известно, что А. Д. Кантемир, писавший силлабическим стихом, в русской традиции прочно ассоциирующимся с барокко, отстаивал возможность переноса, считал его порой необходимым, а применительно к большим произведениям даже желательным: «чтоб речь могла приближаться к простому разговору» [Кантемир 1956: 7]. В этом проявилась, в частности, его ориентация на паратаксис, распространенный в древнерусском языке и сохранившийся в устно-разговорной речи. Кантемир как поэт барокко не принял реформу стиха В. К. Третьяковского, поскольку «искусственная сетка силлабо-тонического размера, безусловно, мешает проявиться раскованному ритму устно-разговорной речи, который глубоко органичен ему как поэту» [Минералов 2012: 45].

В. К. Третьяковский в своей теории отразил классицистические тенденции и считал перенос пороком стихов. Однако теоретические основы изучения переноса, заложенные В. К. Третьяковским, не всегда оказываются применимы к его собственному творчеству: «Насыщенность переносами отдельных текстов <...> свидетельствует о конфликте между ученым и поэтом» [Матяш 2004: 134]. Резким противником переносов был и А. П. Сумароков — ведущий классицист русской литературы.

Запрет переноса классицистами определялся требованием точного совпадения синтаксических и метрических единиц. Однако на фоне обострившегося спора о цезуре «в эпоху борьбы классиков с романтиками» [Томашевский 2008: 37] анжамбеман все глубже проникает в русскую поэзию, поскольку «в русском стихосложении с самого начала метрическая

цезура не смешивалась с фразовым разделением фразы» [Томашевский 2008: 104], и уже к тридцатым годам XIX века в поэзии А. С. Пушкина становится «обычным выразительным средством» [Томашевский 2008: 369]. Переносы в поэзии А. С. Пушкина, как отмечает М. И. Шапир, «выполняют экспрессивные и изобразительные функции, обретая порой прямую иконичность — там, где Нева выходит из своих берегов, синтаксис выходит из берегов стиха» [Шапир 2015: 174]. Кроме того, М. И. Шапир, говоря о поэзии А. С. Пушкина как о второй реформе стихотворного синтаксиса, отмечает онегинскую строфу как «школу синтаксических сдвигов» [Шапир 2015: 188]. Первая реформа, согласно его теории, осуществлена в ломоносовской оде, а третья — в поэзии И. А. Бродского.

В поэзии XX века анжамбеман становится одним из основных синтаксических художественных средств; многие поэты сделали переносы «из исключения правилом» [Шапир 2015: 189]. Функциональность анжамбемана расширилась, синтаксис становится «еще более автономным и от ритмики, и от метрики, и от строфики» [Шапир 2015: 197]. Яркий индивидуально-авторский оттенок переносы приобретают в поэзии М. И. Цветаевой, И. А. Бродского.

Поэтический стиль последнего в русский стихотворный синтаксис привнес «радикальные изменения»: «Бродский ставил всё более смелые эксперименты по удлинению поэтической фразы и осваивал всё более резкие межстрочные и межстрофные enjambement'ы: он отрывал то предлог от существительного, то отрицательную частицу от глагола, то союз от присоединяемого предложения, а в редких случаях делил слово между стихами или даже строфами» [Шапир 2015: 191]. Не умаляя вклад И. А. Бродского в русский поэтический синтаксис, отметим, что, с другой стороны, Л. В. Лосев видит его поэтику как сравнительно консервативную, относя, к примеру, В. А. Соснору к числу молодых поэтов, которые «решительнее экспериментировали с литературными формами» [Лосев 2008: 79].

Обратимся к поэзии В. А. Сосноры и рассмотрим употребление им переносов на примере одной из наиболее значительных его поэтических книг — «Тридцать семь» (1973).

Основной, общепринятой классификацией анжамбемана является типология переносов Г. А. Шенгели: *rejet*, *double-rejet* и *contre-rejet* [Шенгели 1960: 35].

Творец Тебя, я пью стакан *плодов*
творенья. Ты — обман. Я — брат обмана.

Здесь перенос определяется как *rejet* (сброс). Структурно-смысловая единица разорвана, синтаксическая связь *плодов творенья* стремится

компенсироваться в новых связях, например, новая связь обнаруживается в «творенья. Ты — обман» и прочитывается как «творенье — ты обман». Кроме того, отметим новые образы, создающиеся благодаря переносу, — размещение слов друг под другом вначале и в конце: *Творец — творенья, плодов — обмана.*

Второй тип переноса — *contre-rejet* — чаще встречается в книге, являясь важным элементом композиции:

У трав — цветы и запах хлеба... А у врат
стоит дите, сморкаясь. Сеятель отец
Идет с похмелья сеять лук, поет. Дите
Пустил струю, — она как радуга! Стыл суп <...>
(В. А. Соснора. Пастораль, или Эстонская элегия)

В этом примере анжамбеман становится доминирующим средством создания ритмического рисунка всего стихотворения. Перенос задействует и ассоциативный аппарат — выделяет фразу «стоит дите, сморкаясь», что, вероятно, является аллюзией на стихотворение С. А. Есенина «Грубым дается радость...»:

А на улице мальчик сопливый.
Воздух поджарен и сух.
(С. А. Есенин. «Грубым дается радость...»)

Он также дополнен внутренней разнесенной рифмой: «У трав» — «у врат», «стоит» — «отец», «идет» — «дите», «пустил» — «стыл суп». Поэт использует звуковую игру, близкую к каламбуру. А за счет разрыва синтаксических единиц образ дополняется выделенными анжамбеманом словами: стоит дите — стоит отец, идет отец — идет дите, как бы сливая воедино образ отца и сына, обнаруживая устойчивый христианский символ. Образ, связанный с христианской культурой, дополняется ветхозаветным образом радуги: «Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением завета между Мною и между землею» (Быт. 9:11–13) и новозаветным образом сеятеля (притча о сеятеле).

Третий тип переноса — *double-rejet* — также предстает важным элементом композиции художественной речи стихотворения, например в «Мой милый»:

Было! — в тридцать седьмой год от рожденья меня
я шел по пескам к Восходу. Мертво-живые моря
волны свои волновали. Солнце глазами льва
выло! Но сей лев был без клыков и лап.
(В. А. Соснора. Мой милый!)

В начале стихотворения — «Было!» — через эллипсис создается ощущение 2-й части анжамбемана типа *rejet*, за которым следуют два подряд *double-rejet* с началом в цезуре. Внутреннее созвучие (рифма «было» — «выло», с восклицательными знаками в обоих случаях) подчеркивает параллель. При этом анжамбеман не добавляет ни оживления речи, ни небрежности, скорее наоборот — возвышенности за счет композиции стиха, создающей образы гекзаметра и силлабического тринадцатисложника, которые сами по себе являются выражением «высокого штиля», а также подчеркнутой синтаксисом с нефиксированной цезурой — завершение одной синтаксической единицы и начало другой.

Анжамбеман в этом сложном композиционном рисунке несколько упорядочивает ритм, что имеет своим художественным следствием и то, что стихотворение по структуре, образности и композиции напоминает псалмы:

Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищущу;
Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в
земле пустой, иссохшей и безводной,
чтобы видеть силу Твою и славу Твою, как я
видел Тебя во святилище...

(Пс. 62:2–4)

На связь с псалмами указывает и стихотворение «Псалом», входящее в книгу и построенное схожим образом.

За счет переноса типа *double-rejet* в одном стихе сталкиваются части из разных синтаксических конструкций. Подобное рассечение создает новые ассоциативные связи, например, «я шел по пескам к Восходу. Мертво-живые моря» при чтении трансформируется в синтаксическую единицу — предложение. Аналогичным образом в отдельное предложение складывается и «волны свои волновали. Солнце глазами льва».

Эта функциональная особенность анжамбемана — создание новых ассоциативных связей — проявляется и при так называемом вертикальном чтении, когда «каждое слово в стихе воспринимается на фоне непосредственно предыдущих и последующих, но и конец стиха воспринимается на фоне концов предыдущих стихов, середина стиха — на фоне предыдущих середин и т. д.» [Гаспаров 2004: 25]. Однако перенос, рассекая синтаксические связи и даже сами слова, дополняет вертикальные связи диагональными и перекрестными. М. И. Шапир отмечает это изоморфное свойство поэтического синтаксиса, когда «синтаксис становится еще более автономным и от ритмики, и от метрики, и от строфики» [Шапир 2015: 197], и называет его парасинтаксической системой организации стиха.

Сближение слов разных синтаксических конструкций, не согласованных предлогами и падежами, а также полученные новые синтаксические, а вместе с ними и новые ассоциативные связи могут быть объяснены через обращение к теории «мнимых неправильностей» Ю. И. Минералова, каковыми, «неправильностями», в известном смысле могут быть поняты неполные синтаксические связи, образованные посредством анжамбеманов. Нарушение привычного, грамматически правильного, синтаксиса в поэзии может являться одним из значимых художественных приемов, поскольку только «носитель русского языка без особого усилия может предположить, основываясь на своем знании нормативной грамматики (даже “школьной”), что именно поэты объективно способны тут нарушать» [Минералов 1999: 97]. В художественной речи отмеченные нарушения, «мнимые неправильности», приобретают особые свойства «метафоризации грамматики», построения образности и создания внутренней формы художественного произведения. Это свойство поэтического синтаксиса, а именно «возникновение незримых (не выраженных синтаксическими средствами), но реальных связей, соединяющих не просто слова как формы, а идеи», Ю. И. Минералов называл «ассоциативным синтаксисом» [Минералов 1999: 106].

В продолжение анализа отметим, что «Было!» и «выло!» создают звуковую анафору, связывая вертикально первый и четвертый стих так, что вертикальные связи становятся сильнее горизонтальных, ослабевающих под воздействием цезуры и рассечения синтаксиса. Анжамбеман в данном стихотворении становится одним из основных художественных приемов построения сложных связей метафор, следующих друг за другом и формирующихся в единую последовательно разворачивающуюся метафору. Отметим, что следующее стихотворение — «Отъезд со взморья» имеет похожую форму стиха, но написано оно без анжамбемана, что подчеркивает намеренность этого приема.

Отдельного внимания заслуживают переносы, возникающие тогда, когда «связи вертикальные оказываются сильнее горизонтальных» [Матяш 2015: 29], например:

В кровавых лампах оплывших окон — фигуры девок!
тела на лапах в лохмотьях елок, — о, жизни древо!
(В. А. Соснора. Первое стихотворение 1973 года)

Стихи построены на двух цезурах. Первая метрическая цезура не разрывает синтаксическую связь, а вторая цезура акцентирует внимание на следующей за ней фразе. При этом контраст низкого — «фигуры девок!» — и высокого — «о, жизни древо!» — вновь насыщает образ новыми ассоциативными планами. Вертикальная синтаксическая связь между

стихами (до второй цезуры) сохраняет прочность и за счет дополнительного усиления созвучием, близким к рифме: «*окон*» — «*елок*».

С другой стороны, строение каждого стиха представляет собой отдельную синтаксическую группу и может быть прочитано как предложение, построенное согласно привычным правилам синтаксиса. Из этого следует, что анжамбеман в данном случае создает перекрестную метафору по принципу математической пропорции. А восклицания, играя роль препятствия, словно вклиниваясь в мыслительный поток, вместе с тем связывают рассеченную фразу.

Каждый стих создает свой образ и цветопередачу, реализуя художественный синтез. Первый стих образностью и цветопередачей отсылает к стихотворению В. М. Маяковского «Ночь»:

...а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты.
(В. В. Маяковский. Ночь)

Отдельно стоит отметить так называемый «затяжной перенос» [Матяш 2001], встречающийся в поэзии В. А. Сосноры, например в стихотворении «В эту осень уста твои...»:

Эту осень с устами лиц,
с голосами, с праздником глаз,
поздравляю с плодами птиц
или с листьями ласк.
(В. А. Соснора. «В эту осень уста твои...»)

Синтаксическая связь первого стиха восстанавливается только через стих: «Эту осень... поздравляю», что является еще одним характерным признаком отмеченного «ассоциативного синтаксиса», присущего произведениям Сосноры.

В поэзии В. А. Сосноры переносы вступают в тесную взаимосвязь с другими художественными приемами, а в одном стихотворении гармонично сосуществуют разные типы переносов. В стихотворении «Ночь о тебе» присутствуют сразу четыре вида переноса: строфический, очень редкий в классической поэзии, обычный стиховой перенос, перенос с разбивкой слова и перенос с рассечением и разбалансировкой вертикальных/горизонтальных синтаксических связей:

Звезда моя, происхождением — Пса,
лакало млеко пастью из бутылки.
И лун в окошке — нуль. Я не писал.
Я пил стакан. *И мысли не будили...*

о вас... Я не венчал. Не развенчал.
Я вас любил. И разлюбить — что толку?
Не очарован был. И *разоча-*
рованья — нет. Я выдумал вас. Только.

Творец Тебя, я пью стакан *плодов*
творенья. Ты — обман. Я — брат обмана.
Долгов взаимных — нет. И нет *продол-*
женных ни «аллилуйя», ни «осанна».

<...>

А здесь — упал комар в чернильницу, — полет
из Космоса — в мою пустую урну

(выделение наше. — К. Б.-Е.).

(В. А. Соснора. Ночь о тебе)

Пятистопный ямб с уникальным ритмическим рисунком (паузы, обусловленные синтаксисом) позволяет выявить анжамбеман как нарушение ритмико-синтаксической связи. Разрыв связи между «И мысли не будили...» и «о вас...» подчеркнут многоточием и переходом на следующую строфу. Связь между ними не просто сохранена, а усилена строчной буквой в начале строфы. Посредством анжамбемана создаются две неразрывные синтаксические единицы, синтагмы, в то же время стремящиеся объединиться в одну, что создает эффект последовательности в раскрытии образа от общего к частному: сначала обозначено отсутствие тревожных мыслей вообще, а, начиная со следующей строфы, образ конкретизируется через перевод элегического начала в романтическое русло. С другой стороны, «о вас...» как вводная часть в контексте строфы является элементом уже нового, и, очевидно, женского, образа. Перенос — разбивка слова во второй строфе — отражает футуристические поиски начала XX века. Уже в Серебряном веке внутрисловные переносы были «узаконены» [Шапир 2015: 190] такими поэтами, как И. Ф. Анненский, В. В. Маяковский, М. И. Цветаева.

В. А. Соснора рассекает слово *разоча-рованья* на рифмующуюся часть «развенчал — разоча», попутно создавая отсылку к пушкинскому образу «очей очарованье» из стихотворения «Осень». Аллюзия к стихотворению А. С. Пушкина «Я вас любил: любовь еще быть может...», в начале которого есть ярчайший и семантически очень значимый перенос, задана более явно. Рассечение слова также создает внутреннюю рифму в стихе: «Не очарован был. И *разоча-*», а также фонетическую анафору: «*не очарован — рованья нет*». В этом случае вероятно и еще одна аллюзия —

к экспромту Л. С. Пушкина по поводу поведения его влюбленного брата — А. С. Пушкина (экспромт понравился поэту, и он его повторил):

Он прикован,
Очарован,
Он совсем огончарован.

[В. Л. Пушкин. Письмо П. А. Вяземскому, 27 апреля 1830 г.]

Увеличенное число пауз, благодаря использованию компактных синтаксических конструкций и парцелляции («Только»), плавный пушкинский пятистопный ямб трансформирует в надрыв, передается прерывистость дыхания при произнесении слова с разбивкой: *разоча-ровна*ья.

Тот же принцип наблюдается в переносе «продол-женных». В результате создается рифма «плодов» — «продол», а также внутренняя рифма «долгов» — «продол», с похожим построением фонетической анафоры, правда, менее выраженной: «Долгов *взаимных — женных*». Акцент на расчленении слова расширяет внутреннюю форму образа, дополняя и без того множественную семантику расчлененного слова (например, образ «разрушенного продолжения, прерванного движения») новыми смыслами: жжение, желание, огонь, ожидание и пр.

Общее настроение подчеркивается аллюзией к хрестоматийному стихотворению М. И. Цветаевой со схожим ритмическим рисунком и близкой словесной образностью:

Что никогда в беззвучной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

(М. И. Цветаева.

«Мне нравится, что Вы больны не мной...»)

Стихотворение Цветаевой также содержит несколько видов переносов, подчеркивающих авторский стиль. И в этом случае может идти речь о частичном «портретировании» [Минералов 1999: 29] Соснорой стиля Цветаевой, о воспроизведении «конфигурации» [Минералов 1999: 233] стиля ее произведения, одной из основ поэтического синтаксиса которого является анжамбеман (цитирование «аллилуйя» также участвует в этом портретировании).

В стихотворении В. А. Сосноры также содержится поэтический ответ на широко известное стихотворение-романс Б. А. Ахмадулиной 1960 года «Прощание», написанное четырехстопным ямбом, с усложненным пиррихиями, спондеями и анжамбеманами ритмическим рисунком, имеющее звуковые и тематические параллели со стихотворением В. А. Сосноры:

Как ты любил? Ты пригубил
погибели. Не в этом дело.
Как ты любил? Ты погубил,
но погубил так неумело.

(Б. А. Ахмадулина. Прощание)

В завершение рассмотрим четвертый тип переноса, реализованного через рассечение синтаксической связи *А здесь — полет* и уточнением *упал комар в чернильницу*. В результате возникает новая вертикальная синтаксическая связь, которую можно охарактеризовать как затяжной перенос: «упал комар в чернильницу, / из Космоса». Таким образом создается эффект внезапности происходящего и сравнение со случившимся вдруг событием.

Синтаксически прочно связанные образы *комара, чернильницы, Космоса и урны* богаты не только с точки зрения внутренней формы, но и на множественные аллюзии, не ограничивающиеся М. В. Ломоносовым, И. А. Крыловым, Г. Р. Державиным, А. С. Пушкиным, А. Белым, В. В. Маяковским, М. И. Цветаевой и поэтами-шестидесятниками. Внутренняя форма строится на сопоставлении образов *падения — полета, чернильницы — Космоса — урны*. В этом аспекте вероятна и поэтическая реакция на связанную с освоением космоса трагедию — в 1967 году, 23 апреля (накануне дня рождения поэта), при посадке космического корабля погиб космонавт В. М. Комаров.

Определенно, анжамбеман в поэзии второй половины XX века становится востребованным художественным приемом, при этом отмечаются разные степени его применения, от умеренного (Б. А. Ахмадулина) до весьма радикального экспериментального (И. А. Бродский). В среде поэтов-шестидесятников обнаруживается и общий вектор в экспериментах со стихотворным синтаксисом:

Я вас любил. Любовь еще (возможно,
что просто боль) сверлит мои мозги.
Все разлетелось к черту на куски.
Я застрелиться пробовал, но сложно
с оружием. И далее: виски:
в который ударить? Портила не дрожь, но
задумчивость. Черт! Все не по-людски!

(И. А. Бродский. «Я вас любил. Любовь еще...»)

Есть и акцент на аллюзиях, и тонкие нюансы поэтической семантики, и поэтический диалог как с золотым и Серебряным веками русской поэзии

(«Я вас любил...» А. С. Пушкина, «...и курок не смогу над виском нажать» В. М. Маяковского), так и с современниками.

Функции анжамбемана в поэзии В. А. Сосноры носят системный характер и не ограничиваются композиционными и экспрессивно-изобразительными. Перенос вплетен в поэтическую ткань, обогащает ритмический рисунок текста, иногда даже становится его основой. Отличительной чертой сосноровского анжамбемана можно считать осуществляемое с его помощью портретирование стиля литературного предшественника, что дает широкие возможности вести поэтические диалоги не только на уровне цитирования, аллюзий и реминисценций, но и на уровне стихотворного синтаксиса. Основная функция анжамбемана в книге В. А. Сосноры «Тридцать семь» — это создание новых ассоциативных связей, восстановление внутренней формы слова и образа, наделение их новыми значениями посредством усиления вертикальных и перекрестных синтаксических связей, семантической отнесенности повторенных в контексте переноса фонетических комплексов.

Источники

Ахмадулина Б. А. Сочинения: в 3 т. Т. 1: Стихотворения, 1954–1979. Переводы из грузинской поэзии. Рассказы. М.: ПАН: ТОО «Корона-принт», 1997. 629 с.

Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Т. III. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. 312 с.

Державин Г. Р. Сочинения Державина. Т. 7: Сочинения в прозе / с объясн. прим. [и предисл.] Я. Грота. 2-е акад. изд. (без рис.). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1878. 661 с.

Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. Изд. 2-е. Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений». Сост., подгот. и коммент. С. П. Кошечкина, Н. Г. Юсова. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 544 с.

Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1956. 545 с.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. Т. 1. 1912–1917. 464 с.; Т. 2. 1917–1921. 519 с.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Т. 3. Стихотворения. 1827–1836 / текст проверен и примечания составлены проф. Б. В. Томашевским. Л.: Наука, Ленинградское отд., 1977. 497 с.

Пушкин В. Л. Письмо Вяземскому П. А., 27 апреля <1830 г.> Москва // Пушкин. Лермонтов. Гоголь / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 94–96. (Лит. наследство; Т. 58.)

Соснора В. Стихотворения / В. Соснора. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2018. 910 с.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. 640 с.

Литература

- Гаспаров М. Л. Статьи о лингвистике стиха / М. Л. Гаспаров, Т. В. Скулачева. М.: Языки славянской культуры, 2004. 283 с.
- Лосев Л. В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. 3-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2008. 446 с.
- Матяш С. А. Стихотворный перенос: к проблеме взаимодействия ритма и синтаксиса // Русский стих: метрика, ритмика, рифма, строфика. Сборник статей: В честь 60-летия М. Л. Гаспарова. М.: Изд. РГГУ, 1996. С. 189–202.
- Матяш С. А. К истории и типологии стихотворного переноса // Славянский стих: лингвистическая и прикладная поэтика. М.: Издательский дом «ЯСК», 2001. С. 172–186.
- Матяш С. А. «Мерзкие» переносы Третьяковского // Чтения отдела русской литературы XVIII века. 2004. № 3. С. 114–134.
- Матяш С. А. Еще раз о проблеме выявления стихотворных переносов (enjambements) / С. А. Матяш // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 11, ноябрь. С. 26–33.
- Минералов Ю. И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность): Учеб. для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 360 с.
- Минералов Ю. И. История русской литературы XVIII века: Учеб. пособие / Ю. И. Минералов; 2-е изд., стер. М.: Студент, 2012. 383 с.
- Москвин В. П. Теоретические основы стиховедения. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.
- Николюкин А. Н. (ред.). Литературная энциклопедия терминов и понятий / Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
- Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Издательство «Лабиринт», 1999. 300 с.
- Сакулин П. Н. Филология и культурология / Вступ. ст., сост. и коммент. Ю. И. Минералова. М.: Высшая школа, 1990. 240 с.
- Томашевский Б. В. Стих и язык. Филологические очерки. М.–Л.: Художественная литература, 1959. 472 с.

- Томашевский Б. В. Избранные работы о стихе: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 448 с.
- Шапир М. И. *Universum versus*: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков / Под ред. А. С. Белоусовой и В. С. Полиловой, при участии С. Г. Болотова и И. А. Пильщикова. Кн. 2. М.: Языки славянской культуры, 2015. XXII, 586 с.
- Шенгели Г. А. Техника стиха / Предисл. Л. И. Тимофеева. М.: Гослитиздат, 1960. 312 с.

Referenses

- Gasparov M. L. *Stat'i o lingvistike stikha* [Articles on the linguistics of verse]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004. 283 p.
- Losev L. V. *Iosif Brodskii: opyt literaturnoi biografii* [Joseph Brodsky: the experience of a literary biography]. 3rd ed. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2008. 446 p.
- Matyash S. A. [Poetic transfer: to the problem of interaction of rhythm and syntax]. *Russkii stikh: metrika, ritmika, rifma, strofika. Sbornik statei: V chest' 60-letiya M. L. Gasparova* [Russian verse: metric, rhythm, rhyme, stanza. Festschrift in honor of Gasparov's 60th anniversary]. Moscow, RSUH Publ., 1996, pp. 189–202. (In Russ.)
- Matyash S. A. [To the history and typology of poetic transfer]. *Slavyanskii stikh: lingvisticheskaya i prikladnaya poetika* [Slavic verse: linguistic and applied poetics]. Moscow, Publ. House "YaSK", 2001, pp. 172–186. (In Russ.)
- Matyash S. A. ["Vile" transfers of Trediakovskiy]. *Chteniya otdela russkoi literatury XVIII veka* [Readings of the department of Russian literature of the 18th century], 2004, no. 3, pp. 114–134. (In Russ.)
- Matyash S. A. [Once again on the problem of identifying verse transferences (enjambments)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 11, November, pp. 26–33. (In Russ.)
- Mineralov Yu. I. *Teoriya khudozhestvennoi slovesnosti (poetika i individual'nost'): Uchebnik dlya studentov filol. fak. vysshikh uchebnykh zavedenii* [Theory of literary literature (Poetics and individuality): a textbook for students of philological faculties of higher educational institutions]. Moscow, Human. Publ. Centre VLADOS, 1999. 360 p.
- Mineralov Yu. I. *Istoriya russkoi literatury XVIII veka: Uchebnoe posobie* [History of Russian literature of the 18th century: Tutorial]. 2nd ed., stereotyp. Moscow, Student Publ., 2012. 383 p.
- Moskvin V. P. *Teoreticheskie osnovy stikhovedeniya* [Theoretical foundations of poetry]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 320 p.
- Nikolyukin A. N. (ed.). *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, NPK "Intelvak" Publ., 2001. 1600 clmn.
- Potebnya A. A. *Polnoe sobranie trudov: Mysl' i yazyk* [Complete collection of works: Thought and language]. Moscow, Labirint Publ., 1999. 300 p.

- Sakulin P. N. *Filologiya i kul'turologiya* [Philology and culturology]. Introductory article, comp. and comments by Yu. I. Mineralov. Moscow, Vysshaya Shkola, 1990. 240 p.
- Shapir M. I. *Universum versus: Yazyk – stikh – smysl v russkoi poezii XVIII–XX vekov* [Universum versus: Language – Verse – Meaning in Russian poetry of the 18th–20th centuries] Eds. A. S. Belousova and V. S. Polilova, with the participation of S. G. Bolotov and I. A. Pil'shchikova. Book 2. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2015. XXII, 586 p.
- Shengeli G. A. *Tekhnika stikha* [Technique of verse]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1960. 312 p.
- Tomashevskii B. V. *Izbrannye raboty o stikhe: ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii* [Selected works about verse: a textbook for students of philological faculties of higher educational institutions]. Moscow, Publ. Centre "Akademiya", 2008. 448 p.
- Tomashevskii B. V. *Stikh i yazyk. Filologicheskie ocherki* [Verse and language. Philological essays]. Moscow – Leningrad, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1959. 472 p.

Зевгма в сатирах А. Д. Кантемира

Ольга Львовна Довгий, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва), olga-dovgy@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170014714-4

АННОТАЦИЯ: Статья продолжает серию публикаций автора о поэтике сатир А. Д. Кантемира и посвящена одной из его любимых, часто употребляемых риторических фигур — зевгме. Сатиры Кантемира часто анализируют только на уровне содержания. Однако микрофилологический подход позволяет увидеть в сатирах особый поэтический мир, в котором многообразие людей и их свойств соответствует многообразию художественных средств для их изображения. Основная идея сатир — противостояние старого и нового во всех областях жизни; и для описания этой непрерывной борьбы Кантемир использует выразительные возможности всех уровней текста. Система риторических фигур в сатирах богата и тщательно разработана. Каждая фигура имеет прямое отношение к общему плану и основным идеям сатир. С точки зрения структурно-комбинаторной зевгма относится к операции убавления (*detractio*). Античная риторика выделяла зевгму неосложненную и осложненную (синтаксически и семантически). В статье на материале конкретных примеров рассмотрены «содержательная» и «элокуционная» функции разных видов зевгмы в сатирах: с помощью зевгмы Кантемиру удается в меньшее количество слов вместить больший смысл, разнообразить план выражения и активизировать читательское восприятие.

ключевые слова: А. Д. Кантемир, сатиры, система риторических фигур, комбинаторная операция убавления, зевгма

для цитирования: Довгий О. Л. Зевгма в сатирах А. Д. Кантемира // Русская речь. 2021. № 2. С. 116–127. DOI: 10.31857/S013161170014714-4.

The Language of Fiction

Zeugma in A. Cantemir's Satires

Ol'ga L. Dovgy, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow), olga-dovgy@yandex.ru

---

ABSTRACT: The paper continues the series of author's publications on poetics of A. Cantemir's satires, and is dedicated to one of his favorite and frequently used rhetorical figures – zeugma. Traditionally, only the content of Cantemir's satires is analyzed. However, the microphilological approach allows to see the satires as the unique poetic world, where the variety of people and their properties corresponds to the variety of artistic means for their depiction. The main idea of satires is the opposition of the old and the new in all areas of life. To describe this incessant struggle, Cantemir makes use of the expressive power of all the text levels. The system of rhetorical figures used in the satire is rich and elaborate. Each figure has much to do with the general plan and basic ideas of the satyrs. From the structural-combinatorial point of view of zeugma refers to operation of detractio (detractio). Ancient rhetoric distinguished syntactically and semantically uncomplicated and complicated zeugma. Basing on concrete examples the paper considers the “informative” and “elocutionary” functions of different types of zeugma in satires: with the help of zeugma, Cantemir manages to place the multitude of meanings in fewer words, diversify the expression plan and activate reader's perception.

KEYWORDS: A. Cantemir, satires, rhetorical figures' system, combinatorial operation of detractio, zeugma

FOR CITATION: Dovgy O. L. Zeugma in A. Cantemir's Satires. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2021. No. 2. Pp. 116–127. DOI: 10.31857/S013161170014714-4.

Сатиры А. Д. Кантемира часто рассматривают как чисто обличительные сочинения, написанные архаическим языком, представляющим непреодолимую трудность для чтения. Устойчивая рифма «сатира — Кантемира», утвердившаяся с XVIII века, говорит сама за себя. Однако микрофилологический подход к поэтике сатир позволяет увидеть их в совершенно новом свете. Сатиры — это текст с секретом: они устроены так, что читать их нужно не просто очень медленно и внимательно, но обязательно при помощи микрофилологической лупы («микроскопия», говоря словом Кантемира): «Микроскопий есть инструмент диоптрический, чрез который самую малейшую вещь пространну и ясно видеть можно» [Кантемир 1956: 509]. Суть микрофилологического подхода в признании сатир единым текстом и сквозном изучении функционирования сложной системы взаимосвязей всех уровней текста; причем направление исследовательского взгляда идет не сверху вниз, а из глубины — вверх: от микроуровней — на макроуровни. Сатиры организованы так, что все изменения на микроуровнях текста являются значимыми и содержательно, все используются для выражения единого авторского замысла. Микрофилологический анализ исследует микроконструкции, на которых держится все здание текста. Понимание принципов организации сатир на микроуровнях позволяет более осознанно подниматься на уровень смысла [Кулагина 2018].

Основная идея сатир — противостояние старого и нового во всех областях жизни; и для описания этой непрестанной борьбы Кантемир использует выразительные возможности всех текстовых слоев (лексико-семантического, грамматического, фонетического, пунктуационного, рифменного и т. д.). Именно микрофилологический анализ позволяет увидеть эти параллели, взаимные отражения. Кантемир — очень подробный автор; его сила — в деталях, складывающихся в единую картину.

Системный принцип единства формы сатир органически связан с принципом разнообразия. Чтобы не наскучить читателю, Кантемир использует богатую систему риторических приемов.

В античной риторике, с которой Кантемир был хорошо знаком, выделяли четыре основных комбинаторных операции: «*adiectio* (добавление), *detractio* (убавление), *transmutatio* (перестановка), *immutatio* (замена), причем выбор и построение фигуры отражали волю (*voluntas*) оратора, которую и следует искать за словесной оболочкой» [Махов 2010: 438]. Все четыре комбинаторные операции активно используются Кантемиром [Довгий 2018]. Каждая фигура имеет прямое

отношение к общему плану и основным идеям сатир. Есть особенно часто встречающиеся, «любимые» фигуры. Одна из них — зевгма. О ней и пойдет речь в статье.

Зевгма относится к фигурам убавления. Квинтилиан отмечал, что «фигуры *per detractio* соответствуют эффекту краткости, нередко придают речи характер новизны и неожиданности» [Махов 2010: 442]. Фигуры убавления — знак доверия Кантемира к потенциальному читателю: поэту нужно выразить очень многое; гораздо больше, чем сказано. Механизм образования зевгмы (как его описывал Квинтилиан) заключается в следующем: «Если *detractio* имеет место во фразе, состоящей из скоординированных, параллельных конструкций, то при выбрасывании из одной конструкции подчиняющего (или подчиненного) элемента остающийся элемент в другой конструкции, функционально тождественный выброшенному, может взять на себя синтаксическую функцию выброшенного элемента. В этом виде *detractio* не возникает эффекта смысловой/синтаксической двусмысленности: остающийся элемент берет на себя синтаксическую функцию в той конструкции, которая лишилась аналогичного элемента. Г. Лаусберг называет этот вид *detractio* “образующим скобку” (*Klammerbildende*)» [Махов 2010: 442].

В античности различали зевгму 1) неосложненную (она имеет простую форму и описывается как присоединение нескольких оборотов к «одному слову»); 2) осложненную — когда возникает определенное напряжение между общим элементом и хотя бы одним из соотнесенных с ним элементов: первый по тем или иным параметрам «не совсем подходит» ко второму. Эта несогласованность в целом может иметь либо синтаксический, либо семантический характер. Такую зевгму часто называют силлеспсом (по латыни *consertion*). Это название появляется уже в античной риторике: Псевдо-Руфиан отмечает, что эта фигура возникает, «когда к двум разным мыслям придано одно слово, в наименьшей степени им подходящее (*minime utrisque conveniens*)» [Махов 2010: 441].

Для современных ученых зевгма представляет постоянный вызов, в силу своего семантического и структурного разнообразия и невозможности дать одно-единственное исчерпывающее определение. Как справедливо заметил В. Зиверс, «несмотря на то, что свои мнения относительно зевгмы высказывали многие ученые, ее определения далеки от совершенства» [Москвин 2010: 26]. К числу наиболее авторитетных публикаций, где предприняты попытки скоординировать имеющиеся научные сведения о зевгме, следует отнести статьи Э. М. Береговской [Береговская 1985] и В. П. Москвина [Москвин 2010: 33–34]. В последней приводится список литературы из 80 наименований на восьми языках

[Москвин 2010: 33–34] — что само по себе является свидетельством популярности темы.

Для нашей статьи теоретическая составляющая не является основной. Цель этой работы, как и всех наших публикаций о творчестве Кантемира, совсем иная — неустанно напоминать о праве А. Д. Кантемира быть включенным в круг авторов, чья поэтика, чье риторическое мастерство достойны активного изучения. А делать это можно только одним способом — показывать на конкретных примерах высокий уровень его поэтического мастерства и богатство его поэтологического арсенала.

Зевгма (и осложненная, и неосложненная) — очень частая фигура в сатирах. Она одновременно выполняет как «содержательную», так и «элокуционную»¹ («стилистическую») функции.

Для удобства восприятия мы приводим примеры разных видов зевгмы в виде микросюжетов, каждому из которых даем условное название, выделяемое курсивом.

Зевгма неосложненная

«Общий» элемент и соотнесенные с ним, «повешенные на него» элементы полностью синтаксически и семантически согласованы.

С ее помощью в сатирах, как правило, описывается нечто, не вызывающее сомнения в оценке — положительной или негативной. Это могут быть слова, поступки, психологические состояния людей, качество вещей и т. д. Неосложненная зевгма соответствует несложности вынесения оценки.

Искусный моряк

Иным в море недруги и валы попораны...

[Кантемир 1956: 71].

«Недруги и валы» объединены в единую группу союзом «и»; и эта группа стремится к своему логическому ударному завершению — слову «попораны», составляющему «основу» зевгмы. Искусный моряк должен одновременно поражать всех врагов — и в человеческом, и в природном образе.

Искусный воевода

Много вышних требует свойств чин воеводы
И много разных искусств: и вход, и исходы,
И место, годно к бою, видит одним взглядом...

[Кантемир: 1956; 73].

¹ Elocutio [лат. — украшение] — третья из пяти стадий риторического процесса, различающихся в античности, связанная непосредственно со стилистическим оформлением высказывания.

Основа зевгмы — глагол «требуется». На него «повешены» две синтаксически параллельные группы дополнений: «много вышних свойств» и «много разных искусств». Этому воеводе одного взгляда достаточно, чтобы увидеть многое. Гипербат («много вышних требует свойств чин воеводы») — знак трудности этой профессии. И у читателя, которому приходится распутывать причудливые Кантемировы синтаксические узлы, есть время задуматься о том, как трудно приходится искусному военачальнику.

Муки автора

В первой сатире Автор² говорит о том, как трудно пережить неполучение заслуженных похвал:

Сколько ж больше вместо хвал да хулы терпети!
Трудней то, неж пьянице вина не имети,
Нежли не славить попу святую неделю,
Нежли купцу пиво пить не в три пуда хмелю...
[Кантемир 1956: 60].

Пассаж начинается риторическим восклицанием «Сколько ж!» (риторичность подчеркнута восклицательным, а не вопросительным знаком — важно не узнать точный ответ, которого нет, а просто привлечь внимание), а продолжается зевгмой — тремя анафорическими сравнениями, «повешенными» на наречие в сравнительной степени «трудней то, неж» (нежели). Все три сравнения представляют собой перифраз выражения «очень трудно» (а то и «невозможно»); у них тоже свой композиционный порядок: по бокам про пьяницу с вином и купца с пивом, а в центре про попа с прославлением святой недели. По положению во фразе и по режиму литоты зажатые между пьяницами попу оказываются приравненными к ним — так имплицитно входит сквозной в сатирах мотив пьянства попу. Выражение, на котором все эти сравнения «висят», должно перевешивать их по отдельности и вместе взятые. Вывод ясен: творческие муки непризнанного автора стократ сильнее любых других.

Негодная одежда

Сатир, заглавный персонаж 5-й сатиры («Сатир и Периерг»), один из выразителей авторской позиции, дает такое определение человеческой одежде:

...Недруги покоя,
Зимой от стужи, летом не щитят от зноя...
[Кантемир 1956: 119].

² Автор является полноправным персонажем поэтологического сюжета сатир — поэтому везде пишется с заглавной буквы.

Здесь явно обозначены края: «зима и стужа» / «лето и зной». Чтобы давать покой, одежда должна быть такой, чтобы всегда одинаково «щитить» от краев. Зевгма очень хорошо описывает суть проблемы: на один глагол «щитить» «повешены» оба края (и зима со стужей и лето со зноем). Отрицательная частица «не» в литоте («недруги» вместо «враги») переключается с отрицанием при глаголе: «недруги не щитят». Одежда должна «средину держать», должна быть помощником человека. Вместо этого она добавляет беспокойства.

Зевгма, осложненная грамматически

Выбор воспитателя

В 7-й сатире Автор показывает, как важно серьезно относиться к выбору людей, допущенных к общению с ребенком:

Кормилицу, дядьку, слуг, беседу, сколь можно
Лучшую, бы сыну я избрал осторожно...

[Кантемир 1956: 161].

Основа зевгмы — прилагательное «лучшую» — не согласуется со словом «дядьку» в роде, а со «слугами» в числе. Хотя «нарушители» и мимикрируют под подходящий вариант: «дядька» окончанием «у», а «слуги» тем же «у» как своим единственным гласным, надеясь на силу ассонанса. Такое нарушение даже на уровне грамматики показывает трудность процесса: невозможно, чтобы все слуги (и каждый в отдельности) оказались идеальными, как ни выбирай.

Грубое отношение к детям

В 5-й сатире описана семейная ссора, произошедшая во время общей молитвы:

И молитвы, и кресты, и земны поклоны
Различно сына ругать не дают препоны

[Кантемир 1956: 133].

Основой зевгмы служит глагольная конструкция «ругать не дают препоны». Для соединения трех «повешенных» на нее частей по смыслу и по правилам грамматики следовало бы употребить отрицательную частицу «ни», а Кантемир трижды повторяет союз «и» — отчего усиливается удивление, что такие сильные средства не могут помешать такой мелочи, как родительская брань. И попутно нельзя не отметить, что Кантемир видит разнообразие везде — в том числе и в родительской ругани («ругать различно» — выделено нами. — *О. Д.*).

Победа врагов

В следующем примере на один глагол «повешено» четыре существительных:

Гордость, леность, богатство — мудрость одолело,
Науку невежество местом уж посело...

[Кантемир 1956: 61].

Здесь интересный пример омофонии на уровне флексии. Три существительных из четырех в первой строчке имеют нулевое окончание, но два первые («гордость», «леность») в именительном падеже — они победители. А побежденная «мудрость» — в винительном. На уровне словесном победа одержана и падежом, и числом (существительных в именительном падеже больше и количественно). А единственное число глагола, на котором «висят» все эти существительные, — свидетельство их единства, выступления единым фронтом.

Зевгма семантически напряженная (силлепс)

Здесь один из соотнесенных элементов может семантически плохо «подходить» к общему элементу. «В целом прием семантического силлепса производил впечатление неожиданности, остроумия. Общий элемент присоединял к себе разноплановые понятия, противопоставленные по тем или иным признакам» [Махов 2010: 442].

Как мы сейчас увидим — Кантемир прекрасно владел этим риторическим приемом.

Сатирический портрет лентяя

Во 2-й сатире любитель добродетели Филарет упрекает своего приятеля Евгения, погрязшего в роскоши:

...а ты под парчою,
Углублен мягко в пуху телом и душою

[Кантемир 1956: 71].

На одно краткое причастие «углублен» «повешены» два дополнения: «телом» и «душою». Зевгма семантически напряженная, так как на уровне материальном углубиться душой в парчу и пух невозможно. Именно такой прием нужен, чтобы показать, что душа Евгения столь же изнежена и ленива, сколь и его тело.

Похвала Петру

...осмелился и престол оставить
И покой...

[Кантемир 1956: 159].

Здесь тоже чувствуется семантическое напряжение: «оставить престол» можно, а «оставить покой» звучит странно. Основа зевгмы — инфинитивная конструкция совершенного вида «осмелился оставить» оркестрована анафорой «ос» и ассонансом на «и». Материальная часть зевгмы «престол» находится в этой же строке и гармонирует с глагольными частями и фонетически (ассонанс и аллитерация: «осмелился и престол оставить»). А вот метафорическая часть «покой» перенесена в другую строку, что создает некоторое семантическое напряжение и переносит всю смысловую тяжесть на себя: оставить покой оказывается сложнее, чем оставить престол. Кроме того, нельзя не почувствовать внутреннюю антитезу и в самой группе «оставленного»: слова «престол» и «покой» не являются близкими по смыслу. Их вполне можно считать контекстуальными антонимами.

История жизни в двух зевгмах

Рассказ о судьбе Клеарха из третьей сатиры:

Прочее в долг набрано обманом, слезами,
Клятвами и всякими подлыми делами.
Растет долг, и к росту рост на всяк день копится,
Пока Клеарх наш весь гол в тюрьме очутится,
Заимодавцам своим оставя в награду
Скучну надежду, суму, слезы и досаду

[Кантемир 1956: 92].

Пассаж обрамляют две цепочки действий, выраженных зевгмой, которые можно считать зеркальными. На словосочетание «набрано в долг» (само по себе нестойкое: причастие совершенного вида плюс существительное «долг» в косвенном падеже) «повешено» четыре существительных в творительном падеже (ничего стойкого, ни одного существительного в именительном падеже — конструкция заведомо «шаткая» грамматически) с семантикой недобрых дел, причем в перечислении сначала даны вроде бы конкретные вещи («обман», «слезы», «клятвы»), а последним пунктом идет расширение-обобщение («всякими подлыми делами»). В конечной позиции в строке стоит слово «слезы» в творительном падеже. Слезы — в функции инструмента, помощника в накоплении долгов.

Дальше идет строчка:

Растет долг, и к росту рост на всяк день копится...

Здесь полиптотон (употребление разных падежей) поддержан парегменом (использование однокоренных слов) и фонетическим сходством (ассонанс на «о»). Так постепенно и неуклонно движется к гибели неразумный персонаж — что видно и на микроуровнях текста.

А дальше Клеарх оказывается в тюрьме — и что же возвращается его заимодавцам? На уровне словесном — еще одна зевгма, базирующаяся на еще более шатком грамматическом основании: на деепричастии совершенного вида «оставя в награду» (несомненно, слово «награда» здесь знак иронии). Вторая цепочка, хотя формально и короче первой (занимает одну строчку, а не две), но тоже содержит четыре существительных, «повешенных» на «основу». Все они в винительном падеже и имеют семантику разочарования, разрушенных ожиданий:

Скучну надежду, суму, слезы и досаду...

Оркестровка на «у» (частая у Кантемира) добавляет уныния. В обеих цепочках присутствуют «слезы» в разных падежах — и здесь снова полиптотон: слезами Клеарх добывал у заимодавцев деньги в долг, слезы он им и вернул.

Отказ от зевгмы (гипозевксис)

Кантемир демонстрирует постоянное взаимодействие двух противоположных риторических операций: прибавления и убавления. У каждой свои функции. Уже в античности была известна «фигура, зевгме противоположная» — гипозевксис [Москвин 2010: 26]. Кантемир умело использует его в соответствии со своим поэтическим замыслом. Покажем на примере.

Во второй сатире Филарет, стараясь направить Евгения на путь истинный, постоянно говорит о его славных предках, активизируя оппозицию «помнить/забыть» — часто как раз при помощи изысканной зевгмы:

Забыта крови твоей и слава и древность,
Предков к общества добру многотрудна ревность...
[Кантемир 1956: 68].

Тут на одно причастие прошедшего времени «забыта» (да еще в единственном числе) «повешены» такие важные вещи, как слава и древность крови и к добру «многотрудна» ревность. Одного этого причастия достаточно — чтобы стереть все добрые дела. Филарет опирается на глагол «забыть».

Евгению в сатире дано немного слов, но и он не чужд риторического искусства. В ответ на «стирающее» причастие «забыта» Евгений выдвигает повтор антонима «помнит» — в личной форме глагола, поддержанный персональной конкретизацией, перечислением тех, кто помнит:

...помнит челобитчик
Милость их, и помнит злу остуду обидчик...
[Кантемир 1956: 69].

Было бы логично «краткости радея» сказать: «Помнит челобитчик милость и остуду обидчик», употребив самую простую, неосложненную зевгму. Но Евгений отказывается от зевгмы и «утяжеляет» стих повтором глагола — для подчеркивания и усиления мотива долгой памяти, такого важного для него.

Так что можно говорить о риторической оппозиции «использование зевгмы» / «отказ от зевгмы» как выражения смысловой оппозиции «память/забвение».

Подведем итог. Из приведенных примеров видно, что основные функции использования зевгмы в сатирах Кантемира — «содержательная» и «элокуционная» — находятся в полной гармонии. Зевгма позволяет с помощью меньшего числа слов выразить бóльший смысл, разнообразит авторскую речь, не давая читателю заскучать, и позволяет читателю чувствовать себя активным участником процесса постижения поэтического мира сатир. Кантемир дает яркий пример использования богатого арсенала известных с античности риторических средств для привлечения дополнительного внимания к основным идеям сатир, но внимания уже на ином — глубинном — уровне.

Безусловно, Кантемир — трудный автор. Для его чтения нужно время и внимание; его поэтический мир требует глубокого погружения. Мы старались привести примеры, которые ясно показывают, что его творчество стоит этих усилий. И забывать о Кантемире — значит сильно обеднять и словесность, и науку о ней.

Литература

- Береговская Э. М.* Проблема исследования зевгмы как риторической фигуры // Вопросы языкознания. 1985. № 5. С. 59–67.
- Довгий О. Л.* Сатиры А. Д. Кантемира как код русской поэзии. 2-е изд. Тула: Аквариус, 2018. 447 с.
- Кантемир А. Д.* Собрание стихотворений. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1956. (Библиотека поэта). 545 с.
- Кулагина О. Л.* Сатиры А. Д. Кантемира: поэтика, контексты, интертексты: дис. ... докт. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2018. 617 с.
- Махов А. Е.* Фигуры // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения. М.: Изд-во Кулагиной, 2010. С. 437–455.
- Москвин В. П.* О зевгме, ее разновидностях и смежных явлениях // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69. № 5. С. 26–34.

References

- Beregovskaya E. M. [The problem of studying zeugma as a rhetorical figure]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1985, no. 5, pp. 59–67. (In Russ.)
- Dovgy O. L. *Satiry A. D. Kantemira kak kod russkoi poezii* [A. D. Cantemir's satires as a code of Russian poetry]. 2nd ed. Tula, Akvarius Publ., 2018. 447 p.
- Kantemir A. D. *Sobranie stikhotvorenii* [Collection of poems]. 2nd ed. Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1956. 545 p.
- Kulagina O. L. *Satiry A. D. Kantemira: poetika, konteksty, interteksty: dis....dokt. filol. nauk* [Satira A. D. Kantemira: poetics, contexts, intertexts: dis.... doct. philol. sci.]. Moscow, Lomonosov MSU, 2018. 617 p.
- Makhov A. E. [Figures]. *Evropejskaya poetika ot antichnosti do epohi Prosveshheniya* [European poetics from antiquity to the Enlightenment]. Moscow, Kulagina Publ. House, 2010, pp. 437–455. (In Russ.)
- Moskvin V. P. [On zeugma, its varieties and related phenomena]. *Izvestiya RAN. Seriya literatura i yazyka*, 2010, vol. 69, no. 5, pp. 26–34. (In Russ.)

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *О. В. Антонова*

Редакторы *А. В. Занадворова, М. А. Пузина*

Корректор *В. Л. Цумарева*

Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Подписано к печати 28.04.2021 г.

Формат 60×88 ¹/₁₆

Уч.-изд. л. 10,4

Тираж 240 экз.

Зак. 18/2а

Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук

20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту 4У-ЭА-069-20

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»